

Имб. № 59.

37 / 37
в

3-й г. изд.

№ 1-й.

330

ВѢСТНИКЪ

ОРЕНБУРГСКАГО

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1904 г.

1914 годъ.

1908 г.
ОУЧНЫЙ
№ 520

К.К.

У Ф А.

Электр. типо-лит. Т-ва О. Г. Соловьевъ и К^о.

1914.

III. Научный отдѣлъ.

На Оренбургской пограничной линіи.

(Очерки прошлаго).

Дѣла давно минувшихъ дней—
Преданья старины глубокой.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ наши Оренбургскія степи, широкою необозримою гладью раскинутыя по р.р. Уралу, Ую и Тоболу, представляли свободный ничѣмъ не сдерживаемый, просторъ для степного вѣтра да дикаго кочевника-киргиза; плугъ земледѣльца не проводилъ ни одной борозды по могучей груди матушки степи, бережно хранившей свои богатства, только развѣ табуны степныхъ коней, вольно гулявшихъ по роскошной высокой травѣ, кое-гдѣ своими копытами взрывали дѣвственную почву.

Дики и невѣжественны были первые обитатели этой степи,—киргизы. Разбросанные небольшими аулами по необозримой степи, они ничего не знали кромѣ своихъ стадъ да набѣговъ на своихъ соплеменниковъ и сосѣдей единовѣрцевъ-башкиръ. Гибельны были ихъ набѣды: пылали башкирскіе улусы, сотнями шли плѣнники и безслѣдно пропадали: степь служила надежнымъ и вѣрнымъ товарищемъ хищническихъ ордъ.

Изнемогали башкиры отъ быстрыхъ жестокихъ набѣдовъ своихъ сосѣдей; не въ силахъ были сопротивляться они и могучему сосѣду съ запада, а потому отдались подъ покровительство сильной Россіи и потребовали постройки городка, который служилъ бы центральнымъ пунктомъ для сбора ясака и защищалъ бы ихъ отъ киргизскихъ набѣговъ. Такъ возникъ первый оплотъ русскаго владычества—гор. Уфа, основанный въ 1574 году. Съ этихъ поръ и начинается движеніе русскихъ въ глубь Башкиріи, которая была охвачена точно кольцомъ русскими крѣпостями.

Однако, степные кочевники-киргизы и послѣ этого не прекратили своихъ набѣговъ, а, укрываясь въ своихъ степяхъ, безнаказанно производили грабежи и разбои, дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ небольшими шайками. А, между тѣмъ, волна русскихъ колонизаторовъ, наполнивъ башкирскій край, уже лилась дальше, въ глубину южныхъ Оренбургскихъ степей и столкнулась здѣсь съ киргизами. Первыми русскими піонерами здѣсь было вольное казачество, которое всюду, при завоеваніи окраинъ,

двигалось всегда впереди правительственныхъ дружинъ, внося въ дикій край начатки русской гражданственности и христіанства.

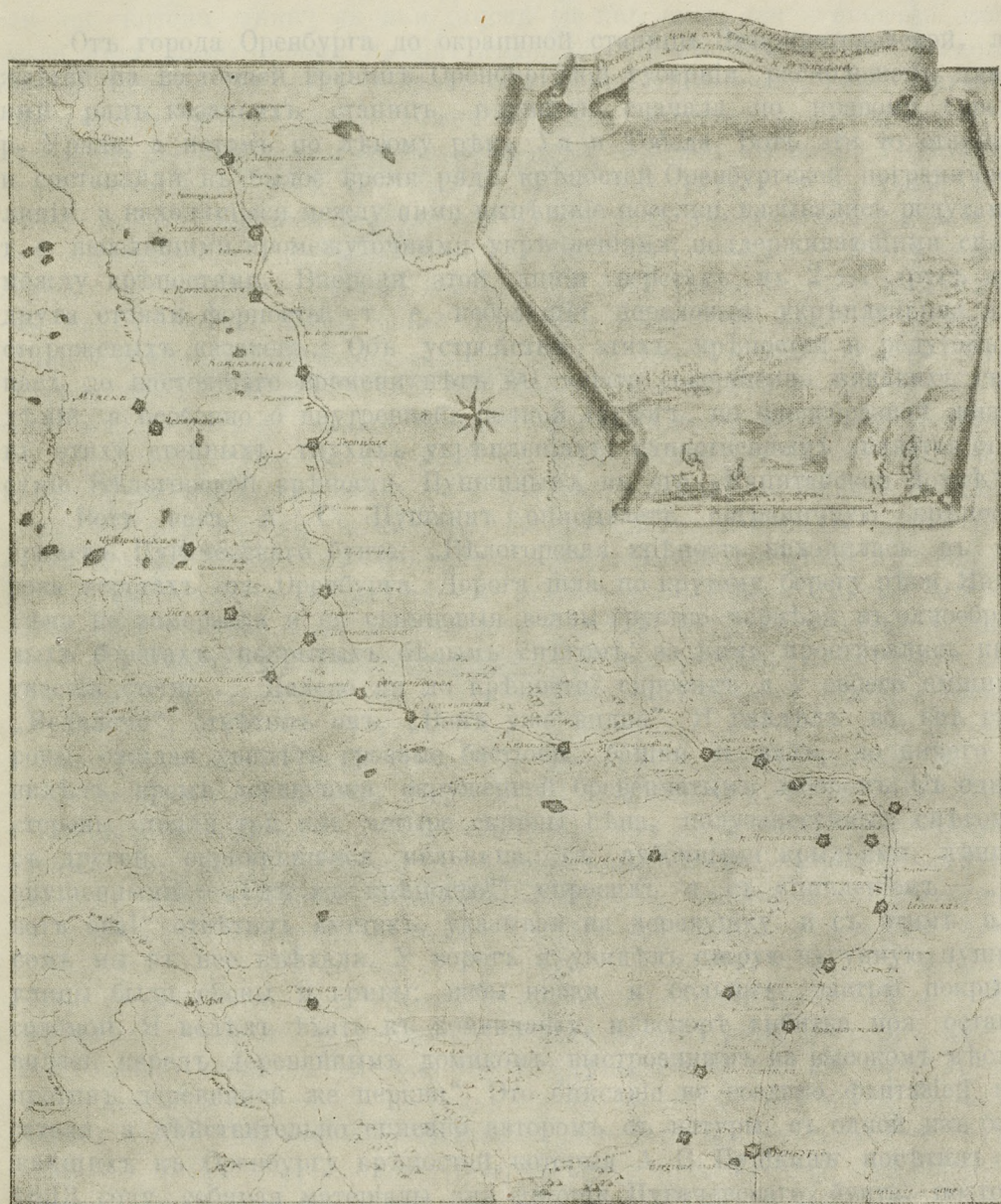
Колонизація южныхъ Оренбургскихъ степей русскими начинается, главнымъ образомъ, со времени учрежденія въ 1734 году „Оренбургской пограничной экспедиціи“, во главѣ со ст. сов. Кирилловымъ, которому даны были огромныя полномочія. Цѣлью же этой экспедиціи было утверждение въ краѣ русскаго владычества и постройка крѣпости при сліяніи Ори съ Ураломъ для защиты русскихъ владѣній отъ киргизъ и распространенія торгово-промышленнаго и политическаго значенія Россіи въ Средней Азіи.

15 августа 1735 года при устьѣ рѣки Ори, послѣ молебна и троекратнаго выстрѣла изъ пушекъ, былъ заложенъ городъ Оренбургъ о 9 бастіонахъ (нынѣ городъ Орскъ), который вмѣстѣ съ пристанью Верхояицкой (нынѣ Верхнеуральскъ), заложенной осенью 1734 года для облегченія подвоза провіанта и матеріаловъ, составилъ первое ядро русскихъ поселеній на Уралѣ, выдвинутыхъ въ киргизскую степь и послужившихъ звеньями для устройства нѣсколькихъ десятковъ новыхъ крѣпостей, соединившихъ эти два города и раскинувшихся по рѣкамъ Уралу, Ую и Тоболу. Всѣ эти крѣпости составили такъ называемую Оренбургскую пограничную линію, которой и суждено было принять на себя всѣ натиски и удары кочевниковъ. (См. рисунокъ 1-й).

Со времени основанія этихъ пограничныхъ крѣпостей начинается тяжелая вѣковѣчная борьба русскихъ съ киргизами за обладаніе краемъ. Трудна и безпокойна была жизнь въ этихъ крѣпостяхъ: не проходило дня, чтобы не было тревоги, чтобы не было перестрѣлки или не раздавались отчаянные крики о помощи неосторожнаго русскаго, схваченнаго киргизами и увлекаемаго на арканъ въ плѣнъ. Много было пролито здѣсь русской крови, много положено буйныхъ головушекъ ради благоденствія и счастія будущихъ поколѣній; усѣяны родныя степи бѣлыми казачьими костями, политы казачкою кровью; пришлось удалымъ казаченькамъ и здѣсь всю трудную борьбу вынести на своихъ плечахъ и принять тяжелые удары киргизскихъ кистеней на свои головы. Но трудныя времена прошли, буйная жизнь миновала, и память о былыхъ подвигахъ, былой борьбѣ постепенно исчезаетъ у потомковъ. Поэтому теперь, пока еще не все забыто, наука должна сохранить то, что еще возможно собрать, „дабы вѣдали будущія поколѣнія земли родной минувшую судьбу“. Пройдутъ еще десятки лѣтъ, сойдутъ въ могилу старики, свидѣтели прошлой жизни или слышавшіе повѣсть о прошлой жизни непосредственно изъ устъ борцовъ и вмѣстѣ съ ними сойдеть въ могилу и память о былыхъ временахъ. — И только печатное слово скажетъ потомкамъ о невзгодахъ и буряхъ, которыя разыгрались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ свободно и спокойно трудится пахарь, мирно живетъ кочевникъ — киргизъ.

Постараемся, насколько возможно, изложить здѣсь правдивые очерки прошлой жизни, составленные частію на основаніи собранныхъ нами разсказовъ и преданій отъ стариковъ, а частію извлеченныхъ изъ официальныхъ источниковъ.

1. Пограничная крѣпость.

Карта Оренбургской линіи 1792 года.

(Изъ книги Дмитріева-Мамонова „Пугачевскій бунтъ въ Зауральи и Сибири“).

I. Пограничная крѣпость.

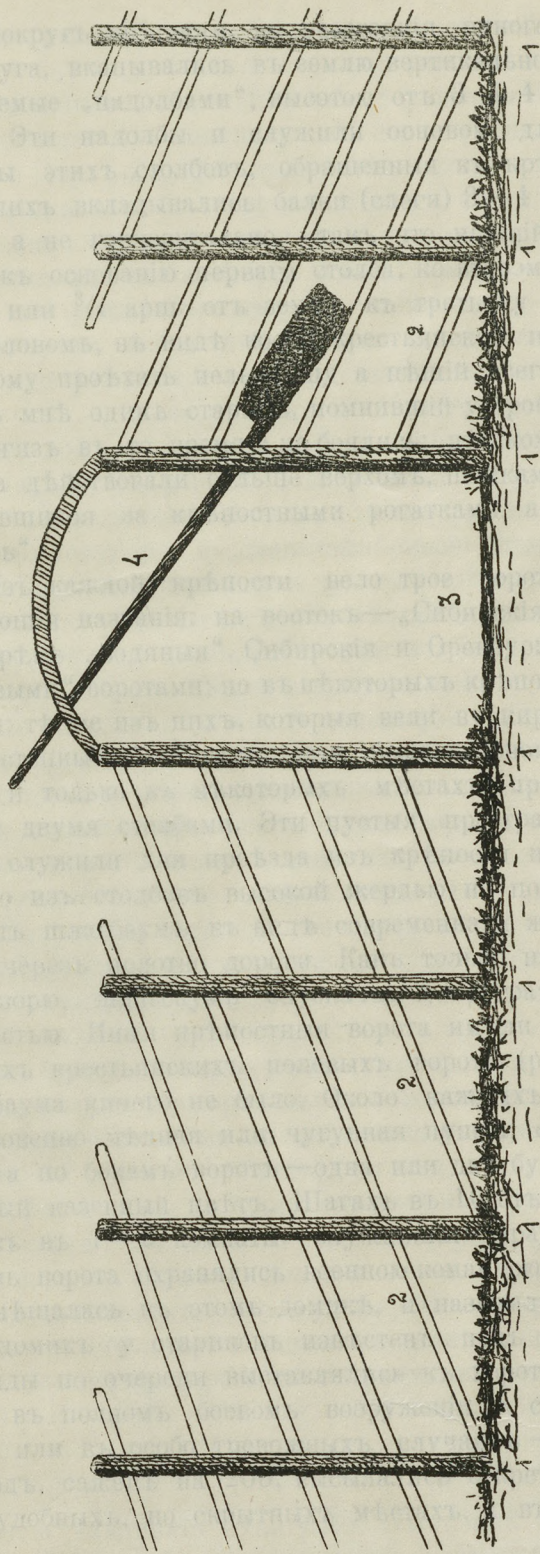
Отъ города Оренбурга до окраинной станицы Звѣриноголовской, лежащей на восточной границѣ Оренбургской губерніи, расположенъ длинный рядъ казачьихъ станицъ, идущихъ сначала по правому берегу р. Урала, а потомъ по лѣвому рѣкѣ Уя и Тобола. Вотъ эти то станицы и составляли въ былое время рядъ крѣпостей Оренбургской пограничной линіи, а находящіяся между ними нынѣшніе поселки, назывались редутами, т. е. небольшими промежуточными укрѣпленіями, поддерживающими связь между крѣпостями. Впереди этой линіи верстахъ въ 2—7 другъ отъ друга стояли форпосты, т. е. небольшія передовыя укрѣпленія для сторожевыхъ казаковъ. Объ устройствѣ этихъ крѣпостей и редутовъ у насъ до настоящаго времени нѣтъ въ печати совершенно никакихъ свѣдѣній, а особенно о внутренней, полной тревогъ, но однообразной жизни въ этихъ степныхъ, глухихъ укрѣпленіяхъ; единственнымъ является описаніе Бѣлогорской крѣпости Пушкинымъ въ его „Капитанской дочкѣ“.

Вотъ какъ А. С. Пушкинъ описываетъ пограничную крѣпость временъ Пугачевского бунта: „Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу рѣки Яика. Рѣка не замерзала и ея свинцовыя волны грустно чертили въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ; за ними простирались киргизскія степи... Далекое ли до крѣпости? спросилъ я у своего ямщика. „Недалече“, отвѣтилъ онъ. „Вонъ уже видна“. Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастионы, башни и валъ, но ничего не видѣлъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой, скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными.— „Гдѣ же крѣпость?“ спросилъ я съ удивленіемъ.— „Да вотъ она!“ отвѣтилъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ я увидѣлъ старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и вскорѣ кибитка моя остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, противъ деревянной же церкви“. Это описаніе не создано фантазіей писателя, а дѣйствительно списано авторомъ съ натуры, съ одной изъ ближайшихъ къ Оренбургу крѣпостей, которыя А. С. Пушкинъ посѣтилъ въ 1833 году, собирая матеріалы для исторіи Пугачевского бунта; поэтому Бѣлогорскую крѣпость можно считать прототипомъ для нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостей, расположенныхъ близъ Оренбурга, хотя и всѣ крѣпости Оренбургской пограничной линіи имѣли очень много общаго съ крѣпостью, описанной Пушкинымъ. Дѣйствительно, большинство крѣпостей представляло незначительныя деревушки, съ двумя-тремя десятками небольшихъ домиковъ, съ окнами почти всегда во дворѣ, и только

одно окно да крылечко выходило на улицу, дабы въ случаѣ нападенія враговъ можно было видѣть, что дѣлается на улицѣ, и имѣть возможность выскочить изъ дома или во дворъ, или на улицу, смотря по необходимости. Съ этой цѣлью обычнымъ типомъ домовъ были, такъ называемыя, „связи“, состоящія изъ двухъ комнатъ, избы для зимняго жилья и „горницы“ для лѣтняго, разгороженныхъ между собою небольшими сѣнцами, аршина въ полтора, у которыхъ имѣлось двѣ дверки, ведущихъ одна во дворъ, а другая—на улицу. Крыты эти дома были почти вездѣ тесомъ, за исключеніемъ безлѣсныхъ мѣстностей; избышки стояли очень близко другъ отъ друга, не больше 5—6 сажень, остававшихся для дворика, имѣвшаго около 5×5 квадр. сажень. Въ большомъ же дворѣ и нужды не было, такъ какъ населеніе было почти исключительно военное,—гарнизонные солдаты и казаки,—изъ которыхъ хозяйствомъ никто не занимался,—а всѣ со своими семьями жили на казенномъ провіантѣ, получая изъ продовольственныхъ магазиновъ „пайки“,—муку, крупу, мясо и проч.; строевая казачья лошадь да одна-двѣ коровы,—вотъ и все хозяйство крѣпостного обитателя; телѣги и тѣ были у рѣдкихъ: такъ, дрова привозились военными командами на казенныхъ фурахъ; кромѣ того, скученность построекъ вызывалась и ограниченностью мѣста огороженнаго валомъ: каждый клочекъ земли былъ на учетѣ, а селиться за валомъ никто не рисковалъ да и не было возможности, такъ какъ въ первую же ночь такой смѣльчакъ со своей семьей могъ оказаться въ плѣну у хищниковъ-киргизъ, день и ночь сновавшихъ около крѣпости въ скрытныхъ мѣстахъ.

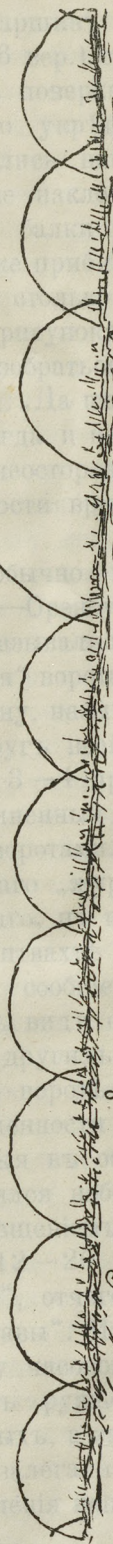
Въ самомъ центрѣ крѣпости, на болѣе возвышенномъ и удобномъ мѣстѣ была небольшая площадь, по срединѣ которой красовалась убогая деревянная церковь, а по сторонамъ находились квартиры коменданта и другихъ офицеровъ, канцелярія крѣпости, провіантскій складъ, главная гауптвахта (по мѣстному „обахта“) и другія казенныя зданія, отличавшіяся отъ домовъ обывателей своимъ простымъ казеннымъ видомъ и величиною.

Вся эта небольшая, но очень скученная группа построекъ, съ очень узкими улицами, была огорожена, въ большинствѣ случаевъ, землянымъ валомъ и рвомъ или частоколомъ. Нѣкоторыя же крѣпости просто огораживались двойнымъ плетнемъ, отстоящимъ на $\frac{1}{2}$ или 1 арш. другъ отъ друга, при чемъ пустое пространство между плетнями забивалось землею. Съ теченіемъ времени валы и плетни разрушались, да и самыя поселенія расширялись; жить становилось тѣсно, почему первоначальныя укрѣпленія постепенно замѣнялись „рогатками“. Этотъ видъ крѣпостныхъ укрѣпленій былъ общимъ почти для всѣхъ крѣпостей эпохи Александра I. Рогатки нельзя назвать ни частоколомъ, ни заплотомъ, сдѣланнымъ изъ бревень. Это была простая, рѣдкая изгородь, въ родѣ обыкновенной нынѣшней крестьянской околицы, которой крестьяне огораживаютъ поскогину, т. е. выгонъ для своего скота, дабы онъ не проходилъ на засѣянные хлѣбомъ поля.

Планъ постройки, каковы были орудия и орудия порохомъ и т.д.

1. - Покровъ. 2. - Мертв. 3. - Порохъ. 4. - Порохъ.

Сили - таловые или березовые прутья
состынуты дугою, а концы ихъ вбиты въ землю.
Порубы таловой или березовой
Сили подбиты, значить прутья порубы.

Вис. 2.

Вокругъ крѣпости, на разстояніи одного или двухъ аршинъ другъ отъ друга, вкапывались въ землю вертикально толстые (5—6 вер.) столбы, называемые „надолбами“, высотой отъ 3 до 4 аршинъ надъ поверхностью земли. Эти надолбы и служили основою для крѣпостного укрѣпленія. Стороны этихъ столбовъ, обращенныя къ крѣпости, зарѣзались наклонно и въ нихъ вкладывались балки (слоги) 3—4 вершковъ, тоже наклонно къ землѣ, а не горизонтально, такъ что нижній конецъ этой балки прибывался къ основанію перваго столба, ко второму эта балка уже прибывалась на $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ арш. отъ земли, къ третьему еще выше на столько же и т. д., словомъ, въ видѣ косой крестьянской изгороди. (См. рисунокъ 2-й). „Конному проѣхать нельзя, ну а пѣшій всегда можетъ пробраться“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ, помнившій устройство рогатокъ. „Да пѣшихъ-то киргизъ въ то время и не боялись: пѣшкомъ-то они никогда и не нападали, а дѣйствовали больше верхомъ, шайками, и ловили неосторожныхъ, зазѣвавшихся за крѣпостными рогатками, а внутрь крѣпости врываться боялись“.

Изъ каждой крѣпости вело трое воротъ, которыя обычно носили слѣдующія названія: на востокъ—„Сибирскія“, на западъ—Оренбургскія и къ рѣкѣ „водяныя“. Сибирскія и Оренбургскія иногда назывались еще „полевыми“ воротами; но въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ „полевые“ ворота были особые: тѣ же изъ нихъ, которыя вели въ киргизскую сторону, назывались еще „стенными“. Рогатки шли безпрерывною цѣпью вокругъ всей крѣпости и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывались на 3—4 аршина, между двумя столбами. Эти пустые пространства, несоединенныя рогатками, служили для проѣзда изъ крѣпости и назывались воротами. Около одного изъ столбовъ высокой жердью на подобіе колодезнаго „журавля“, торчалъ шлагбаумъ, въ видѣ современнаго желѣзнодорожнаго, на переѣздахъ черезъ полотно дороги. Какъ только на главной гауптвахтѣ проби-вали зорю, шлагбаумъ спускался и преграждалъ всякое сообщеніе съ крѣпостью. Иныя крѣпостныя ворота имѣли полотнища, въ видѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ полевыхъ воротъ (рогатокъ), а у другихъ кромѣ шлагбаума ничего не было. Около каждыхъ крѣпостныхъ воротъ стояла обыкновенно мѣдная или чугунная пушка, смотря по численности гарнизона, а по бокамъ воротъ—одна или двѣ будки, окрашенныя въ обычный пестрый казенный цвѣтъ. Шагахъ въ 10 отъ воротъ находился небольшой домикъ въ 1—2 комнаты, служившій караульнымъ помѣщеніемъ. День и ночь ворота охранялись военною командою чело-вѣкъ въ 12—20, которая и помѣщалась въ этомъ домикѣ, и называлась „заставою“, отчего и самый домикъ у стариковъ извѣстенъ подъ именемъ „заставы“. Изъ этой команды по очереди выставлялись къ воротамъ по одному часовому солдату, въ полномъ боевомъ вооруженіи и съ заряженнымъ ружьемъ; на ночь или въ особо тревожныхъ случаяхъ—по два часовыхъ, а за ворота впередъ, сажень на 200, высылались секреты, которые и залегали въ болѣе удобныхъ, но скрытныхъ мѣстахъ, и въ случаѣ появленія непріятеля

давали знать въ крѣпость. Такимъ образомъ, каждая значительная крѣпость имѣла не менѣе трехъ заставъ.

Главная гауптвахта (по мѣстному „обвахта“) стояла, обыкновенно, въ центрѣ крѣпости на площади, рядомъ съ комендантской канцеляріей, и служила помѣщеніемъ для главнаго крѣпостного караула, при которомъ находился дежурный офицеръ; въ этой же гауптвахтѣ находились и помѣщенія для арестованныхъ солдатъ и офицеровъ: сюда же приводились и пойманные въ непоказанное время (послѣ зари) люди, бродившіе по улицамъ. Короче сказать, — на главный караулъ возлагалась вся отвѣтственность за спокойствіе и порядокъ въ крѣпости; здѣсь же собирались войска для отраженія набѣговъ, отсюда подавались сигналы для сбора, на обѣдъ и здѣсь пробивалась вечерняя и утренняя зори.

Съ главной гауптвахты высылались караулы на всѣ заставы, на „притины“ и ночные патрули для обхода крѣпостныхъ улицъ. „Притинами“ назывались посты, на которыхъ стояли часовые солдаты. Такихъ притиновъ въ каждой крѣпости было нѣсколько: у порохового погреба, у провіантскихъ магазиновъ и цейхгаузовъ, у казенныхъ складовъ сѣна, въ комендантской канцеляріи и у дома самого коменданта; даже церковными сторожами были солдаты, большею частью, инвалидные, т. е. непригодные къ гарнизонной службѣ. Церковная площадка около главной гауптвахты служила и плацомъ, на которомъ обучались солдаты, а также и мѣстомъ экзекуціи: здѣсь пороли розгами, били палками и гоняли сквозь строй.

Помимо указанныхъ зданій въ болѣе значительныхъ крѣпостяхъ находились баталіонныя постройки, артиллерійскіе казармы и склады и военно-сиротскія отдѣленія, т. е. школы для кантонистовъ; въ каждой крѣпости обязательно былъ лазаретъ, тюремный замокъ, а въ нѣкоторыхъ, какъ напр. въ Оренбургѣ, Орскѣ, Верхнеуральскѣ, Троицкѣ и Звѣриноголовской ст., — каторжныя отдѣленія. Эти крѣпости считались самыми значительными, имѣли баталіоны солдатъ, артиллерійскіе дивизіоны и военно-сиротскія отдѣленія.

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее устройство пограничныхъ крѣпостей, сдерживавшихъ хищническіе набѣги киргизъ; но главная сторожевая служба по охранѣ всей линіи лежала на казакахъ и башкирахъ, которые каждую весну высылались изъ внутреннихъ станицъ „на лѣтнюю линейную службу“ и до глубокой осени стояли на форпостахъ. Когда уже падалъ снѣгъ, команды уходили въ свои станицы на отдыхъ, а на смѣну имъ приходили новыя, но уже значительно меньшія и назначались на „зимнюю линейную службу“, не сторожевую уже, а гарнизонную, такъ какъ эти команды входили въ составъ гарнизона и жили въ крѣпостяхъ, для отправленія карауловъ, отвозки эстафетъ и сопровожденія почтъ и проѣзжающихъ.

II. На форпостѣ.

Кому случалось жить въ линейныхъ казачьихъ станицахъ и ѣздить въ киргизскую степь, тотъ, вѣроятно, встрѣчалъ верстахъ въ 5—7 отъ

станицы полуразрушившіеся валы небольшихъ укрѣпленій, которыя въ прежнее время служили сторожевыми степными форпостами. Эти сторожевыя укрѣпленія составляли передовую линію и охраняли самыя крѣпости отъ внезапныхъ вторженій кочевниковъ. Форпосты шли непрерывно по всей Оренбургской границѣ отъ станицы Звѣриноголовской до города Оренбурга и дальше по рѣкѣ Уралу вплоть до Каспійскаго моря. Устраивались они на болѣе возвышенныхъ, открытыхъ мѣстахъ въ киргизской сторонѣ, какъ уже сказано, верстахъ въ 5—7 отъ линіи крѣпостей и на такомъ же приблизительно разстояніи другъ отъ друга, такъ что днемъ форпостъ отъ форпоста былъ виденъ хорошо.

По сохранившимся развалинамъ можно судить о величинѣ этихъ укрѣпленій, хотя, впрочемъ, она и не вездѣ одинакова: на болѣе опасныхъ и удаленныхъ мѣстахъ форпосты были болѣе значительны, а въ менѣе опасныхъ и близкихъ къ крѣпости—поменьше. Мнѣ лично пришлось осмотрѣть больше десятка развалинъ бывшихъ форпостовъ. Обычная величина выдвинутыхъ въ степь не больше 20 сажень въ длину и 12—10 въ ширину, а ближайшихъ равна 6×10 сажень и даже меньше.

Въ прежнее время форпостъ представлялъ не что иное, какъ обыкновенную земляную или деревянную казарму, размѣромъ аршинъ около 10 въ длину и 6 въ ширину, окруженную землянымъ валомъ въ сажень вышины и аршина въ $1\frac{1}{2}$ и даже меньше толщины, съ такимъ-же рвомъ глубиною около $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ; ворота (въѣздъ) этой крѣпостцы устраивались на сторонѣ обращенной къ крѣпости; самыя же стѣны (валъ) иногда насыпались, а чаще всего были выложены изъ обыкновеннаго дерева, но съ теченіемъ времени осѣдали, и снова подновлялись, образуя такимъ образомъ, общую сплошную, крѣпостную массу.

Рядомъ съ казармой въ землѣ выкапывалось углубленіе небольшого размѣра, служившее, очевидно, чѣмъ-то въ родѣ порохового погреба и склада съѣстныхъ припасовъ. Около казармы въ одной сторонѣ, приблизительно на аршинъ отъ крѣпостнаго вала, стояли навѣсы или пригоны для лошадей, а въ другомъ углу, около входа устраивался довольно высокій маякъ самаго простаго типа: вкапывались въ землю четыре сосновыхъ бревна, по одному на каждомъ изъ угловъ прямоугольнаго четырехугольника 3×3 аршина; сверху столбы шли не вертикально, а нѣсколько наклонно, такъ что вершины ихъ сходились на аршинъ другъ отъ друга (подобіе пирамиды); на верху устраивалась крытая площадка, на которой день и ночь находился сторожевой казакъ. Эта-то вышка, или, по мѣстному выраженію, „маякъ“, и служила наблюдательнымъ пунктомъ за появленіемъ киргизъ-кочевниковъ. Общая высота ея была около 12—15 аршинъ, а потому съ площадки хорошо была видна степь на далекое разстояніе и вышки сосѣднихъ форпостовъ. Около вышки находился высокій столбъ съ прикрѣпленнымъ къ нему на подвижной жерди большимъ снопомъ соломы или пучкомъ осмоленной пакли.

Зорко смотритъ сторожевой казакъ съ высокой вышки на ровную гладь степи, кое-гдѣ изрѣзанной небольшими балками-оврагами и березовыми рошицами; боится онъ, чтобы шайка головорѣзовъ-хищниковъ слу-

чайно, по его недосмотру, не проскользнула на линію къ крѣпости и не притаилась до ночи въ кустахъ или ярахъ рѣки, чтобъ выслѣдить и увести кого нибудь изъ крѣпости въ неволю. Но степь не шелохнется, какъ заколдованная красавица, она точно вымерла вся отъ лѣтняго зноя; даже птица и степные звѣрки попрятались въ лѣсокъ и траву. Вдругъ гдѣ-то далеко на горизонтѣ изъ ображка мелькнула черная точка и опять скрылась; удвоилъ вниманіе казакъ, замѣтивъ неладное; но вотъ на пригорокъ выскочилъ вершникъ-киргизъ и птицей пронесся въ лѣсъ, за нимъ другой, третій, — цѣлая шайка человекъ въ 40 скрылась въ лѣсу и по оврагу крадется къ крѣпости. Къ счастью, опасность замѣчена во время. Казакъ уже успѣлъ сообщить своимъ товарищамъ, дремавшимъ въ казармѣ, тѣ схватили ружья и уже выскочили на валъ, а въ это время сторожевой повернулъ къ себѣ пучокъ смоляной пакли и черезъ минуту густой дымъ чернымъ столбомъ взвился надъ форпостомъ; между тѣмъ, внизу второй казакъ, по приказанію старшаго на посту урядника, уже прыгнулъ на своего коня и стрѣлой помчался съ донесеніемъ въ крѣпость, чтобы предупредить о прорывѣ черезъ линію партіи хищниковъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ вспыхнулъ такой же факель на сосѣднемъ форпостѣ, за нимъ дальше и дальше появляются черные столбы дыма, и въ мигъ по всей линіи поднята тревога. Замѣтили дымъ въ крѣпости, грянула вѣстовая пушка у главной „обвахты,“ и раздался набатъ съ церковной колокольни; всѣ бросились къ оружію и готовы отразить нападеніе; между тѣмъ, узнавъ причину тревоги изъ крѣпости и сосѣднихъ форпостовъ, уже несутся казаки на помощь къ злополучному форпосту, чтобы, по указанію сторожевыхъ казаковъ, отразить партію хищниковъ. Киргизы открыты и, не ожидая нападенія казаковъ, несутся обратно въ степь: набѣгъ не удался. Подобныя тревоги были обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ на линіи. Киргизы почти никогда не нападали большими скопищами человекъ въ 500—1000, а всегда дѣйствовали шайками въ 5—10 человекъ; партія въ 40—50 считалась уже значительною и могла нанести серьезный ущербъ внутреннимъ селеніямъ, такъ какъ, перейдя линію, она разбивалась и сразу нападала въ нѣсколькихъ мѣстахъ, забирая и угоняя преимущественно скотъ, хотя нерѣдко захватывала въ плѣнъ солдатъ и казаковъ, въ одиночку отлучившихся изъ крѣпости. Войны, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на Оренбургской линіи не было, но шла постоянная упорная партизанская борьба киргизъ съ пограничнымъ населеніемъ. Киргизы обычно разбойничали, угоняли съ линіи и изъ окрестныхъ деревень скотъ, — коровъ и лошадей, захватывали въ плѣнъ русскихъ. — Этимъ все дѣло и ограничивалось. Вотъ почему и самыя укрѣпленія крѣпостей имѣли такое примитивное устройство и слишкомъ слабые гарнизоны, которыхъ все же было вполне достаточно, чтобы останавливать прорывы киргизъ во внутреннія неукрѣпленныя поселенія съ простымъ, земледѣльческимъ населеніемъ, жившимъ только хозяйствомъ и не имѣвшимъ иного оружія, кромѣ дубины да топора.

Но возвратимся къ описанію сторожевой службы. Какъ уже было сказано, маяки служили наблюдательными пунктами за внезапнымъ появленіемъ киргизъ, при чемъ тревога по линіи поднималась особой сигнализацией, при помощи зажженныхъ факеловъ изъ пакли или соломы. Кромѣ этого, отъ форпоста къ форпосту непрерывно были поставлены „симвы“¹⁾. Этотъ родъ наблюденія за прорывомъ хищниковъ довольно оригиналенъ и присущъ только одной степной войнѣ, съ мелкими партизанскими набѣгами. „Симвы“ не что иное, какъ простые березовые или таловые прутья, длиною около 3 аршинъ и толщиною въ $1\frac{1}{2}$ или 1 верш. Оба конца прута, послѣ очистки отъ сучьевъ, заостривались, пруть сгибался на подобіе лука для стрѣльбы и заостренные концы втыкались въ землю, такъ что получалось нѣчто, похожее на поставленную концами упряжную дугу; рядомъ съ этимъ лучкомъ ставился второй точно такъ-же, затѣмъ третій и т. д. отъ одного форпоста до другого непрерывно; такъ что, въ общемъ, „симвы“ очень напоминали рядъ обыкновенныхъ дугъ поставленныхъ другъ около друга въ одну линію (рядомъ). Эти символы помогали казакамъ охранять линію и узнавать мѣсто, гдѣ прошли хищники. Это происходило такъ. Отъ одного форпоста до другого вдоль симвовой линіи почти непрерывно день и ночь ходили казачьи разъѣзды. Каждый форпостъ разомъ высылалъ два разъѣзда: одинъ вправо, другой влѣво; одновременно съ ними такъ же выходили разъѣзды съ обоихъ сосѣднихъ форпостовъ и, идя на встрѣчу другъ другу, встрѣчались въ условленномъ мѣстѣ, приблизительно на срединѣ разстоянія между обоими форпостами. Каждому разъѣзду выдавалась особая „печатка“, которыми разъѣзды и обмѣнивались при встрѣчѣ, что и служило доказательствомъ того, что извѣстный участокъ, дѣйствительно, провѣренъ и разъѣзды съѣзжались. Печатка устраивалась такъ: на небольшомъ кускѣ дерева, обдѣланномъ въ видѣ четырехугольника или восьмиугольника (вершка въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ), дѣлалось круглое углубленіе около вершка въ діаметрѣ; въ это углубленіе наливался сургучъ и прикладывалась казенная печать начальника сторожевой дистанціи и ставился № форпоста. Каждому форпосту выдавалось по двѣ печати, по числу двухъ разъѣздовъ. Проѣзжая вдоль симвовой линіи разъѣзды осматривали, нѣтъ ли гдѣ испорченныхъ симвовъ, т. е. не уроненъ ли симъ или не поднялся ли одинъ конецъ его. Если символы повреждены, то значить, тутъ прошла киргизская партія, такъ какъ нельзя проѣхать черезъ эту линію, чтобы не уронить поставленнаго лучка.

Бѣдетъ потихоньку казачій разъѣздъ вдоль такой линіи; символы все стоятъ цѣлыми; значить, все благополучно, никто тутъ не проходилъ; но вдругъ въ одномъ мѣстѣ одинъ лучокъ уроненъ, а другой разогнулся и торчитъ кверху. Казаки карьеромъ бросаются къ этому поврежденному символу, почувствовавъ прорывъ хищниковъ. Разъѣздъ остановился; спрыгнули казаки съ лошадей, не доѣзжая до злополучнаго мѣста и пѣшкомъ бѣгутъ къ нему, чтобы по слѣду копытъ опредѣлить, куда прошла партія

1) См. рисунокъ 2-й.

и какъ она велика; слѣдъ ведетъ въ киргизскую сторону; значить, хищники, прорвавшись гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, прошли здѣсь уже въ обратный путь. Немедленно дается знать на свой и сосѣдній форпостъ, а также и въ крѣпость о пробѣгѣ киргизъ; и если партія, по опредѣленію казаковъ, не достаточно сильна, то вскорѣ съ обоихъ форпостовъ уже летитъ команда казаковъ по свѣжему слѣду въ погоню за киргизами. Такъ изо дня въ день тянулася однообразная служба на сторожевыхъ пикетахъ, въ постоянныхъ разъѣздахъ, тревогъ и ежеминутной опасности и стычкахъ съ киргизами: но иногда приходилось обороняться и за стѣнами своего укрѣпленія.

„Это было во время бунта Кенисары“, ¹⁾ рассказывалъ мнѣ одинъ старый казакъ. „Больно тогда киргизышки осмѣляли и не проходило дня, чтобы разбойники не прорывались сквозь линію къ крѣпостямъ, не угоняли скотъ или не грабили кого либо на папняхъ и по дорогамъ, такъ что ѣздили наши только партіями, а по одиночкѣ даже за версту никто не отлучался. Тревожное было время: спать почти не удавалось; разъѣзды между форпостами были безпрестанно: только одна смѣна вернется домой на форпостъ, какъ другая тотчасъ выѣзжаетъ. Изъ степи неслись плохіе слухи: знакомые киргизы говорили, что Канцара (такъ казаки называютъ Кенисару) рѣшилъ выжечь всѣ новолінейныя укрѣпленія и избить жителей, а здоровыхъ увезти въ плѣнъ и продать въ Хиву. Намъ было извѣстно отъ начальства, что гдѣ-то около нашей линіи Канцара собираетъ войско, но самъ еще туда не пріѣхалъ, а какъ прибудетъ, то въ ту же ночь сдѣлають набѣгъ. Приходилось держаться все время наготовѣ и не снимать оружія. Садимся, бывало, обѣдать—всѣ въ шапкахъ, а заряженные винтовки кладемъ около себя. Форпостъ нашъ стоялъ на увальчикѣ и почти со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ березовымъ лѣскомъ; подойти можно къ нему совсѣмъ не замѣченнымъ. Такъ въ постоянной тревогѣ и проходило лѣто, но особенныхъ схватокъ не было, хоть за партіями гонялись часто. Какъ-то ужъ, кажется, въ половинѣ августа я съ товарищемъ только-что вернулся изъ разъѣзда. Ночь была темная, бурная, —хоть глазъ коли, ничего не увидишь, а вѣтеръ такъ и свиститъ, такъ и рветъ. Едва вѣхали мы во дворъ пикета и не успѣли еще разсѣлать лошадей, какъ около самыхъ воротъ раздался выстрѣлъ, и нашъ казакъ, посланный въ секретъ, бѣгомъ ворвался въ ворота съ крикомъ, что идетъ огромная партія киргизъ; а за стѣнами ужъ со всѣхъ сторонъ гонять киргизы, и вмгъ нашъ маленькой форпостикъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. На вышкѣ у насъ въ ту пору стоялъ башкирецъ, которому и крикнули, чтобы онъ зажигалъ на столбѣ паклю. Тотъ поднесъ зажженный труть и только, видво, хотѣлъ раздуть, какъ вдругъ опять слышимъ выстрѣлъ, и нашъ часовой, какъ снапъ, упалъ съ вышки, даже не крикнулъ, а запалить-то паклю не успѣлъ. Когда онъ зажигалъ труть и наклонился, чтобы раздуть, киргизы-то въ темнотѣ по огоньку и замѣтили его да и ударили безъ промаха. Мы схватили ружья и тоже давай изъ-за вала по нимъ

¹ Въ 1842—43 г.

стрѣлять; разсыпаться по валу намъ нельзя: въ темнотѣ растеряемся, да, пожалуй, еще и своихъ перебежешь; засѣли мы около казармы и стрѣляемъ по очереди: вдругъ слышимъ, часть киргизъ ворвалась въ укрѣпленіе съ противной стороны, дали мы залпъ и туда, а сами бросились въ казарму и засѣли въ ней; выбили окна и отстрѣливаемся черезъ нихъ; а киргизы ужъ галдятъ въ укрѣпленіи, но бросится на насъ не рѣшаются. По нашему счастью, въ это время почти разомъ вспыхнули факелы на обоихъ сосѣднихъ форпостахъ и почти въ ту же минуту мы услышали пушечный вѣстовой выстрѣлъ изъ крѣпости; значитъ, увидѣли тамъ и по всей линіи разомъ поднялась тревога. Киргизы съ крикомъ выскочили изъ нашего пикета ни съ чѣмъ и бросились удирать обратно въ степь, только съ досады зарѣзали четырехъ нашихъ казачьихъ лошадей, такъ какъ вывести ихъ черезъ стѣнку было нельзя. Какъ потомъ оказалось, партія киргизъ человекъ въ 200 хотѣла прорваться на линію, но чтобъ не поднять тревоги, они задумали врасплохъ напасть на нашъ пикетъ, вырѣзать всѣхъ насъ, а потомъ уже броситься дальше, да, по счастью, не вышло такъ: нашъ секретъ во время замѣтилъ ихъ и успѣлъ дать выстрѣлъ, а самъ скрылся въ укрѣпленіи. Въ то-же время уже шли новыя разѣзды съ сосѣднихъ форпостовъ, а нашъ былъ захваченъ киргизами, и вторая смѣна только садилась на коней. Подошли сосѣдніе разѣзды къ условнымъ мѣстамъ, видятъ нашихъ нѣтъ да вдругъ съ нашей стороны слышали выстрѣлы, поняли, что мы отрѣзаны, а, можетъ, ужъ всѣ захвачены или перебиты киргизами, бросились къ своимъ пикетамъ¹⁾ и подняли тревогу, чѣмъ спасли насъ и предупредили сильный киргизскій набѣгъ; а то бы они такой шайкой дѣловъ понадѣлали. На другой день узнали, что за недѣлю передъ нами киргизы выжгли 7-й пикетъ 4-го полка, казаковъ и башкиръ забрали въ плѣнъ и увезли въ степь; тѣ казаки прозѣвали немного. Какъ только напали на нихъ киргизы, они и разсыпались по валу, а вѣдь раньше ружья то были не такія; какъ теперь, а кремневая да и заряжались съ дула одной пулей; разъ выпалишь, а потомъ и стойшь—заряжаешь, насыпишь на полку пороху, да второпяхъ-то какъ нибудь и стряхнешь его, либо вѣтеръ сдуетъ; чакаешь, чакаешь куркомъ по кремню, искры летятъ, а выстрѣла нѣтъ; опять начинаешь насыпать порохъ, а тѣмъ временемъ можно 20 разъ зарѣзать человека. Вотъ киргизы-то и воспользовались этимъ. ворвались въ пикетъ да по одиночкѣ-то и переловили всѣхъ нашихъ и увезли съ собой 5 казаковъ, да 9 башкирцевъ, а скорѣ сожгли и Екатерининскую станицу и оттуда увезли цѣлыхъ 26 человекъ“.

Случай, только что рассказанный, относится къ половинѣ прошлаго 19 столѣтія, когда въ киргизской степи происходило сильное волненіе, поднятое султаномъ Кенисарю Касимовымъ, мечтавшимъ объединить всѣ киргизскіе роды въ одно государство; при чемъ всѣ удары его были направлены на такъ называемую Новую линію, идущую впереди прежней пограничной линіи отъ ст. Березовской, Троицкаго уѣзда, до города Орска,

1) Форпостъ иначе называли пикетомъ.

устроенную въ 1835 году, а также на крѣпости (станицы) старой линіи отъ Звѣриноголовской до Березовской и отъ Орска до Оренбурга. Но раньше этого служба на форпостахъ была еще труднѣе, особенно въ началѣ указаннаго столѣтія, когда пограничныя крѣпости почти не имѣли казачьяго населенія, а если оно и было, то въ очень незначительномъ количествѣ, такъ напр., въ крѣпости Звѣриноголовской, имѣющей теперь до 600 казачьихъ дворовъ, до 1805 года не было ни одного казачьяго двора, и только въ этомъ году были переселены перемыкающія казачьи семьи. Въ сохранившейся вѣдомости коменданта этой крѣпости майора Кадомцева за 1819 годъ ¹⁾ читаемъ: „при сей крѣпости на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ нея форштадтъ казацкій, въ ономъ домовъ выстроенныхъ переселенными казаками и разночинцами отставными— „26“.

	М. п.	Ж. п.
Жителей: переселенныхъ казаковъ	29	ихъ женъ 24;
дѣтей	24	17“.

Вотъ и все—казачье населеніе одной изъ самыхъ людныхъ въ настоящее время казачьихъ станицъ, остальное населеніе состояло изъ служащихъ и отставныхъ солдатъ.

Выше уже было сказано, что для сторожевой службы на форпостахъ и крѣпостяхъ ежегодно два раза командировались казаки изъ внутреннихъ станицъ, расположенныхъ позади пограничной линіи и раздѣленныхъ на 5 кантоновъ по нѣскольку станицъ въ каждомъ (соотвѣтственно полковому округу). Команды казаковъ высылались на линейную службу со времени возникновенія пограничной линіи въ 1743 году. Въ матеріалахъ исторіи Оренбургскаго казачьяго войска почти на каждый годъ имѣются вѣдомости о числѣ командированныхъ казаковъ для несенія сторожевой службы на линіи. Такъ, изъ штата о нерегулярныхъ людяхъ Оренбургской губерніи, учиненнаго по указу Ея Императорскаго Величества, присланному къ тайному совѣтнику и кавалеру Неплюеву изъ Государственной военной Коллегіи 22 іюля 1748 года, видно, ²⁾ что, помимо общаго росписанія казаковъ по старымъ крѣпостямъ для содержанія, „въ тѣхъ крѣпостяхъ внутренніе и внѣшніе караулы обще съ регулярными“, указано: „Сверхъ вышеописаннаго штата на каждое лѣто къ содержанію форпостовъ и ко всякой осторожности, по указамъ Ея Императорскаго Величества, въ помощь регулярнымъ и нерегулярнымъ людямъ, наряжать велѣно и повсягдно наряжаются иновѣрцы, т. е. тарханы, башкиры, мещеряки и служилые татары, коихъ ordinarily бываетъ:

Изъ Уфимской провинціи въ Оренбургъ и прочіе по Яику рѣкѣ имѣющія крѣпости до 1469 человекъ.	} А ежели нужда востребуетъ, то тѣхъ иновѣрцевъ можно назначать втрое.
Изъ Исетской провинціи на Уйскую линію—500 человекъ.	

¹⁾ Комендантское дѣло 1819 г., хранящееся въ архивѣ Звѣриноголовскаго станичнаго правленія.

²⁾ Стр. 85. Хронологич. перечень.

Крещеныхъ калмыкъ, которымъ | Когда нужда востребуетъ, то
особливый штатъ имѣется,—300 чел. | сихъ вдвое можно командировать“.

Кромѣ сего на Уйскую линію ежегодно командировалось до 600 человекъ казаковъ изъ Исетской же провинціи.

Мѣстные инородцы и казаки признавались наиболѣе способными для несенія сторожевой службы на линіи и для отраженія неожиданныхъ набѣговъ кочевниковъ-киргизъ на вѣровъ устроенную линію. Тайный совѣтникъ Нецлюевъ, представляя докладъ о состояніи Оренбургской пограничной линіи, между прочимъ, пишетъ ¹⁾: „и хотя городъ Оренбургъ, якоже и всѣ новопостроенныя крѣпости имѣютъ надлежащія и фундаментально уже поселенные регулярные изъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ гарнизоны, но они, по состоянію означенныхъ народовъ, служатъ единственно къ содержанію и защитѣ оныхъ крѣпостей, а драгунскіе хотя и въ разѣзды употребляются, но въ случаѣ воровскихъ подбѣговъ и чрезвычайныхъ продерзостей, въ партіи налегкѣ и наскоро посылать ихъ весьма неспособно, потому что они, будучи отягчены ружьемъ и аммуниціею, догонять весьма не могутъ, чему сначала построенія тѣхъ крѣпостей были многіе примѣры, что и сами уже киргизы вѣдаютъ, и для того во всѣхъ оныхъ мѣстахъ необходимая потребность настоятъ, чтобы при регулярныхъ были исправные нерегулярные люди, которые за такими вѣтренными народами въ поискахъ и къ посылкѣ во всякія партіи предъ регулярными всегда бываютъ способнѣе“. Изъ процитированнаго вполне ясно, что главная борьба съ кочевниками, отраженіе набѣговъ и преслѣдованіе хищниковъ были всецѣло возложены на казачьи и башкирскія команды, а гарнизоны только охраняли самыя крѣпости и въ случаѣ прорыва значительныхъ партій выходили лишь на помощь, да и то въ большинствѣ случаевъ не достигали цѣли, такъ какъ пока отрядъ гарнизонной пѣхоты прибудетъ къ мѣсту стычки, тамъ уже все будетъ кончено и партія хищниковъ, если не будетъ разбита сторожевой охраной, уйдетъ далеко въ степь, и преслѣдованіе ея, естественно, для пѣхоты станетъ невозможнымъ. Поэтому для усиленія нерегулярныхъ войскъ и высылались на линію изъ внутреннихъ кантоновъ отряды, которые и распредѣлялись по форпостамъ для несенія сторожевой службы, а по крѣпостямъ и редутамъ какъ резервъ, въ помощь форпостнымъ, на случай отраженія или погони за значительными партіями.

Для болѣе точнаго представленія объ охранѣ линіи, считаю нелишнимъ привести вѣдомости о количествѣ казаковъ, наряжаемыхъ въ пограничныя крѣпости, взятая мною изъ хронологическаго перечня матеріаловъ за разные періоды.

¹⁾ Хронологич. перечень, стр. 86.

Въ 1770 году на лѣтнюю линейную службу назначено ¹⁾:

На какую линію.	К А З А К О В Ъ.				Итого.
	Оренбургскихъ.	Уфимск.	Исетск.	Изъ состоящихъ по Яику крѣпостямъ и Бердскихъ.	
На Нижне-Яицкую	—	—	—	100	100
„ Красногорскую	—	—	—	166	166
„ Орскую	—	100	—	—	100
„ Кизильскую	150	182	—	—	332
„ Уйскую верхнюю	200	265	73	—	538
„ Уйскую нижнюю	—	—	664	—	664
Въ Оренбургъ и Зелаиръ	50	50	—	—	100
Всего	400	597	737	266	2000
Башкирь, тептярей и проч.	—	—	—	—	2269
Итого	—	—	—	—	4269

Въ томъ же году ордеромъ генерала Рейнсдорфа, отъ 29 октября за № 700, на смѣну указаннымъ выше казакамъ назначены на зимнюю линейную службу по 20 казаковъ въ каждую крѣпость и по 10—въ редутъ; эти казаки получали провіантъ, деньги на фуражъ и жалованье по 45 коп. въ мѣсяць въ продолженіе зимы, со дня прихода на линію до отпуска домой.

Нарядъ казаковъ на лѣтнюю линейную службу въ 1800 году ²⁾.

Въ крѣпости.	Число людей, ежегодно назнач. на службу.			Изъ какихъ кантоновъ назначены.
	Казаковъ.	Башкирь и менсераковъ.	Итого.	
1-й дистанціи.				
Звѣриноголовскую	178	355	533	Всѣ казаки Оренбургскаго войска назначаются отъ 1 кантона, а башкиры отъ 1, 2, 3, 4 и 5 башкирскихъ кантоновъ.
Усть Уйскую	40	140	180	
Крутоярскую	40	128	168	
Каракульскую	40	128	168	

¹⁾ Хронологич. перечень, стр. 170.

²⁾ Матеріаль по исторіи войска, стр. 425.

Въ крѣпости.	Число людей, ежегодно назнач. на службу.			Изь какихъ кантоновъ назначены.
	Казаковъ.	Башкиръ и мещеряковъ.	Итого.	
Г. Троицкъ	171	370	541	
Степную	61	165	226	
Петропавловскую	100	226	326	
Карагайскую	50	50	100	
Итого	680	1562	2242	
2-й дистанціи.				
Г. Верхнеуральскъ	124	370	494	Казаки отъ 2 кантона, башкирцы 6 и 7—башкирскихъ кант., а мещеряки отъ 1 и 2 мещеряцкихъ, въ перемѣсъ съ башкирцами.
Магнитную	100	181	281	
Кизильскую	110	387	497	
Уртазымскую	60	217	277	
Таналыцкую	180	204	384	
Итого	574	1359	1933	
3-й дистанціи.				
Орскую	270	570	840	Казаки отъ 3 и 4 кантоновъ, башкирцы 9 и 10, мещеряки 3 и 4.
Губерлинскую	50	198	248	
Ильинскую	150	295	445	
Верхнеозерную	200	285	485	
Красногорскую	70	230	300	
Г. Оренбургъ	400	562	962	
Итого	1140	2140	3280	
4-й дистанціи.				
Чернорѣченскую	100	130	230	Казаки отъ 5 кантона, башкиры—11, а мещеряки отъ 5 мещер. кантона.
Татишеву	70	160	230	
Нижнеозерную	30	60	90	
Разсыпную	30	105	135	
Итого	230	455	685	
А всего	2624	5516	8140	

Такимъ образомъ, начиная съ 1800 года, ежегодно командировалось для охраны пограничной линіи каждое лѣто 8140 человекъ, что вмѣстѣ съ гарнизонными баталіонами составляло довольно внушительную силу. Лѣтняя служба на форпостахъ, обычно, начиналась съ 1—15 мая и продолжалась все лѣто до 15 ноября, когда выпадалъ снѣгъ и сообщеніе со степью прекращалось, такъ какъ киргизы отходили тогда вглубь степей, далеко отъ линіи и почти не беспокоили своими набѣгами. Каждый казакъ долженъ былъ имѣть свое собственное вооруженіе: ружье, саблю, пику и пистоль; порохъ и свинецъ получалъ онъ изъ крѣпостного порохового погреба; кромѣ того, каждый долженъ быть о *двуконь*, т. е. имѣть двухъ лошадей: одна подъ сѣдломъ, другая заводная, дабы во время погони за киргизами имѣть возможность передвигаться быстрѣе: чуть одна лошадь притомилась, устала, — казакъ перекидываетъ сѣдло на другую, свѣжую и мчится дальше, а уставшія лошади отдаются казаку коноводу, который съ ними возвращается обратно на форпосетъ.

Я уже описалъ боевую, тревожную жизнь казаковъ на форпосетѣ; теперь посмотримъ, какъ жили они и что дѣлали въ свободное время. Жизнь на форпосетѣ протекала слишкомъ медленно и однообразно: оторванные отъ всего міра, заброшенные въ глухой степной форпосетъ казаки все лѣто почти никого не видѣли, кромѣ своего дистанчнаго начальника, который раза 3—4 въ лѣто провѣрялъ посты своей дистанціи; въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторымъ изъ казаковъ приходилось ѣхать въ крѣпость съ донесеніемъ или за провіантомъ; все остальное время они были одни, при чемъ нужно имѣть въ виду еще и то, что русскіе казаки были только за старшихъ по 1, по 2 человека, а остальные — башкиры. Приведу справку о числѣ пикетовъ и сторожевыхъ людей на нихъ въ крѣпости Звѣриноголовской ¹⁾:

1) Березовскій	2 казака	13 башкирцевъ.
2) Новоучрежденскій	2 „	12 „
3) Староникольскій	2 „	12 „
4) Новоникольскій	2 „	12 „
5) Абугинскій	2 „	13 „

Сверхъ того, въ лагерѣ, при самой крѣпости 20 казаковъ и 47 башкирцевъ.

„Только скучно было стоять на форпостахъ, рассказываютъ старики, несшіе линейную службу въ 30—50 годахъ прошлаго 19 столѣтія, особенно, когда набѣги бывали рѣдки. Ходишь, ходишь по форпосету и самъ не знаешь, куда дѣваться отъ скуки, а отлучиться нельзя: не ровень часъ, нарвешься на киргизъ, а то и на свое начальство: какъ поймають, тутъ же запорюють до полусмерти; да, можетъ и тревога подняться; ну, и тутъ тоже не поздоровится. Башкирцы, — тѣмъ что? — сидятъ себѣ подъ навѣсомъ, да лопочуть по своему, — благо ихъ много! Ждешь, не дождешься тревоги, чтобъ за партіей погнаться; тутъ прямо праздникъ, да

¹⁾ Комендантское дѣло 1819 г. въ архивѣ Звѣриногол. стан. правл.

²⁾ Хронологич. свѣдѣнія, стр. 179.

³⁾ Матеріалъ по исторіи войска, стр. 425.

ужь набѣги-то при насъ были рѣдки: разъ — два въ мѣсяцъ, не больше, приходилось гоняться и отбивать табуны, которые киргизы захватывали у нашихъ крестьянъ; версть за 20 пробирались за линію. Немножко веселѣе было, когда начинался сѣнокосъ: возьмешь человѣкъ 5 башкиръ и пойдешь за форпостомъ косить сѣно для своихъ лошадей; выпускать на подножный кормъ было нельзя: киргизы живо подсмотрятъ и угонять; поэтому все время приходилось держать лошадей на готовомъ корму. Ну, вотъ, трое косятъ, а трое стоятъ съ ружьями, а даромъ что форпостъ рядомъ и на вышкѣ сидитъ часовой, да неровень часъ, только зазѣвайся, а ужь киргизы въ это время стерегутъ и таятся по лѣскамъ да оврагамъ; живо арканъ на шею, да и маршъ въ степь. Накосишь съ возъ, увезешь на форпостъ, да и опять нечего дѣлать, особенно днемъ; ну, а ночью хоть въ разѣзды ходишь. Послѣ ужь орда совсѣмъ замирилась, и хоть пикеты еще не были уничтожены, но ужь почти не сторожили; а пригонять насъ, и косимъ все лѣто сѣно на казенныхъ лошадей; сколько скирдовъ, бывало, наставимъ! Куда это сѣно только и уходило! но это было ужь недавно: лѣтъ 40 тому назадъ, а вотъ отцы-то наши сказывали, такъ шибко тяжело было служить на линіи, и не до сѣна было, а смотрѣть за ордой приходилось крѣпко: ужь очень разбойничали тогда киргизы. А, вотъ, на зиму кто назначался, тому было хорошо; въ каждую крѣпость и редутъ назначали по 15 чел. Ну, они по очереди разъ въ сутки ѣздили въ разѣзды по большимъ дорогамъ, да иногда съпро-вождали почту и проѣзжающихъ. Такъ вотъ и служили на сторожевой службѣ въ прилинейныхъ крѣпостяхъ“.

Освѣтивъ, насколько было возможно, сторожевую службу на линіи, условія и жизнь здѣсь, возвратимся снова къ пограничной крѣпости, ея гарнизону, крѣпостнымъ порядкамъ и общимъ условіямъ жизни прежняго, почти забытаго времени.

III. Гарнизонъ крѣпости.

Выше было сказано, что населеніе пограничныхъ крѣпостей было очень незначительное. Его составляли единственно военные, — служащіе и отставные солдаты и частью казаки, такъ что все мужское населеніе и служило гарнизономъ крѣпости.

Оренбургская пограничная линія, устроенная Ив. Ив. Неплюевымъ въ 1743 году, вмѣстѣ со старою Яицкой и на востокъ Сибирской линіями, болѣе 2000 верстъ, имѣла значеніе пограничнаго оборонительнаго рубежа для защиты отъ набѣговъ киргизъ-кочевниковъ и свою тяжелую службу несла почти 125 лѣтъ, т. е. до 1869 года, когда, послѣ присоединенія средне-азиатскихъ владѣній, наша линія потеряла свое стратегическое значеніе.

Несмотря на серьезность задачи, которая лежала на пограничныхъ крѣпостяхъ, необходимо указать на слабость ея регулярныхъ гарнизоновъ, благодаря чему вся тяжесть борьбы легла на мѣстное казачество.

Въ 1743 году тайн. сов. Неплюевымъ въ новыхъ крѣпостяхъ и редутахъ были оставляемы самые ничтожные по численности гарнизоны изъ пѣшихъ солдатскихъ командъ, драгунъ и казаковъ по 50 человекъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ больше, при 3—5 пушкахъ; въ редутахъ же, т. е. промежуточныхъ укрѣпленіяхъ, дѣло обстояло еще хуже: на каждый редутъ было оставлено 2 чугунныхъ пушки, 10 казаковъ и 3 драгуна, подъ командою унтеръ-офицера, который являлся и начальникомъ редута. Весь этотъ гарнизонъ составлялъ обычную зимнюю команду, которая, правда, на лѣто увеличивалась казаками и башкирами, присылаемыми на лѣтнюю линейную службу изъ внутреннихъ кантоновъ, но зато лѣтомъ было больше и дѣла, такъ какъ набѣги происходили большею частью въ это время, что требовало значительныхъ силъ. Другая же часть все время была занята крѣпостными работами: насыпали валы, подновляли рвы, рубили лѣсъ, возводили необходимыя постройки, заготовляли на зиму провіантъ и сѣно, такъ что всѣ свободные отъ сторожевой службы люди были заняты на этихъ работахъ безъ исключенія: даже казаки-пушкарки бросали свои пушки и отправляли подводную гоньбу и вывозку лѣса, что, разумѣется, дѣлало новые редуты совершенно безпомощными и вызвало въ 1750 году указъ Оренбургской губернской канцеляріи—не отрывать всѣхъ силъ для работъ, а оставлять защиту,—пушкарямъ же велѣно: „быть имъ при одной своей пушкарской должности при артиллеріи безотлучно“. 1). Въ 1753 году было подтверждено это распоряженіе и указано слѣдующее распределеніе: 2)

1) Въ каждой крѣпости имѣть четырехъ пушкарей-казаковъ и въ облегченіе другихъ казаковъ наряжать на крѣпостныя работы, только не внѣ крѣпости.

2) На работы по возкѣ лѣса и по крѣпости назначать не однихъ казаковъ, но и драгунъ, и солдатъ. Старые заплоты, по починкѣ, отдавать тѣмъ, кто работалъ, а офицерамъ отнюдь не брать себѣ. На градскую канцелярію дрова и лучину доставлять регулярной командѣ; всякому свою улицу чистить, кто гдѣ живетъ.

3) Не запрещать военнымъ людямъ ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, но только не на продажу, а про себя.

4) При церквахъ караулы содержать отъ своекоштныхъ казаковъ.

5) Наряжать на службу не болѣе трети, „развѣ въ крайней нуждѣ, при воровскихъ подбѣгахъ“.

Въ 1764 году пѣшія команды регулярныхъ войскъ были переформированы въ отдѣльные пѣхотные баталіоны и названы гарнизонными баталіонами, по №№ 1, 2, 3, 4 и 5. На эти-то баталіоны и была возложена вся охрана нѣсколькихъ десятковъ крѣпостей на протяженіи болѣе 1000 верстъ. Какова была боеспособность этихъ баталіоновъ, можно судить по тому, какимъ составомъ они пополнялись. Самое слово „гарнизонный“ показываетъ, что баталіонъ былъ предназначенъ для стоянки

1) Указъ 16 марта 1750 г.

2) Распоряженіе Неплюева 14 ноября 1753 г.

въ крѣпости и былъ такъ названъ въ отличіе отъ „полевыхъ“ полковъ и баталіоновъ, употреблявшихся для полевой военной службы въ арміи. Но такъ какъ въ прежнее, Екатерининское время, служба не была ограничена никакими сроками, то солдаты служили въ войскахъ до смерти или до полной неспособности держать ружье и тогда получали „абшидь“ (отставку). Но такъ какъ полевая служба была тяжелой, то ежегодно выбирали изъ полевыхъ полковъ стариковъ малопригодныхъ къ армейской службѣ или раненыхъ и увѣчныхъ, давали имъ отставку изъ полевыхъ полковъ и посылали въ „гарнизонные“, гдѣ служба была много легче. Изъ этихъ то дряхлыхъ инвалидовъ и составлялись баталіоны, разбросанные гарнизонами пограничныхъ крѣпостей. Каждый пограничный гарнизонный баталіонъ составляли четыре строевыхъ роты мушкетеровъ (нынѣшнихъ стрѣлковыхъ), одна инвалидная и одна мастеровая, всего—6 ротъ. Четыре строевыхъ роты набирались и пополнялись отставленными отъ полевой службы за негодностью и дряхлостью офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами, способными носить ружье. Инвалидная рота набиралась изъ солдатъ первыхъ четырехъ ротъ инвалидовъ, которые за старостью не могли уже нести службу съ ружьемъ въ рукахъ и употреблялись только для крѣпостныхъ карауловъ у церквей, магазиновъ, цейхгаузовъ, разныхъ складовъ и т. п., при чемъ, находясь на часахъ, не имѣли ружья, а лишь шпагу и трость, и не стояли, а сидѣли на лавкѣ или стулѣ. Мастеровую роту составляли рекруты и разночинцы, напр. крѣпостные, которые по малому росту (ниже 2 арш. 6 верш.) не могли быть приняты въ полевые войска, но знали какія либо ремесла, необходимыя при возведеніи крѣпостей,—кузнечное, слесарное, плотничное, каменное, дернокладочное и др.; въ наряды они почти не употреблялись, а все время были заняты крѣпостными работами; короче говоря, замѣняли нынѣшнія инженерныя войска. Словомъ, гарнизоны Оренбургскихъ пограничныхъ крѣпостей составлялись исключительно изъ инвалидовъ, неспособныхъ нести военную службу въ полевыхъ армейскихъ полкахъ; но такъ какъ срокъ военной службы не былъ ничѣмъ ограниченъ, то всѣхъ солдатъ, пришедшихъ въ негодность отъ старости, ранъ или увѣчья, въ отставку не увольняли, а отправляли въ гарнизонные баталіоны, преимущественно въ степныя пограничныя крѣпости.

Всѣ эти пограничные гарнизонные баталіоны, какъ уже сказано, были размѣщены небольшими командами по крѣпостямъ и редутамъ Оренбургской линіи, отъ Оренбурга до крѣпости Звѣриноголовской, и носили названія по тѣмъ крѣпостямъ, гдѣ у нихъ находились штабы баталіоновъ,—Орскій, Кизильскій, Верхнеуральскій, Троицкій и Звѣриноголовскій, и состояли на особомъ положеніи, при чемъ офицеры получали половинное содержаніе противъ офицеровъ армейской пѣхоты, а нижніе чины—по 5 руб. 95 коп. въ годъ, обмундированіе и аммуницію ¹⁾.

Въ 1797 году эти баталіоны были переведены на полевое положеніе, т. е. уравнены въ окладахъ и довольствіи съ полевыми частями. Каждому

¹⁾ Хронологич. пер., вып. VII, стр. 128.

баталіону положено имѣть пять мушкетерскихъ ротъ и одну гренадерскую. Пополнялись эти баталіоны преимущественно такъ же, какъ и раньше, т. е. инвалидами армейской пѣхоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этихъ поръ допущены сюда и рекруты, такъ что составъ баталіоновъ получился довольно пестрый. Вслѣдствіе этого, хоть часть солдатъ была годна къ несенію полевой службы въ крѣпостяхъ и съ большимъ успѣхомъ могла употребляться въ помощь казакамъ, при преслѣдованіи или отраженіи киргизскихъ шаекъ, хотя въ дѣйствительности молодыхъ рекрутъ было весьма незначительное число, такъ какъ главная масса по прежнему пополнялась изъ полевыхъ армейскихъ баталіоновъ солдатами негодными къ полевой службѣ. Конечно, такія войска не могли быть страшными для кочевниковъ и внутреннихъ враговъ. Этимъ и объясняется, почему Пугачевскій бунтъ разросся очень быстро, и Пугачевъ въ самое короткое время захватилъ больше десятка крѣпостей, ибо линія только что устраивалась и была почти совершенно беззащитна; такъ, лишь незадолго предъ пугачевскимъ бунтомъ, въ 1768 году, въ помощь небольшимъ командамъ были двинуты два драгунскихъ полка, — Шешминскій и Бѣлярскій съ частью драгунскаго же Сергіевскаго полка, при чемъ въ такія сильныя крѣпости, какъ Звѣриноголовская и Верхнеяицкая, поставлено по 1 ротѣ солдатъ и 20 казаковъ, а по всей линіи, на протяженіи 1071 версты, въ 22 крѣпостяхъ, 25 редутахъ и 1 хуторѣ поставлено 30 драгунскихъ ротъ и 696 казаковъ ¹⁾. Въ 1771 году въ помощь гарнизоннымъ баталіонамъ были учреждены три легкія полевые когорты, въ составъ которыхъ вошли двѣ роты пѣхоты въ 320 чел., егерская команда въ 57 чел., драгунская команда въ 75 чел., четыре 12 фунтов. орудія (единорога) съ 48 чел., а всего по 500 человѣкъ въ каждой когортѣ ²⁾. Когорты были поставлены въ Оренбургѣ, Орской и Троицкой и предназначались преимущественно въ помощь гарнизоннымъ войскамъ, какъ постоянный резервъ, всегда готовый къ выступленію; но часть этого резерва была взята изъ войскъ, бывшихъ на линіи. Такимъ образомъ, линія была усилена въ незначительной степени на всякій случай; всѣ же остальные крѣпости находились подъ охраною указанныхъ выше пяти гарнизонныхъ баталіоновъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ по 721 чел., изъ коихъ 600 рядовыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, вся линія отъ Оренбурга до Звѣриноголовской охранялась 3605 чел. гарнизонныхъ солдатъ, 1500 чел. 3-хъ когортъ и около 4000 казаковъ, а всего до 9 съ половиною тысячъ, т. е. около 1 человѣка на линейную версту. Только въ 1804 году охрана линіи усилена четырьмя линейными баталіонами, расположенными — № 1 въ кр. Верхнеозерной, № 2 въ Орскѣ, № 3-й Верхнеуральскѣ и № 4 въ Троицкѣ, гдѣ находились штабы; роты же по прежнему были разбросаны по крѣпостямъ и редутамъ въ помощь гарнизоннымъ баталіонамъ.

На основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія отъ 19 августа 1804 г., линейные баталіоны составлены изъ неспособныхъ къ полевой службѣ и

¹⁾ Матеріалы по ист. войска, стр. 154.

²⁾ Тамъ же, стр. 180.

подлежащихъ отставкѣ нижнихъ чиновъ, а въ 1805 г. дополнены рекрутами, которые по болѣзнямъ или инымъ недостаткамъ были неспособны къ полевой службѣ въ войскахъ, женаты и имѣли отъ роду 37 лѣтъ, при чемъ повелѣно приохочивать солдатъ къ заведенію домовъ и къ занятіямъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ, а въ свободное отъ полевыхъ работъ время—воинскими упражненіями ¹⁾.

Кромѣ баталіоновъ и казачьихъ командъ, охрану линіи составляли еще артиллерійскія роты и пушкарскія команды. Въ каждомъ редутѣ было по 2—3 чугунныхъ пушки и нѣсколько пушкарей-казаковъ, а роты стояли въ крѣпостяхъ, имѣя по 2 мѣдныхъ пушки и нѣсколько чугунныхъ.

Далѣе, въ составъ гарнизона входили такъ называемыя военно-сиротскія отдѣленія, т. е. школы кантонистовъ, солдатскихъ дѣтей. Первоначально эти школы были открыты въ 1797 году указомъ отъ 25 сентября при каждомъ баталіонѣ для дѣтей служащихъ и отставныхъ солдатъ—въ Верхнеуральской кр. и Ставрополѣ на 100 школьниковъ, а въ Оренбургѣ, Орской, Кизильской, Троицкой и Звѣриноголовской на 50 школьниковъ; но въ началѣ XIX столѣтія гарнизонныя школы были преобразованы и названы „военно-сиротскими отдѣленіями“. Штаты ихъ были доведены до 500 воспитанниковъ-кантонистовъ, составлявшихъ нѣсколько ротъ, при чемъ старшіе уже могли участвовать въ отраженіи непріятеля.

Но, несмотря на все это, гарнизоны пограничныхъ крѣпостей были весьма незначительны, и линія по прежнему оставалась почти беззащитной.

Для примѣра приведу вѣдомость Звѣриноголовскаго коменданта за 1818 годъ о числѣ войскъ крѣпости, извлеченную мною изъ комендантскихъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Звѣриноголовскаго станичнаго правленія.

Въ крѣпости Звѣриноголовской гарнизонныхъ войскъ состоитъ:

1) Артиллеристовъ:	{	Оберъ-офицеровъ	1
		Канонировъ	2
		Готлангеровъ	9
		Итого	12
2) Гарнизонный баталіонъ:	{	Штабъ-офицеровъ	2
		Оберъ	15
		Унтеръ	25
		Рядовыхъ	353
		Итого	395
3) Инженерная команда:	{	Офицеровъ	1
		Чертежниковъ	1
		Итого	2

1) Матеріалы, вып. VIII, стр. 69.

4) Военно-сиротское отдѣленіе:	Смотритель майоръ	1
	Учителей: оберъ-офицеровъ	2
	унтеръ "	6
	Рядовыхъ	3
	Ихъ помощниковъ	19
	Блюстителей: унтеръ-офицеровъ	11
5) Казаковъ:	Сторожей	11
	Воспитанниковъ	479
	Итого	532
5) Казаковъ:	Чиновниковъ	2
	Урядниковъ	2
	Казаковъ	24

Это былъ постоянный гарнизонъ крѣпости, который лѣтомъ увели-
вался казаками внутреннихъ кантоновъ и башкирами приходившими на
лѣтную линейную службу. При этомъ на Звѣриноголовскую дистанцію,
состоящую изъ 3-хъ крѣпостей: Звѣриноголовской, Устьуйской и Кру-
тоярской; 5 редутовъ: Алабужскаго, Озернаго, Прорывнаго, Кочердыкскаго
и Лугового, всего на протяженіи 112 верстъ, командировалось обычно до
500 человекъ (выше приведена вѣдомость), а въ 1818 году на Звѣри-
ноголовскую дистанцію 350 казаковъ и часть башкиръ по прежнему
распоряженію.

Гарнизонный баталіонъ, въ свою очередь, былъ разбитъ по этимъ
же крѣпостямъ и редутамъ дистанціи; такъ, помимо указаннаго въ вѣдо-
мости числа солдатъ, 1 рота стояла въ Устьуйской, 1 въ Крутоярской,
а двѣ роты по 5 редутамъ, такъ что наличный составъ баталіона былъ
не болѣе двухъ ротъ, и на каждый редутъ приходилось только 40—50
солдатъ.

Мнѣ кажется, не лишена историческаго интереса и общая вѣдомость
о состояніи одной изъ значительныхъ крѣпостей Оренбургской погранич-
ной линіи, дающая болѣе полное понятіе какъ о числѣ гарнизона, такъ
и о числѣ дворовъ. Привожу эту вѣдомость цѣликомъ ¹⁾.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи Звѣриноголовской крѣпости и числѣ живущихъ въ ней за 1819 г.

Крѣпость Звѣриноголовская на заграничной сторонѣ рѣки Тобола,
хотя и обнесена была съ трехъ сторонъ землянымъ валомъ, но оный съ
давнихъ поръ обвалился и занесло пескомъ, такъ что совсѣмъ не при-
мѣтно, гдѣ оный состоялъ; сверхъ того обнесена рогатками въ столбахъ;
по неимѣнію на валу бастіоновъ пушекъ на оныхъ не состоитъ.

¹⁾ Вѣдомость извлечена изъ дѣла Звѣриноголовскаго коменданта за 1819 годъ. (Архивъ
станичн. правл.).

Въ ней казенныхъ зданій:		
Каменная гауптвахта . . .		1
Карауленъ деревянныхъ: при Оренбургскомъ въѣздѣ . . .		1
" " острогѣ . . .		1
Шлагбаумовъ у въѣздовъ—Оренбургскаго, степного и Сибирскаго, всего . . .		3
Домъ для баталіоннаго командира, занимаемый классами военно-сиротскаго отдѣленія . . .		
Офицерскій домъ тоже подъ классами . . .		1
Баталіонный лазаретъ на 56 кроватей . . .		1
Церковь деревянная (ветхая) . . .		1
Арсеналовъ . . .		2
Пороховыхъ погребовъ . . .		1
Плотничная и кузница . . .		2
Цейхгаузовъ! . . .		2
Магазиновъ . . .		2
Острогъ, огороженный тыномъ, въ срединѣ казарма о 2-хъ покояхъ . . .		1
Лавокъ . . .		14
Питейныхъ . . .		2
Домовъ, выстроенныхъ военными . . .		124
" " разнаго званія . . .		242
Жителей:	Муж. п.	Жен. п.
Военно-служащихъ штабъ и оберъ-офиц. . .	33	—
ихъ женъ и вдовъ . . .	—	2
" дѣтей . . .	18	3
Нижнихъ чиновъ гарнизоннаго баталіона . . .	423	—
ихъ женъ . . .	—	138
" дѣтей . . .	18	97
Отставныхъ нижнихъ чиновъ . . .	163	—
ихъ женъ . . .	—	144
" дѣтей . . .	13	28
Разнаго званія вдовъ и женъ успевшихъ въ армейскіе полки . . .	—	103
ихъ дѣтей . . .	26	30
Кантонистовъ . . .	431	—
дѣтей, получающихъ $\frac{1}{4}$ пайка,— 106 чел. При сей крѣпости, на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ оной,—форштадтъ; въ ономъ домовъ, выстроенныхъ переселенными казаками и разночинцами, отставными—26.		
Жителей: переселенныхъ казаковъ . . .	29,	ихъ женъ 24
дѣтей . . .	24	17
Итого въ крѣпости Звѣринско-головской и форштадтъ жителей 1258 муж., 666 женщ. и 435 дѣтей.		
Домовъ: казенныхъ зданій . . .		42
частныхъ . . .		392

Такимъ образомъ, изъ приведенной вѣдомости видно, что главное населеніе пограничныхъ крѣпостей составляли военные, служащіе и отставные; иного элемента почти совершенно не было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Кривошековъ.

Свадебный обрядъ у киргизъ Тургайской области.

Бракъ у киргизъ, большею частью, происходитъ по расчету и представляетъ простую сдѣлку родителей обѣихъ брачующихся сторонъ. Бракамъ по взаимной склонности молодыхъ людей особенно препятствуетъ укоренившійся обычай, по которому родители условливаются между собою о бракѣ дѣтей даже еще тогда, когда послѣднія едва вышли изъ пеленокъ,—когда будущему жениху и невѣстѣ исполнится года два-три или много пять. Такое весьма раннее сватовство у киргизъ происходитъ вслѣдствіе того, что приходится выплачивать за невѣсту очень значительный „калымъ“ (выкупъ). Размѣры калыма у киргизъ бываютъ различны, въ зависимости отъ различнаго матеріальнаго состоянія брачующихся сторонъ; эти размѣры подраздѣляются приблизительно на пять разрядовъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое названіе. Самый значительный по размѣрамъ калымъ называется „тогузь балалы малъ“ (по девяти штукъ рогатаго скота). По этому калыму въ самомъ началѣ сватовства дается въ качествѣ задатка лошадь, которая называется „мынтъ-ать“, цѣною не менѣе ста рублей; затѣмъ выплачивается по девяти штукъ различнаго рода скота: бережихъ кобылъ или стельныхъ коровъ, трехлѣтнихъ подростковъ, танчей¹⁾ (двухлѣтнихъ) и телятъ; послѣ этого уплачивается за невѣсту 100 руб., что называется „дженама“²⁾. Наконецъ, передъ самымъ взятіемъ невѣсты платится послѣдній денежный выкупъ въ размѣръ 200 р. Кроме того, мать жениха даетъ матери невѣсты лошадь за то, что она кормила свою дочь, ея молодуху, груднымъ молокомъ. Этотъ подарокъ наз. „сутъ ана“³⁾. Второй по величинѣ калымъ называется „бутунъ крыкъ джита“⁴⁾, или „сигызь балалы малъ“, и состоитъ въ выплачиваніи 47 головъ скота въ различные сроки по восьми головъ; при этомъ „мынтъ-ать“ цѣнится въ 60 рублей, „дженама“—тоже въ такую цѣну; а передъ взятіемъ невѣсты уплачивается 150 руб. Третій размѣръ калыма называется „отузь джита“, или „алты джита балалы малъ“, и выплачивается 37 головъ различныхъ сортовъ скота, по 6—7 головъ; при этомъ „мынтъ-ать“

1) Танча—телка.

2) Отъ глагола дженама—собирай.

3) Отъ сут—молоко и ана—мать.

4) Въ переводѣ на русскій яз. „цѣлыхъ сорокъ семь“.

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛЪ.

3-й г. изд.

№ 2-й.

ВѢСТНИКЪ

ОРЕНБУРГСКАГО

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1914 годъ.

УФД.
Электр. типо-лит. Т-ва О. Г. Соловьевъ и К^о.
1914.

III. Научный отдѣлъ.

На Оренбургской пограничной линіи.

Очерки прошлаго.

(Продолженіе).

IV. Жизнь въ крѣпости.

а) Коменданты.

Тревожна и опасна была жизнь въ пограничныхъ крѣпостяхъ, особенно, расположенныхъ по р. Уралу; впрочемъ, и по всей линіи тревоги случались почти ежедневно, такъ что населеніе спокойнымъ не было ни минуты.

Постараемся, насколько возможно, освѣтить былую жизнь пограничной крѣпости по тѣмъ рассказамъ стариковъ-очевидцевъ, которые пришлось намъ слышать непосредственно изъ устъ живыхъ свидѣтелей минувшей эпохи.

Главнымъ начальникомъ и хозяиномъ каждой крѣпости былъ комендантъ, который назначался изъ гарнизонныхъ штабъ-офицеровъ и которому была предоставлена вся административная, хозяйственная и военная власть по управленію крѣпостью.

Должности комендантовъ были учреждены въ 1771 году; права ихъ были предоставлены старшимъ штабъ-офицерамъ въ чинѣ полковника и майора въ главныхъ крѣпостяхъ, а въ остальныхъ и редутахъ—старшимъ офицерамъ.

Наконецъ, ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніемъ 19 августа 1807 года было объявлено, что „главнѣйшія обязанности всѣхъ комендантовъ состоятъ имѣютъ въ соблюденіи граничнаго спокойствія, недреманномъ смотрѣніи за дистанціями, имъ ввѣренными, содержаніи въ неослабномъ порядкѣ пикетовъ и разъѣздовъ, производимыхъ иррегулярными войсками, предупрежденіи и отвращеніи всего того, что вредъ жителямъ причинять можетъ и наконецъ въ управленіи по закону полицію“¹⁾.

Выше уже сказано, что комендантами назначались штабъ-офицеры въ чинѣ полковника и майора. Изъ имѣющейся справки²⁾ видно, что

¹⁾ Матеріалы по ист. Оренб. войска, стр. 102.

²⁾ Тамъ же, стр. 103.

въ Звѣриноголовской, Кизильской, Орской крѣпостяхъ комендантами были командиры гарнизонныхъ баталіоновъ, квартировавшихъ въ этихъ крѣпостяхъ; Верхнеозерной, Таналыцкой, Магнитной и Степной—командиры линейныхъ баталіоновъ 1, 2, 3 и 4; въ послѣднихъ 13,—Устьуйской, Крутоярской, Каракульской, Петропавловской, Уртазымской, Губерлинской, Ильинской, Красногорской, Чернорѣченской, Татицевой, Нижнеозерной, Разсыпной и Илецкой Защитѣ,—назначались инспекторомъ войскъ края штабъ-офицеры гарнизонныхъ полковъ и баталіоновъ, при чемъ этимъ комендантамъ въ чинѣ майора и капитана былъ присвоенъ окладъ жалованья по 400 руб. въ годъ.

Нехорошую память оставили по себѣ въ населеніи коменданты прилинейныхъ крѣпостей. Нѣтъ почти ни одного разсказа очевидцевъ, гдѣ комендантъ былъ бы помянутъ добрымъ словомъ. Въ народныхъ преданіяхъ они выводятся суровыми и чрезчуръ жестокими, что вполне понятно, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена коменданты въ глухихъ крѣпостяхъ часто превышали свою власть,—тѣмъ болѣе, что при тогдашней суровой дисциплинѣ и въ армейскихъ полкахъ жилось нелегко: били за все, за всякую мелочь, за нечищенную пуговицу у мундира, за неправильный шагъ на парадѣ, за неудачный ружейный приѣмъ и проч. Поэтому вполне понятнымъ станетъ суровость коменданта въ глухой крѣпости, гдѣ онъ являлся полнымъ хозяиномъ; при томъ и самая крѣпость и все ея населеніе были на военномъ положеніи и, слѣдовательно, подчинены военной дисциплинѣ.

Особенно дурная память у насъ, въ Звѣриноголовской станицѣ, сохранилась о комендантѣ майорѣ Китаевѣ, умершемъ въ началѣ XIX столѣтія, около 1809—10 года. „Звѣръ былъ, кровопійца“, отзываются о немъ старики, которые, хотя его уже и не помнили, но въ дѣтствѣ слышали много разсказовъ объ этомъ грозномъ комендантѣ. Приведу разсказъ о Китаевѣ, записанный мною со словъ моей 100 лѣтней бабушки. „Охъ, и времечко-же было, и вспомнить страшно! Такъ эти коменданты командовали: все равно, кто попалъ въ чемъ,—сейчасъ на обахту и розогъ, а Китаевъ, говорятъ, всѣхъ стрѣлилъ былъ. Я то ужъ его не помню, а моя мать, бывало, все про него разсказывала. Билъ, говорятъ, не на животь, а на смерть. Чуть кто въ чемъ провинился или попался, сейчасъ розогъ и не смѣи прекословить, не то до смерти запорютъ и искать не гдѣ: до Бога высоко, до Царя далеко! Бывало, каждый день кого-нибудь порютъ, весь и судъ тутъ былъ. Не только солдатъ били, а доставалось дѣвкамъ, бабамъ и ребятамъ. Ужъ вечеромъ послѣ зари не выходи на улицу;—а пѣсни пѣть ночью—избави Господи! дешево отдѣлаешься, если 25 розогъ дадутъ. Помню, я была еще маленькой и чуть заплачешь ночью, какъ мать сейчасъ: „а вонъ комендантъ ходитъ, онъ тебѣ дастъ!“ и не помнишь, какъ уснешь, а Китаевымъ, такъ я сама, прости Господи, ребятъ пугала. Такъ вѣдь что онъ дѣлалъ только! Разъ мой отецъ поѣхалъ за дровами съ другимъ тоже отставнымъ солдатомъ. На грѣхъ, только выѣхали изъ крѣпости, а на встрѣчу ѣдетъ Китаевъ.

Ну, тѣ хоть и отставные, оба отдали честь, какъ полагается; да на бѣду оба были одѣты въ старыя рваныя рубахи. „Стой!“ загремѣлъ Китаевъ: „вы солдаты, а оборванцами на работу поѣхали. Правиль не знаете! На обахту!“ Вернулъ ихъ бѣдныхъ да тутъ по 10 розогъ обоимъ дали, чтобъ не ходили оборванцами, и отпустили. А то все бабамъ ноги мазалъ дегтемъ. Какъ пошелъ куда, попалась баба босая, тутъ и бѣда. Остановить и начнетъ песочить: ¹⁾ „А, ты, голубушка, правиль не знаешь, закону не хочешь повиноваться, мужа своего не бережешь! Ты слышала, что приказъ былъ босикомъ не ходить? Вотъ ты босая ходишь, ноженьку гдѣнибудь напорешь, а то простынешь,—вотъ будешь лежать хворать, а мужъ да дѣти будутъ голодомъ. А тамъ тревога: мужу надо въ походъ идти, непріятеля отбивать, а ему домъ покинуть будетъ не на кого. Ребята будутъ кричать, голодать, а ты по своей глупости будешь хворать. Айда-ка на гауптвахту!“ Вотъ такъ-то калить, калить бабу, та ужъ ни жива, ни мертва и пошевелится не смѣетъ, а потомъ еще погонить на обахту; ну, тамъ извѣстно дѣло: солдаты живо съ мазилкой;—схватятъ бабу, высмолятъ дегтемъ ноги до колѣнъ, а то и выше, да такъ домой и отпустятъ, да и смывать не смѣй, пока не засохнутъ, чтобъ другіе на тебя смотрѣли, да казнились ²⁾.

„Издавъ какъ-то разъ Китаевъ приказъ, чтобъ скотина по улицѣ не шлеялась и чтобъ всѣ затворяли ее. Былъ у насъ въ крѣпости отставной солдатъ Яганцевъ, и была-то у него всего одна корова. Какъ-то вечеромъ ребятишки играли да и выпустили ее. На притчу по улицѣ гонить Китаевъ. Доѣхалъ и остановился около Яганцева, а корова стоитъ у воротъ. „Кто тутъ живетъ?“ кричитъ комендантъ. Солдатъ выскочилъ, ни живъ, ни мертвъ, на быгу застегивается. „Чья корова?“ кричитъ комендантъ: „твоя?—запорю до смерти!“—„Не могу знать чья!“ отвѣчаетъ Яганцевъ: „должно быть, со степи пришла!“—„Врешь, твоя“, говоритъ комендантъ. А Яганцевъ божится, что у него сроду коровы не бывало!“ „Взять ее на артельный котель!“—скомандовалъ Китаевъ. Солдаты схватили корову, угнали на кухню и тутъ же зарѣзали. Такъ Яганцевъ отъ своей коровы и отерся. Много было всего и на моей памяти; я была ужъ лѣтъ 10. Бывало, выйдешь къ бабамъ на завалинку посидѣть, соберется кружокъ человѣкъ до десятка. Вдругъ, кто-нибудь крикнетъ: „комендантъ ѣдетъ!“ всѣ, какъ дождь, разбѣгутся, кто куда попалъ. Такъ боялись комендантовъ. Ну, а злѣе Китаева все же не было“.

Дѣйствительно, имя Китаева и до сего времени въ разсказахъ стариковъ является олицетвореніемъ какой-то особой жестокости. Мнѣ приходилось слышать даже такой разсказъ о его смерти. „А все-таки, какъ много не пилъ онъ крови, а Богъ его наказалъ! Говорятъ, цѣлую роту солдатъ хотѣлъ прогнать сквозъ строй. Разсердился на то, что на учении что-то не такъ сдѣлали. Кричалъ, кричалъ, ругался, ругался, да тутъ же на площади и умеръ сразу. Пока его тасили до дому, онъ распухъ,

¹⁾ Пробирать.

²⁾ Казнились—каялись.

животь у него вздуло, а потомъ на другой день онъ лопнулъ. А теперь вотъ и земля-то не приняла; какъ похоронили его, такъ онъ и провалился въ таръ-тарары“. Такъ народная фантазія покарала своего врага. Старики и сейчасъ показываютъ на кладбищѣ провалившуюся могилу Китаева.

Не мало рассказовъ существуетъ и о другихъ комендантахъ, но теперь они слишкомъ сбивчивы и сводятся къ одному: „били шибко; что имъ?! ихъ полная воля была! „Всѣмъ доставалось отъ комендантовъ,—не только служащимъ солдатамъ, но и ихъ семьямъ, такъ какъ и семьи-то были на солдатскомъ положеніи. Онѣ получали солдатскую порцію изъ казны, а потому, значить, тоже состояли въ вѣдѣніи коменданта и числились на казенномъ провіантѣ, а во время работъ по укрѣпленію крѣпости работали наравнѣ съ солдатами: при нападеніяхъ же киргизы, участвовали въ оборонѣ крѣпостей, особенно въ расположенныхъ по р. Уралу, гдѣ набѣги были чаще и киргизы нападали большими партіями. Чуть барабанъ ударилъ тревогу и пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о нападеніи, какъ весь гарнизонъ бросался къ крѣпостнымъ валамъ; туда же бѣжали бабы и дѣвочки, вооруженныя запасными пиками и одѣтыя въ шапки, чтобы увеличить собою число гарнизона. Да и домашняя жизнь всѣхъ шла подъ наблюденіемъ начальства: почти каждую недѣлю капралы ходили по дворамъ и избамъ, осматривая, все-ли въ порядкѣ и нѣтъ-ли чего либо подозрительнаго. И вотъ, если кто либо попадался въ чемъ,—били розгами. Но особенно доставалось казакамъ, поселеннымъ въ линейныхъ крѣпостяхъ на Уралѣ, да и вообще присылаемымъ изъ внутреннихъ кантоновъ на линейную службу.

До учрежденія казачьихъ дистанционныхъ начальниковъ, завѣдывавшихъ всѣми казаками, находящимися на опредѣленномъ участкѣ линіи, всѣ казачьи команды поступали въ вѣдѣніе крѣпостныхъ комендантовъ, армейскихъ офицеровъ, по духу и характеру совершенно чуждыхъ казакамъ; при томъ казачьи атаманы и старшины раньше не пользовались армейскими чинами, а получали ихъ сначала „заурядъ“; въ общемъ же мало отличались отъ простыхъ казаковъ и, разумѣется, не могли защитить своихъ. Вслѣдствіе этого, коменданты дѣлали, что хотѣли. Приведу отрывокъ изъ разсказа казака Татищевской станицы Якова Чернова, 90 лѣтъ, записаннаго войсковымъ старшиною Бухаринымъ въ 1890 г.¹⁾

„Помнить я сталъ себя хорошо лѣтъ съ 10—12. Тогда намъ баловать-то не давали, да и не до того было. Съ 14 лѣтъ мы отправляли уже подводную гоньбу, подводчиками бѣдили, а по домашеству исполняли все наравнѣ съ большими. Помню, долго у насъ (въ Татищевой) былъ комендантомъ майоръ Тимофей Ивановичъ Д—ръ. Тутъ онъ въ Татищевой и смерть получилъ. Всего вѣдь не упомнишь и не перескажешь, а тяжело, больно тяжело жилось при немъ; сколько я самъ помню, что видѣлъ и что помню изъ рассказовъ стариковъ, то самовластію ихъ,

¹⁾ Изъ путевыхъ замѣтокъ Бухарина. Матер. по ист. войска, вып. VI, стр. 124.

комендантскому. границы не было, чего хотѣли, то и творили. На восходѣ солнца, какъ только пробьютъ утреннюю зорю и народъ отправляется къ рѣкѣ, черезъ водяныя ворота, подъ прикрытіемъ взвода солдатъ, а когда и полуроты, выходилъ на валъ и Тимофей Ивановичъ. Какъ теперь помню его, — высокаго роста, претолстущій-толстущій, ровно сороковая бочка въ халатъ одѣта и поставлена на донышко. Халатъ на немъ цвѣтной, узорчатый; сказываютъ, изъ индійскихъ кашемировыхъ шалей, а въ рукахъ преболюшущій серебряный рогъ, на серебряной цѣпочкѣ. Вотъ это онъ ходитъ по валу да понюхиваетъ табачекъ изъ рога, прищелкиваетъ пальцами да повертываетъ его въ рукахъ, а самъ, ровно звѣрь какой, кругомъ оглядывается да какъ рявкнетъ своимъ зычнымъ голосомъ: „эй, вы шельмы, казаки! Не смѣй стрѣлять въ киргизъ: за-порю, шкуру сперу съ живого, кто только осмѣлится выстрѣлить. Стною въ острогъ, а если кто выстрѣлитъ въ моего пріятеля старшину Кусая, повѣшу, — вотъ тутъ на валу и повѣшу!“

„Пока казаки съ ружьями за плечами поятъ лошадей, а бабы черпаютъ воду или полощутъ бѣлье, солдатики съ заряженными ружьями стоятъ цѣпью по берегу, а на другомъ берегу по отмелямъ гарцуютъ киргизы и переругиваются съ казаками. Бѣда, если кто не выдержитъ да выстрѣлитъ, — послѣ водопоя запорятъ до полусмерти. На выстрѣлъ киргизы отвѣчаютъ обыкновенно десятками двумя-тремя стрѣлъ, а иногда и ружейными выстрѣлами. Но это очень рѣдко встрѣчалось, если на валу былъ самъ Тимофей Ивановичъ, потому онъ былъ большой пріятель и покровитель киргизъ. Отъ нихъ онъ и разбогатѣлъ. Кусай привозилъ ему дорогія матеріи индѣйскія, бухарскія и персидскія, оружіе въ серебрѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ, сбрую сѣдельную, да и рогъ-то серебряный былъ его же подарокъ. Киргизы его дарили и конями, и баранами, и шерстью, и кожами. Все бралъ, ни отъ чего не отказывался. Богатѣлъ до того, что кладовыхъ не доставало, а скотъ у киргизъ же на пригулѣ ходилъ и особо продавался или вымѣнивался на Оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ. Для этого и всего прочаго былъ у него свой приказчикъ Петръ Васильевичъ Анпиловъ, черезъ него Д-ръ и людьми торговалъ.“

„Вѣстимо, не самъ торговалъ; на это были у него сподручныя люди, а главный воротило по этой части былъ Оренбургскій купецъ Михайло Зайчиковъ. Купецъ этотъ имѣлъ сношенія со всей Азіей, — съ Хивой, Бухарой и со всѣми киргизскими ордами. Старъ и малъ знали въ ордѣ Зайчикова и лучше султана принимали, потому онъ кормилецъ ихъ былъ, черезъ него они богатѣли. Объ этомъ, наконецъ, дошло до Государя Александра Павловича, и Зайчиковъ былъ посаженъ въ острогъ. Съ нимъ же въ одной каморѣ сидѣлъ Д — въ и тамъ умеръ. Тогда Зайчиковъ принялъ фамилію Д — ва, а Зайчикова-то, будто бы умершаго, похоронили. Только этимъ онъ и избавился, и снова появился на свѣтѣ Божій, но уже подъ фамиліей Д — ва и сталъ на народную-то кровь и слезы церкви строить и одѣлять причты. Вотъ этотъ-то Зайчиковъ и держалъ артели съ приказчиками, будто, для найма рабочихъ и снималъ луга и земли

въ аренду по всей линіи; снималъ и у насъ въ Татищевой. Понятно, что безъ вѣдома коменданта этого не сдѣлаешь. Тутъ Д—ръ и держалъ его руку и мирволилъ киргизамъ, запрещалъ казакамъ отбивать полонъ и переходить Уралъ. А приказчики за р. Сакмарой на вербуютъ въ крестьянахъ за хорошую плату рабочихъ да на условное мѣсто и поставятъ ихъ. Ночью ихъ киргизы живьемъ и забираютъ. А какъ заберутъ, то увозятъ на свою сторону за Уралъ; а если наткнутся на казачій разъѣздъ, то улепетываютъ въ Каргалу, что въ 25 вер. отъ Оренбурга. Каргала, или Сеитовскій посадъ, былъ главный притонъ всѣхъ мошенническихъ шаекъ. Тамошніе татары были богаты и всѣ занимались или воровствомъ лошадей, или торгомъ людей. Для этого у нихъ были выстроены особые каменные подвалы и выходы; каждый домъ—что твоя крѣпость! Окно на улицу нѣтъ: по мусульманскому закону это воспрещается; дворовые заборы каменные; и гдѣ надо, устроены были подземные ходы. Какъ запрячутъ въ эти подземелья, то хоть годъ кричи,—никто не услышитъ. Такъ вотъ какъ торговали людьми-то, а не спроста!

„Главной помѣхой въ этомъ дѣлѣ были казаки; на нихъ-то и злобились и киргизы, и коменданты и вредили всѣмъ, чѣмъ только могли. Майоръ Д—ръ приказывалъ, что не смѣтъ убивать или увѣчить киргизъ. „Ты“, говоритъ казаку: „не смѣй убивать киргиза; а если онъ доподлинно виноватъ, то предоставь мнѣ его живчикомъ“. Забавно слышать такія рѣчи: воробья и того не поймашь голой рукой, не то что хищника съ оружіемъ;—а онъ велитъ живчикомъ представить. Царапинки ему не нанеси, худого слова не скажи. Диковинка!—да еще что дѣлалъ? велитъ раздать пустые патроны,—въ нихъ одинъ хлопокъ, а пули-то нѣтъ. „Ты, говоритъ, не убивай киргиза, а только хлопни изъ ружья, чтобъ знакъ дать. Ты, значить, свое дѣло сдѣлалъ, а отвѣтъ не твой; а если киргизъ за черту ушелъ, хотя бы и съ полономъ, дѣло не твое;—стрѣлять и преслѣдовать не смѣй“. Ну, а мы въ разъѣзды-то брали собственные винтовки, а казенныя держали только для близиру да для смотровъ. Прежде казаки щеголяли оружіемъ: у каждого была своя винтовка, либо двѣ и три. Стволы у этихъ винтовокъ были шести и восьмигранные, съ маленькой пулей, а били на 100 сажень на повалъ, а казенныя всего на 30 сажень. Эти винтовки мы у орды же и покупали, или вымѣнивали, а особенно раздобывались въ походахъ. Придутъ, бывало, казаки изъ похода, мундиры на нихъ нѣмецкаго сукна, оружіе въ серебрѣ, сѣдельный приборъ тоже, вальтрапы въ позументахъ: не строй развернется, а заглядѣнье! Всякъ для своихъ ружей и пули отливалъ, а порохъ и свинецъ отпускала казна. Вотъ съ такими то ружьями мы и ѣздили въ разъѣзды и въ партіи бѣгали полонъ отбивать, и досаждали же, крѣпко понимали. За это самое и доставалось казакамъ, да какъ доставалось: на смерть забивали, а все это за самага комендантскаго пріятеля, за киргизскаго старшину, Кусая. Ужъ покусалъ онъ нашего брата, чтобы ему ни дна, ни покрывки!

„Этотъ Кусай со своими старшинами-пріятелями, съ ханами-салтанами, часто пріѣзжалъ въ гости къ коменданту. Навезутъ подарковъ, всякихъ шалей дорогихъ, мѣховъ, бухарской парчи, драгоценной сѣруи съ самоцвѣтными камнями, всякихъ шелковыхъ матерій, дорогихъ ковровъ, коней въ полномъ уборѣ, всякой всячины. Глаза разбѣгаются гляючи, а на нихъ одежда ровно жаръ горитъ. Вотъ и пойдетъ угощеніе. На берегу смажутъ котлы и варятъ для нихъ баранину, кобылятину,¹⁾ пилавы разные. Соберутся гости у коменданта: докторъ Крѣповскій изъ поляковъ, всѣ солдатскіе офицеры, нашъ станичный атаманъ Василій Осиповичъ Дюгаевъ; онъ тоже къ ихъ партіи принадлежалъ. Не хаживалъ только священникъ отецъ Петръ Прокофьевичъ Лебедевъ да казачьи чиновники. Они гнушались этихъ угощеній и не принимали подарковъ, а остальные господа ничѣмъ не брезгали и за подарки продавали свой православный народъ... Суди ихъ Богъ! Пока варится баранина съ кобылятиной да идетъ всякая стряпня, смотришь, подгоняютъ всѣ казачьи и жительскіе табуны, и комендантъ съ своими гостями поѣдутъ на осмотръ. Тутъ-то горе-горькое все и заключалось. „Вотъ это наши киргизскіе кони!“ говоритъ Кусай, али ханъ какой. „Лошади здѣсь, а людей, хозяевъ этихъ лошадей, мы отыскали убитыми въ оврагѣ. По пулямъ можно и виноватыхъ найти. Такъ распорядитесь, господинъ комендантъ, а то мы поѣдемъ въ Оренбургъ и будемъ жаловаться губернатору!“

„Вотъ тутъ и пойдетъ разборка да расческа, да такая!... Нарядятъ комиссію изъ солдатскихъ офицеровъ, возьмутъ солдатъ и поѣдутъ подымать мертвыя тѣла и докторъ съ ними. „Эхъ, чего грѣха таить: цѣлыми кучами клали мы киргизъ и не зарывали, да вѣдь способу-то другого не было съ ними; вѣдь какъ зорили-то они насъ: житья не было! Что вѣдь одного полону увозили, страсть! Ни лошадь выпустить, ни корову завести, никакой животинки; самъ того и гляди,—не въ плѣну, такъ изувѣченъ будешь, а жаловаться не смѣй: приводи хищника живчикомъ, съ поличнымъ, да ходи съ нимъ по судамъ, по острогамъ. Вѣрьте, ничему не станешь радъ,—отъ всего отступишься. Они что дѣлали: какъ изъ ихъ воровской шайки пропадутъ лошади, они и ѣдутъ осматривать по линіи табуны, нѣтъ ли гдѣ ихъ лошадей и сейчасъ съ жалобой. А то и такъ: подпускаютъ сами лошадей да и говорятъ, что ихъ лошади оказались въ нашемъ табунѣ, а люди-де пропали, значить, убиты казаками; вотъ вамъ и напасть! Безъ бѣды бѣда родится. А на кого злы изъ казаковъ, на тѣхъ прямо поклепы возводили; а комендантъ, не разбирая, поретъ да поретъ; отпоретъ да твою скотину киргизамъ отдастъ, а ты хоть по міру ступай. А фамиліи казаковъ они узнавали отъ аманатовъ, заложниковъ, которые на зиму брались отъ киргизъ, да отъ тѣхъ киргизъ, которые были въ работникахъ у русскихъ;—все зло отъ нихъ и происходило, они и шпіонами были. Черезъ этихъ шпіоновъ киргизы и знали все, что дѣлалось въ крѣпости, у кого что есть и кого какъ зовутъ.

1) Конину.

Вотъ какъ съ кѣмъ бѣда какая стряется, ну, и подставляй горбъ да шкуру,—или иди подъ судъ; тутъ ужъ не искалѣченнымъ не выйдешь. Бывало, послѣ утренней зари, какъ кончится водопой и разѣдутся на работы, всѣхъ провинившихся собираютъ къ „водяной“ гаубахтѣ ¹⁾. Закусивши, приходитъ комендантъ и поидеть расправа. У гаубахты ровно дровяной базаръ: палокъ, розгачу этого обозъ цѣлый стоитъ; начнется порка: ключьями шкура летитъ, кровью потолокъ забрызгаютъ; пропасть и говорить нечего! Другой сердечный кричитъ, кричитъ, силъ лишится, такъ замертво и вытащать за ноги.—Подбирай родные. А комендантъ понюхиваетъ табачекъ да приговариваетъ: „помни, бестія, что я царь и Богъ вамъ!“ Обидно и то шибко было: на другой день орда ²⁾ ужъ обо всемъ знаетъ и подсмѣивается: „что, Иванъ, хорошо киргизскихъ лошадей ловить?“ и пренахально тутъ же подцѣпить на арканъ казачью лошадь и у тебя на глазахъ, переправится черезъ Уралъ, и былъ таковъ!

„Ничего, и мы въ долгу не оставались: чай, и теперь вспоминаютъ. Былъ я еще малолѣткомъ. Послалъ меня однажды отецъ въ табунъ за кѣнями. Табунъ былъ за карауломъ съ хорунжимъ Горшковымъ. На солнечномъ закатѣ меня и Ѳедора Чурина послали изъ табуна за дровами въ ближній перелѣсокъ, а за перелѣскомъ были овражки съ густыми, прегустыми кустарниками. Вотъ проѣхали перелѣсокъ, осторожно перебрались черезъ кустарникъ и подъѣзжаемъ къ большому развѣсистому дереву. Видимъ, стоятъ восемь осѣдланныхъ лошадей и двѣ заводныхъ безъ сѣделъ, а подъ деревомъ спятъ киргизы,—восемь человекъ. Мы, притаивъ дыханіе, тихонько отѣхали и дали знать хорунжему Горшкову, который и выслалъ съ нами восемь казаковъ. Казаки осторожно подползли къ дереву, полукругомъ оцѣпили киргизъ и всѣхъ до одного прикончили.

„На другой день киргизъ вничкали въ топъ, въ заросшую болотину, а киргизскихъ лошадей показали пригультыми и раздѣлили такъ: коменданту—2, атаману Василию Осиповичу—2, хорунжему Горшкову—2, остальные достались казакамъ. Комендантъ все бралъ и нажилъ себѣ огромное состояніе: накопилъ крестьянъ и деревень; нажилъ и Василій Осиповичъ Дюгаевъ. Да какъ-то не въ прокъ пошло все это обоимъ, особенно майору Д—рю: сталъ хворать, не помогъ ему докторъ Крѣловскій. Семья его состояла изъ него самого, жены его Татьяны Ерофеевны, да сына, малоумнаго Мишеньки. Барыня Татьяна Ерофеевна была предобрая, славная барыня, дай Богъ ей царство небесное! Послѣ смерти мужа она отпустила всѣхъ крестьянъ на волю, а при жизни его удерживала отъ жестокостей. Бывало, онъ на порку, а она въ слезы: доброта была сердечная. А самого Тимофея Ивановича Господь еще при жизни наказалъ: сынъ дурачекъ вышелъ, а у него самого пузо лопнуло. Въдь онъ толстѣйшій былъ. Вотъ за алчность-то его Господь и наказалъ. Животъ-то у него и лопнулъ, и изъ него вода пошла, да кровь. Народъ и

¹⁾ На берегу Урала.

²⁾ „Орда“—такъ казаки называютъ киргизъ и донинъ.

говорилъ, что изъ него потекли слезы и кровь народная. Ужъ больно жестокъ онъ былъ!“

Только что приведенный разсказъ 90-лѣтняго старика даетъ яркую характеристику какъ личности коменданта, такъ и того безправія, которое процвѣтало на линіи. Особенно же усилился произволъ комендантовъ со времени изданія бывшимъ начальникомъ края генераломъ Эсеномъ приказа, безусловно воспрецавашаго переходъ русскими пограничной линіи, которою служили рѣки Уралъ, Тоболъ и Уй. Приказъ этотъ былъ данъ 26 марта 1817 г. за № 5, при чемъ переходъ границы нашими войсками возможенъ былъ только съ особаго каждаго разъ разрѣшенія военнаго губернатора, хотя бы даже и въ погоню за партією киргизъ, захватившей нашихъ въ плѣнъ. Результатомъ такого распоряженія было то, что киргизы открыто, среди бѣла дня, стали хватать скотъ и людей и безнаказанно уводить въ степь на глазахъ казаковъ, которые, вслѣдствіе приказа губернатора и подъ давленіемъ комендантовъ, не могли двинуться дальше порубежной линіи. Это тяжелое время лучше всего характеризуетъ слѣдующая казачья пѣсня того времени:

„Намъ не дорого, хозяинъ, пиво хмельное твое;

Дорога намъ бесѣдушка казачья.

Во бесѣдушкѣ сидятъ люди добрые, православные.

Они баютъ, разсуждаютъ про казаченекъ Царя Бѣлаго.

Злы киргизушки ихъ измучили:

Старъ и малаго во полонъ берутъ;

Во полонъ берутъ бусурманики, все въ Хиву везутъ.

Нашъ надежа, православный Царь, то не вѣдаетъ.

А генералушки приказъ отдали,

Отъ казаченекъ волю отняли:

Вы не смѣйте-де за Уралъ ходить, —басурманъ громить“¹⁾.

Вотъ этотъ злополучный приказъ: „Усматривая по суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, что изъ крѣпостей и деревень по границѣ лежащихъ, не только военные чины, но и другіе, даже и обыватели имѣютъ свободный переходъ за черту границы или по сношеніямъ съ киргизами, или же для грабежа имущества ихъ; черезъ что нѣкоторые вовлекли себя подъ неизбѣжный судъ законовъ, а другихъ ожидаетъ та же участь. Въ отвращеніе сего зла общаго предписываю г.г. комендантамъ и начальникамъ кордонной стражи запретить строго, чтобы отнюдь никто съ нашей стороны, ни подъ какимъ предлогомъ за черту границы не смѣлъ сдѣлать ни одного шагу, кромѣ тѣхъ, коимъ предоставлены права сіи по положенію законовъ. Равно если бы и случились какія происшествія, не преслѣдовать киргизцевъ въ ихъ границахъ ни одного шагу, не дѣлать на кочевки ихъ нападенія и не грабить имущества ихъ подъ строгою отвѣтственностью; воровъ же стараться ловить въ своихъ предѣлахъ и по поимкѣ отсылать къ суду въ пограничную комиссію; но если и за симъ

¹⁾ К. Кузнецовъ. Оренб. каз. войска, какъ община, стр. 85.

сверхъ ожиданія моего, дойдетъ до меня свѣдѣніе, что кто либо осмѣлится ходить или переѣзжать за границу къ киргизамъ, коимъ не предоставлено, таковыя всѣ, а съ ними вмѣстѣ и начальники стражи кордонной, въ дистанціи коихъ случится сіе, безъ всякаго уваженія преданы будутъ суду военному, почему съ сего времени всѣхъ переходящихъ границу безъ моего вѣдома,—брать подъ стражу, не смотря ни на какое лицо, а мнѣ доносить. А чтобы невѣдѣніемъ сего приказа никто не отговаривался, объявить по границѣ всѣмъ и каждому, какъ военнымъ, равно и обывателямъ“¹⁾.

Этотъ грозный приказъ связалъ руки всѣмъ защитникамъ Оренбургской пограничной линіи и отдавалъ ихъ на раззореніе киргизамъ, открывъ полный просторъ ихъ хищническимъ набѣгамъ, ибо при той борьбѣ, которая совершалась на линіи, единственно возможнымъ отмщеніемъ киргизамъ за ихъ хищническіе набѣги было преслѣдованіе ихъ въ глубь степей. Захваты скота и людей происходили у самой пограничной черты, и для хищника достаточно было 5 мин., чтобы переѣзжать за чергу и быть на свободѣ, внѣ преслѣдованія. Что побудило Эссена издать такой приказъ, остается неизвѣстнымъ, но послѣдствія приказа слишкомъ ярко очерчены въ предыдущемъ разсказѣ казака Якова Чернова.

Были, конечно, коменданты и другою типа, которые не оставляли безъ отмщенія киргизскіе набѣги. Но такихъ было немного. На одного изъ нихъ сохранилась жалоба киргизъ. Это былъ комендантъ Усть-уйской крѣпости майоръ Добровольскій, который бралъ съ собою команду подчиненныхъ ему казаковъ и дѣлалъ на киргизскіе аулы набѣги (баранту), захватывая скотъ, имущество и даже женщинъ и увозя ихъ въ крѣпость, гдѣ ожидалъ, когда киргизы явятся за выкупомъ ихъ²⁾.

б) Крѣпостные порядки.

Едва солнце показывалось на горизонтѣ и первые лучи его озаряли далекую степь и мирно спящую крѣпость, какъ мѣрная дробь барабана и звуки сигнальнаго рожка прорѣзывали мертвую тишину. Это на главной гауптвахтѣ проиграли подъемъ, а потомъ и утреннюю зорю. Крѣпостная жизнь началась: караулы всѣхъ трехъ заставъ выстроились каждая около своихъ воротъ и подняли шлагбаумы. По улицамъ началось движеніе, съ главной гауптвахты съ заряженными ружьями прошелъ взводъ солдатъ къ „водяной“ заставѣ и раскинулся цѣпью по берегу рѣки, для охраны женщинъ, приходящихъ за водою. Въ крѣпости все дѣлалось по командѣ, даже за водой идти и печи топить нужно было въ опредѣленное время. Какъ только „сыграютъ подъемъ“, населеніе все просыпалось и было уже на ногахъ: солдаты выходили за чаемъ, а женщины шли на рѣку за водой и полоскать бѣлье подъ охраной взвода солдатъ, а затѣмъ до

¹⁾ Матер. по ист. Оренб. каз. войска, т. VIII, стр. 259.

²⁾ Есауль Севастьяновъ. Примѣчанія, п. 7.

7 часовъ (лѣтомъ) печи у всѣхъ должны быть уже вытоплены: отступленія допускались только зимой; лѣтомъ же чуть замѣтять дымъ послѣ 7 часовъ, такъ сейчасъ же съ главной гауптвахты бѣгутъ солдаты и безъ всякихъ разговоровъ огонь въ печи заляютъ, а нерадивую хозяйку попросятъ къ коменданту. Мѣра эта употреблялась для отвращенія и предупрежденія пожаровъ, которые въ то время, вслѣдствіе скученности построекъ и полного отсутствія пожарныхъ машинъ, были весьма опасны. Съ 7 часовъ утра солдаты были уже на крѣпостныхъ работахъ или на ученьи. На крѣпостныя работы, какъ уже сказано выше, назначались не только солдаты, но и женщины, хотя, безъ сомнѣнія, онѣ въ составъ гарнизона не входили, но тѣмъ не менѣе, употреблялись на работы по приказанію комендантовъ, что подтверждается и официальными свѣдѣніями. Комендантъ Красногорской крѣпости премьеръ-майоръ Доллеровскій въ дошедшемъ до насъ приказѣ по крѣпости, отъ 8 іюня 1785 г., предписывалъ, чтобы послѣ пробитія утренней зари всѣ отставные солдаты, казаки, *солдатки* и *казачки* выходили съ желѣзными лопатами на копаніе крѣпостного рва ¹⁾. Отставные же солдаты не только наряжались на крѣпостныя работы, но обязаны были, наравнѣ съ гарнизономъ, защищать крѣпость и быть готовыми по первой тревогѣ занять свои мѣста. Такъ, приказомъ по Звѣриноголовской крѣпости комендантомъ было предписано всѣмъ отставнымъ воинскимъ чинамъ, подѣ строжайшей отвѣтственностью, имѣть оружіе ²⁾.

Около 12 часовъ опять по звуку барабана всѣ не только солдаты, но женщины и дѣти, шли обѣдать, такъ какъ весь гарнизонъ былъ въ большинствѣ крѣпостей расположенъ по квартирамъ и только незначительная часть его помѣщалась въ казармахъ; при томъ большая часть солдатъ были семейные и жили въ своихъ домахъ, гдѣ имъ и готовился обѣдъ, провизію на который они получали ежемѣсячно на всю семью изъ провіантскихъ магазиновъ: на взрослыхъ—пакъ, на дѣтей до 12 л.— $\frac{1}{2}$ пайка и ниже 5 лѣтъ— $\frac{1}{4}$ пайка положеннаго солдату. Такимъ образомъ вся семья жила на казенномъ содержаніи. Съ общей солдатской кухни получали обѣдъ только безсемейные и кантонисты, обѣдавшіе за общимъ столомъ подѣ надзоромъ своихъ преподавателей.

Въ общемъ обычный день въ крѣпости проходилъ скучно и однообразно,—все дѣлалось по командѣ и по барабану. Наиболѣе свободнымъ временемъ было время отъ 7 до 9 часовъ вечера. Въ 9 час. весь гарнизонъ выходилъ на зарю къ главной гауптвахтѣ, куда часто приходилъ и самъ комендантъ и собирались всѣ офицеры. Послѣ зари жизнь въ крѣпости окончательно замирала до утра.

„Днемъ-то еще было много спокойнѣе, покрайности все видно; ну, а вотъ ночью-то тяжеленько приходилось“, рассказывалъ мнѣ 100-лѣтній казакъ: „чуть бывало пробьютъ зорю на главной гауптвахтѣ, какъ въ крѣпости наступала мертвая тишина, развѣ какая собака гдѣ тявкнетъ разъ-

¹⁾ Ес. Севастьяновъ. Примѣчанія, п. 2.

²⁾ Приказъ по крѣп. 1812 г. № 24. (Архивъ Звѣр. ст. пр.).

два, да и та замолчить. Всѣ ворота, ведущія въ крѣпость, запирались до утра, т. е. спускались шлагбаумы, и до утренней зари никто не могъ попасть въ крѣпость, развѣ только курьеръ съ бумагами пропускалъ я, да и то вели его иѣшкомъ подъ охраною двухъ солдатъ на главную гауптвахту и тамъ сдавали его дежурному офицеру, который просматривалъ подорожную и велъ курьера прямо къ коменданту. Строгость была страшная; на всѣхъ притинахъ (постахъ) всю ночь ходили часовые; притиновъ же было много: у трехъ воротъ—на заставахъ, на главной гауптвахтѣ, у арсенала и складовъ, у порохового выхода (погребѣ), а по улицамъ всю ночь безпрестанно ходили патрули. Чуть, бывало, забудешься ночью, какъ съ главной раздастся протяжный крикъ: „слуш—а-й! ему отвѣтять такимъ же протяжнымъ крикомъ на Оренбургской заставѣ, потомъ у арсенала и провіантскихъ складовъ и такъ дальше и дальше передается крикъ, пока не отзовутся со всѣхъ притиновъ, а потомъ минутъ черезъ пять съ главной опять несется заунывное: „с-л-у-ш-а-й“, ему вторять со всѣхъ притиновъ и такъ перекликаются вплоть до самой утренней зари; каждый часовой даетъ о себѣ знать, что онъ не спитъ и у него на посту все благополучно.

„Выходъ обывателямъ изъ дома послѣ зари совершенно воспрещался, и только развѣ въ случаѣ крайней нужды можно было выйти къ доктору за лѣкарствомъ, если кто внезапно заболѣлъ, да за попомъ поисповѣдовать; но и это нужно было доказать, если попадешься патрулю. А какъ на него не наткнешься, если они ходили по каждой улицѣ и на каждомъ кварталѣ сидѣть еще ночной. Не успѣешь пройти и ста саженъ, какъ окликнуть раза два: „Кто идетъ, куда, по какому дѣлу?“ да подойдутъ, посмотреть, дѣйствительно ли тотъ, кѣмъ назвался, а на утро провѣрять, была ли нужда выходить изъ дома и правдивый ли далъ отвѣтъ. Сохрани Богъ, если подвыпившій солдатикъ или обыватель попадетъ на патруль! тутъ ужъ не спрашиваютъ: „куда и зачѣмъ?“ а прямо берутъ и ведутъ на главную обвахту; ну, а на утро—дѣло извѣстное: дадутъ 25—30 розогъ да еще запрутъ сутки на трои; такъ тутъ и недругу закажетъ выходить ночью. Бывало, надо перебѣжать къ сосѣду иногда и по дѣлу, а иногда просто поговорить; вѣдь зимой ночи длинныя, дѣлать нечего, а одному сидѣть скучно; ну, вотъ какъ вздумаешь сходить, выйдешь на дворъ, осмотришься кругомъ, какъ бы патруль не замѣтилъ да шмыгнешь, что есть силы. Но и тутъ—опять горе: сидѣть-то съ огнемъ долго не давали. Если патруль замѣтитъ огонекъ часовъ около 11, сейчасъ отворяютъ ставни и смотрять, что дѣлаютъ; а то заходятъ прямо въ комнату, безъ всякихъ разговоровъ, и чуть замѣтятъ что либо подозрительное, либо выпивку, ну—опять на обвахту, а тамъ—порка. Прости Господи! и выпивать-то приходилось безъ огня, ужъ о пѣсенкахъ и говорить нечего, —молча все дѣлали. Да, скучно было зимою жить въ крѣпости, а особенно въ долгія ночи да свѣжему, непривычному человѣку; мы-то ужъ привыкали, и то иногда тоска брала.

„Не каждая ночь проходила и спокойно. Иногда только разоспишься, какъ около полночи ударять въ пушку, зарокочуть барабаны тревогу, а тамъ съ церковной колокольни несется набатъ. Тутъ ужъ, какъ угорѣлые, все выскакиваютъ изъ домовъ, хоть и полуодѣтые, но въ полномъ вооруженіи; вѣдь не знаешь, что случилось: можетъ, шайка киргизъ прошла въ сторонѣ, а можетъ, они устроили набѣгъ на крѣпость. Кто ихъ знаетъ! Поэтому оружіе и ночью всегда лежало рядомъ. Какъ ударять тревогу, схватываешь его и бѣжишь или къ рогаткамъ и валу, или на площадь къ главной обвахтѣ. Дѣлалось все страшно быстро: черезъ полчаса послѣ выстрѣла весь гарнизонъ былъ ужъ подъ ружьемъ на своихъ мѣстахъ. А жутко было, какъ ударять тревогу въ темную осеннюю ночь, когда и въ 3-хъ шагахъ ничего не видно; а тутъ шумъ, гвалтъ, рокоцуть барабаны, гудить набатъ, а иногда и стрѣльба идетъ; а дальше по всей линіи то тамъ, то тутъ горятъ сигнальные огни на маякахъ, точно зловѣщія красно-багровыя зарева. А осенью-то набѣги, какъ нарочно, были почти каждую ночь; солдатамъ было все же лучше, а вотъ казакамъ приходилось тяжеленько: чуть тревога, они ужъ гонятъ на тотъ пикетъ, гдѣ впервые загорѣлъ сигнальный огонь. Бывало, цѣлый мѣсяцъ, а то и два продолжалась такая безпокойная жизнь, и лошади ни на минуту не разсѣдывались, такъ засѣдланными и кормились, а иногда и кормить-то, пожалуй, не приводилось: едва вернутся изъ погони, а тутъ—новый набѣгъ, опять тревога, и казаки снова бѣгутъ въ погоню“.

Дѣйствительно, тяжела и безпокойна была жизнь въ прилинейныхъ крѣпостяхъ. За рогатки или за крѣпостной валъ выйти по одиночкѣ, хотя бы на 100 сажень, никто не рѣшался, а особенно если былъ вблизи лѣсъ, кустарники, или овраги, въ которыхъ легко было наткнуться на хищника-киргиза, спрятавшагося въ укремномъ мѣстечкѣ и выжидающаго добычу. Не говоря уже о людяхъ, даже телята, коровы, если безъ надзора уходили къ неприятельской сторонѣ, тутъ же захватывались киргизами и пропадали. Что касается увоза людей, то у насъ это было рѣдкое явленіе; зато скотъ пропадалъ почти ежедневно. Съ лѣвой стороны Звѣриноголовской крѣпости и донинѣ живъ еще березовый лѣсъ, извѣстный подъ именемъ „Долгаго березника“, который по небольшому ложку тянется версты на 3, а дальше соединяется съ другими березниками, уходящими за Симовую линію. Въ настоящее время березникъ уже повыврубленъ; но лѣтъ 60 тому назадъ, говорятъ, онъ представлялъ непроходимый лѣсъ; да и вообще вся мѣстность въ киргизскую сторону была покрыта березовыми рощами, тянувшимися отдѣльными рощицами, но почти непрерывно. Вотъ эти рощи и были надежнымъ убѣжищемъ для воровскихъ шайкъ; здѣсь-то они и скрывались, и отсюда постоянно пропадалъ скотъ: захватывали его около крѣпости и по перелѣскамъ и угоняли въ степь за Симовую линію.

Изъ крѣпости выходили обыкновенно партіями подъ конвоемъ военной команды. Такъ, въ Долгомъ березникѣ каждое лѣто было очень много ягодъ; но собирать ихъ было опасно. Поэтому, какъ только поспѣвали

ягоды и наступало время собирать ихъ, комендантъ назначалъ день сбора. Отъ каждого дома шло по одной женщины, и все онѣ сходились на площади, а потомъ уже партією шли въ березникъ подъ конвоемъ полуроты солдатъ, съ заряженными ружьями, и десятковъ двухъ конныхъ вооруженныхъ казаковъ съ трубачемъ. Казачья команда еще съ утра осматривала весь березникъ, и теперь, когда женщины впускались въ него, солдаты окружали ихъ цѣпью, а казаки все время держали разѣзды впереди партіи ягодницъ. Такимъ образомъ цѣпь, вмѣстѣ съ толпою женщинъ, подвигалась впередъ до опредѣленнаго мѣста или часа. Затѣмъ трубачъ игралъ сборъ, и женщины въ томъ же порядкѣ отправлялись обратно въ крѣпость.

Кромѣ того, и все полевыя работы производились не иначе, какъ вооруженными партіями. Хлѣбопашествомъ первое время прилинейные жители почти совсѣмъ не занимались, такъ какъ отъ мала до велика состояли на казенномъ провіантѣ и каждое первое число получали изъ провіантскихъ магазиновъ муку, соль, перецъ, словомъ все необходимое, а мясо выдавалось, кажется, еженедѣльно. Провіантъ доставляли въ крѣпости крестьяне ближайшихъ селеній, а фуражъ для лошадей и коровъ (сѣно) заготовляли сами солдаты и кордонные казаки. Отставнымъ солдатамъ и разночинцамъ для прокормленія скота казеннаго сѣна не полагалось, и они сами должны были косить его. Травъ было много, луга были недѣленные: кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и косили. Соберутся партією человекъ 30—40, захватятъ, кромѣ косъ, ружья, птыки и шашки и отправляются на сѣнокосъ. Становые устраиваютъ общее, кругомъ стоятъ часовые, въ потайныхъ, скрытыхъ мѣстахъ заложены секреты. Вся партія раздѣляется на двѣ части: одна половина работаетъ, а другая съ заряженными ружьями раскинется вокругъ работающихъ цѣпью и стережетъ, да и косцы на работу выходили обыкновенно съ ружьями: составятъ ихъ въ козлы, поставятъ часового и работаютъ посмѣнно; а какъ только наступалъ вечеръ, все партією же возвращаются въ крѣпость. Отдѣлиться отъ партіи было слишкомъ опасно, и каждый смѣльчакъ рисковалъ своею головою или, въ лучшемъ случаѣ, получалъ арканъ на шею и увозился въ плѣнъ, такъ какъ во время покоса киргизы особенно упорно слѣдили за русскимъ населеніемъ, потому что русскимъ поневолѣ приходилось выходить изъ крѣпости на работы. Вотъ это и было самое удобное время выслѣживать неосторожныхъ и зазѣвавшихся; зимою же партіи выходили только развѣ за дровами въ лѣсъ, и то въ сопровожденіи военныхъ командъ.

Для рубки и доставки дровъ такъ же назначался опредѣленный день. Изъ отставныхъ солдатъ и разночинцевъ собиралась партія и въ сопровожденіи военной команды отправлялась въ лѣсъ. Пока партія рубила дрова, команда съ ружьями была раскинута цѣпью, а часть ея составляла резервъ, тоже готовый отразить неожиданное нападеніе. Работа кипѣла, воза быстро нагружались и когда послѣдній возъ былъ готовъ, отправлялись въ такомъ же порядкѣ обратно въ крѣпость.

Строгость во всемъ была большая: чтобъ выйти, напр., изъ крѣпости хотя бы и партією, необходимо было на заставѣ, у воротъ, предъявить

разрѣшеніе коменданта; а когда партія возвращалась, начальникъ заставы провѣрялъ при входѣ по списку, всѣ ли возвратились, не остался ли кто по безопасности или недосмотру партіонаго начальника. Кромѣ того на обязанности начальника заставы лежала вся отвѣтственность за выѣзжающихъ и пріѣзжающихъ въ крѣпость: помимо заставы нельзя было попасть въ крѣпость и выѣхать изъ нея, почему каждый пріѣзжающій долженъ былъ предъявлять тутъ же свои документы, а выѣзжающій пропускъ отъ коменданта, безъ чего ни на одной заставѣ не пропускали. Каждого пріѣзжаго прямо отъ заставы вели съ конвоемъ на главную гауптвахту, а оттуда, по предъявленіи документовъ, — къ коменданту. Подтвержденіе сего находимъ и въ официальныхъ документахъ. Такъ, въ приказѣ по Звѣриноголовской крѣпости 15 февраля 1812 г. предписано главному караулу доставлять къ коменданту всѣхъ пріѣзжающихъ и прямо отъ заставы ¹⁾.

По одиночкѣ въ крѣпость почти никто не пріѣзжалъ и не выѣзжалъ изъ нея, такъ какъ было слишкомъ опасно: поэтому всѣ и поджидали „оказіи“, т. е. случая, когда соберется нѣсколько подводъ, для сопровожденія которыхъ до сосѣдняго редута назначались военныя команды. Такимъ же путемъ провозился въ крѣпость и провіантъ: по крестьянскимъ селеніямъ обозъ сопровождали вооруженные крестьяне, а на послѣдней станціи встрѣчали уже военныя команды, высылаемые изъ крѣпости. Почта тоже ходила не иначе, какъ съ „оказіей“, въ сопровожденіи казаковъ, причемъ почталіонами были тоже казаки. Имъ то и доставалось больше всѣхъ, такъ какъ сопровожденіе пріѣзжающихъ, почтъ, эстафетъ и содержаніе разѣздовъ между крѣпостями и редутами лежало на ихъ отвѣтственности; гарнизонные же солдаты въ помощь казакамъ высылались только въ особо важныхъ случаяхъ. Кромѣ внутренней службы, казаки несли еще передовую — на форпостахъ: они же первыми гнались за партіями хищниковъ. Такимъ образомъ вся тяжесть борьбы съ кочевниками ложилась на казачьи плечи.

Слишкомъ скучна и однообразна была жизнь въ нашихъ крѣпостяхъ, заброшенныхъ въ глухую степь на далекую окраину, и только тревоги нѣсколько разнообразили ее, да киргизскіе набѣги нѣсколько встряхивали и заставляли оживать; но и тутъ главная работа выпадала на долю казаковъ, гарнизонъ же мирно стоялъ въ крѣпости, охраняя ее. Вѣроятно, вслѣдствіе этой глуши и монотонной жизни и отдаленности отъ центра Россіи, наши крѣпости были избраны правительствомъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Выше уже было упомянуто, что въ такихъ крупныхъ крѣпостяхъ, какъ Орская, Верхнеуральская, Троицкая и Звѣриноголовская, были устроены каторжныя тюрьмы, куда ссылались наиболѣе тяжкіе преступники. Надежная охрана гарнизона, военное населеніе и строгіе порядки крѣпости вполнѣ устранили всякую попытку къ побѣгу ссыльныхъ. Въ вѣдомости Звѣриноголовскаго коменданта, приведенной выше,

¹⁾ Комендантское дѣло за 1812 г. (въ архивѣ Звѣр. ст. правл.).

имѣются указанія, что въ крѣпости находился „острогъ, огороженный тыномъ; въ срединѣ казарма о двухъ покояхъ“. Какъ велика была казарма и сколько въ ней помѣщалось каторжанъ, свѣдѣній не показано, но, по свидѣтельству стариковъ, всѣхъ каторжанъ было около 500 чело-вѣкъ. „Выгонять ихъ, бывало, на работу,—всѣ въ холстинномъ бѣльѣ, страшные такіе: половина головы брита, а кандалы такъ и позваниваютъ. Всѣ были закованы по рукамъ и ногамъ, а иные прикованы къ тачкамъ; у другихъ руки расковывали только тогда, когда выходили на работу; а какъ работы кончались, тутъ же опять заковывали и гнали въ острогъ. Работы имъ было много: они сравнивали горы и возвышенія въ крѣпости, заваливали и бутили низкія мѣста, убирали нечистоты и ходили за огородами. Огороды были выше крѣпости на киргизской сторонѣ. На нихъ разводили много овощей и особенно простого табаку. Казенные огороды были огромные, такъ какъ они доставляли овощи на весь гарнизонъ и солдатскія семьи. Здѣсь работали каторжане; и только потомъ, когда стало поспокойнѣе и каторжное отдѣленіе было уничтожено, жители сами стали работать на огородахъ. Около огородовъ тоже стояли часовые и ходили казачьи разъѣзды; но арестантовъ водили особо подъ конвоемъ“.

Въ этихъ же крѣпостяхъ находились и баталіонные суды; тутъ же происходили и экзекуціи. Въ каторжномъ отдѣленіи были свои палачи изъ вольныхъ, по жалованью. Наказывали преступниковъ на площади публично. „Ходить палачъ въ красной рубахѣ да широкихъ плисовыхъ шароварахъ, помахиваетъ своимъ кнутищемъ; а кнутъ-то аршина 4 длиною съ тонкимъ твердымъ ременнымъ концомъ; рукоятка, какъ сейчасъ помню“,—разсказывалъ казакъ: „толстая, коротенькая. А какъ привяжутъ преступника къ кобылѣ, палачъ подойдетъ, сорветъ съ него рубашку, отойдетъ шага на 3, размахнется и начнетъ сыпать ударъ за ударомъ, а кровь изъ спины такъ ручьемъ и брызжетъ, кожа виситъ клочьями. Страшно и вспомнить, какъ истязали! А вотъ солдатиковъ, казаковъ да служащихъ башкиръ, такъ тѣхъ гоняли сквозь строй: иныхъ черезъ батальонъ одинъ разъ, другихъ два и три раза. Экзекуціи всегда происходили утромъ на свѣту, —лѣтомъ часа въ 2—3. Проснешься, бывало, слышишь, барабанъ заркочетъ, да какъ-то уныло; ну, думаешь, опять кого-то сквозь строй гонять. Страшно было смотрѣть на бѣдныхъ преступниковъ. Встанутъ солдаты въ 2 ряда лицомъ другъ къ другу, у каждаго палка въ рукахъ аршина 1½, а около фронта еще цѣлый возъ такихъ лежитъ. Выберутъ 2-хъ здоровыхъ солдатъ, привяжутъ они преступника къ ружьямъ и ведутъ между солдатами по фронту; каждый солдатъ бьетъ своей палкой—одинъ разъ съ правой, другой — съ лѣвой стороны, пока не проведутъ до конца шеренги; каждый солдатъ долженъ ударить разъ и тутъ же бросить палку. Иные бьютъ тихонько, жалѣючи: размахнется во всю руку, а ударить слегка; но и тутъ—опять бѣда: позади идетъ плацъ-майоръ, а то и самъ комендантъ и слѣдитъ за ударами. Плохо придется тому, кого замѣтятъ, что бьетъ тихо. Тутъ же послѣ экзекуціи, самого на об-

вахту и дадутъ 50 ударовъ розгами. Но большинство било, не жалѣя. Кричитъ сначала приговоренный, бьется, а руки-то связаны, да и держутъ крѣпко, а подъ конецъ ужъ и кричать перестанетъ, такъ его почти волокомъ на ружьяхъ и тащатъ до конца строя. Чуть замѣтятъ, что обезпамятоваль, сейчасъ докторъ прыснетъ въ лицо холодной водой, дастъ понюхать спирту, очнется и опять повели. Сильные еще выносили; ну, а слабые рѣдко, — особенно, если гнали раза 2—3 черезъ 500 человекъ, т. е. приговаривали къ 1500 ударамъ. Тутъ до конца-то кой-какъ дотащатъ, а тамъ минуты черезъ 3—4 и Богу душу отдастъ. Положатъ на носилки и унесутъ въ госпиталь, а то и прямо въ мертвецкую. Какъ только солдаты уходятъ, являются бабы собирать кровавыя палки на дрова; иная наберетъ цѣлое беремя (охапку) и тащить домой“.

Такія экзекуціи были довольно часто, что видно изъ сохранившихся дѣлъ „военно-судной комиссіи при Звѣриноголовскомъ баталіонѣ“¹⁾. Крѣпость, какъ военное поселеніе, была подчинена военнымъ законамъ, по положенію военного времени, почему и наказанія были очень строги. Комиссія военного суда при баталіонѣ засѣдала почти ежемѣсячно и выносила приговоръ, который посылался на конфирмацію военному губернатору. Привожу нѣсколько выписокъ изъ судебныхъ дѣлъ за 1824 годъ²⁾. 1) По рѣшенію комиссіи военного суда башкиръ 5 башкирскаго кантона Айзинъ за два побѣга изъ военной службы (съ лѣтней линейной) и воровство двухъ лошадей приговоренъ къ 500 ударовъ шпидрutenами и отдать въ пѣхотную дивизію въ г. Пензу. Къ дѣлу приложенъ экзекуторіальный листъ за подписями коменданта, плацъ-майора и др. о прогонѣ сквозь строй 500 человекъ два раза. Очевидно, мѣра наказанія была увеличена при конфирмаціи. 2) Рядовой Густолѣсовъ за побѣгъ со службы наказанъ кнутомъ. 3) Башкиру Живбаеву за 5 побѣговъ со службы, воровство лошадей, пристанодержательство постановлено отрѣзать уши, носъ и повѣсить. 4) Упустившихъ его изъ подъ караула есаула Мразбаева и 4 башкиръ постановлено прогнать сквозь строй 1000 человекъ по два раза; но, по распоряженію губернатора, это наказаніе замѣнено слѣдующимъ: Мразбаева — прогнать сквозь строй 500 человекъ три раза и отдать въ солдаты, а башкиръ наказать 50 палками³⁾.

Отдаленность и оторванность нашихъ пограничныхъ крѣпостей отъ центральной Россіи дала правительству мысль использовать ихъ, какъ мѣсто ссылки для политическихъ преступниковъ и главнымъ образомъ для польскихъ повстанцевъ 1831 и 1863 годовъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ крѣпость Орскую, въ стоящій въ ней гарнизонный баталіонъ, былъ высланъ знаменитый украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, который зачисленъ рядовымъ. Какъ извѣстно, Шевченко былъ арестованъ по дѣлу Кіевского „Кирилло-Меодіевскаго Товарищества“ украинофиловъ 5 апрѣля 1847 года, вмѣстѣ съ Кули-

¹⁾ Архивъ Звѣриноголов. станич. правл. (Комендантскія дѣла за разные годы).

²⁾ Архивъ Звѣр. ст. правл., д. 1824 г.

³⁾ Распор. Губерн. 14 мая № 1399. (Арх. Звѣр. ст. пр.).

помъ, Костомаровымъ и др. Осужденъ онъ въ Петербургъ и сосланъ рядовымъ въ гарнизонный баталіонъ Орской крѣпости, при чемъ ему было рѣшительно воспрещено писать и рисовать. Въ то время Шевченку было 33 года. Суровая однообразная степь, послѣ цвѣтущей Украйны, тоска крѣпостной жизни произвели на чуткаго поэта тяжелое впечатлѣніе: онъ только и жилъ мечтами о родной, прекрасной Малороссіи. Всѣ стихотворенія, написанныя имъ въ Орской крѣпости, дышать тяжелой тоской и грустью по родинѣ. Очевидно, нелегко жилось невольному солдату въ глухой крѣпости. Здѣсь Шевченко пробылъ около года, а затѣмъ увезенъ въ укрѣпленіе Араль-Кось, вблизи Аральскаго моря.

Особенно много въ нашъ край было прислано плѣнныхъ польскихъ повстанцевъ сначала въ 1831 году, а потомъ въ 1863 году. Первые, согласно Высочайшему повелѣнію, были сосланы въ гарнизонные баталіоны солдатами, а вторые, т. е. повстанцы 1863 г., зачислены уже прямо въ казаки. Дурная память сохранилась у казаковъ о повстанцахъ 1831 г., присланныхъ въ гарнизонные баталіоны. Съ перваго дня прибытія поляковъ между ними и казаками началась страшная вражда. Дѣло въ томъ, что при усмиреніи польскаго мятежа главная работа выпала на долю казачьихъ полковъ; польскіе отряды таяли подъ грозными ударами казаковъ, преслѣдовавшихъ поляковъ день и ночь. Поэтому, появившись въ гарнизонныхъ баталіонахъ, среди казаковъ, поляки вспомнили свои пораженія и старались, чѣмъ только возможно, отомстить казакамъ. Загорѣлась страшная вражда. Пользуясь расположеніемъ солдатскаго начальства, поляки употребляли всевозможныя козни, чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадить казакамъ; кличка „пся кровь“ и „быдло“ было обычное имя казаковъ; но и они въ свою очередь не оставались въ долгу, такъ какъ не въ характеръ казаковъ прощать обиды; доставалось и полякамъ. Вся бѣда была въ томъ, что поляки служили наушниками и доносчиками, тѣмъ болѣе, что въ гарнизоны прислано было очень много польскихъ офицеровъ; ну, а „свой своему—поневоля брать“. Кромѣ того, поляки, будучи въ большинствѣ хорошо грамотными, заняли почти всѣ писарскія и капральскія должности. А капраль и писарь въ то время были почти всемогущими, такъ какъ служили правою рукою комендантовъ. Вотъ что рассказываютъ про капраловъ. „Въ прежнее время, когда были капральные, они зазнавались до того, что приказывали подвѣшивать подъ навѣсы сани и ложились въ нихъ спать, а бабы должны были ихъ качать. Разъ Архипъ Дмитріевичъ (Лябзінъ) пріѣзжаетъ изъ Оренбурга ночью домой, стучить, а жена ему и говоритъ: „тише, не стучи: у насъ капральный ночуетъ“. — „Гдѣ? укажи!“ Марья Алексѣевна повела его и указала. Архипъ обрѣзалъ веревки и капральный упалъ съ саней. Въ эту ночь въ Хабаровой ночевалъ комендантъ Таналицкой крѣпости подполковникъ Михеевъ. Капральный утромъ при докладѣ сказалъ ему, что Архипъ сдѣлалъ съ нимъ. Михеевъ отпоролъ капральнаго, а Архипу сказалъ: „Ты бы мыль, мыль его, да и за мыло взыскалъ. На что я, Михеевъ, и то въ зыбкѣ не качаюсь“. Коменданты, а глядя на нихъ, и капральные позволяли себѣ

невѣроятныя вещи: въ саняхъ капралы ѣздили лѣтомъ въ гости, чтобъ ихъ не растрясло; въ саняхъ, какъ въ люлькѣ, ихъ укладывали бабы спать и качали“¹⁾. Такъ вотъ эти самые капральные изъ поляковъ, особенно досаждали казакамъ, мстя за неудавшуюся попытку освободиться отъ Россіи.

Что касается поляковъ, высланныхъ въ 1863 г., то они были зачислены прямо въ казаки; они уже не играли той роли, какую пришлось сыграть ихъ предшественникамъ. Объ этихъ полякахъ среди казаковъ и до сихъ поръ живетъ очень много траги-комическихъ разсказовъ. Вообще отношеніе къ нимъ казаковъ было исключительно ироническое; прежней злобы не осталось и слѣда. Я помню нѣсколькихъ стариковъ-повстанцевъ, которые, женившись на казачкахъ, приняли чисто русскій обликъ и казачіе порядки, такъ что въ дѣтяхъ ихъ уже не осталось ничего польскаго. Около насъ жилъ старикъ Беньковский, присланный къ намъ въ станицу въ 1863 году двадцатилѣтнимъ юношей. Горячій былъ старикъ и очень сердитый; раздражался по пустякамъ и готовъ былъ лѣзть въ драку. Любили мы его сердить. Бывало, распалился у нихъ на дворѣ или въ комнатѣ, старикъ закричитъ на насъ, а мы ему въ отвѣтъ: „не кричи, дѣдушка, вѣдь ты самъ Варшаву проспалъ!“ Ну вотъ, тутъ и разойдется старикъ: „ахъ вы, то право, было; але пшія кревы!“ бросится на насъ съ палкой, а мы—давай Богъ ноги. Казаки отлично знали слабую струнку поляковъ, ихъ излишнюю горячность, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ посмѣяться надъ ними и довести ихъ, что называется, „до бѣлаго каленія“; вышучивали ихъ на каждомъ шагу. Сначала заговариваютъ серьезно; разговорится полякъ, оживится, а потомъ сразу и скажутъ что нибудь непріятное ему, обозлятъ и начнутъ вышучивать. Вообще отношеніе къ полякамъ было слишкомъ ироническое; я, напр., не могу даже представить себѣ, чтобы казакъ говорилъ съ повстанцемъ безъ насмѣшливой улыбки, и въ концѣ концовъ всякій разговоръ сводился имъ къ одному: чѣмъ нибудь разсердить поляка. Казаки не любили ихъ за заносчивость и важничанье; можетъ быть, въ этомъ и заключается разгадка постоянного вышучиванія „важныхъ пановъ“. Про Беньковского, напр., и до сихъ поръ сохранился забавный анекдотъ. Разъ онъ съ работникомъ Кузьмою поѣхалъ въ лѣсъ за сосновыми бревнами. Начали рубить. Сначала все шло благополучно. Вдругъ старикъ какъ-то не рассчиталъ, куда падетъ сосна и зашелъ какъ разъ съ той стороны. Ударилъ топоромъ, сосна повалилась и его придавила. Бился-бился полякъ, никакъ вылѣзти изъ-подъ нея не можетъ; почувствовалъ, конецъ ему приходитъ и началъ прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. „Прощай бѣлый свѣтъ, на кѣтромъ я жилъ; прѣщи мене моя жинка, прѣщи діточки; прѣщай моя крѣва, кѣтра безрога; прѣщай моя славная буланка; прѣщай моя легкой лекчанка“²⁾. Перебралъ всѣхъ; да видно, бревно ужъ очень его надавило; онъ только тогда догадался, что здѣсь работникъ и закри-

¹⁾ Изъ разсказа казака Лябзина, записаннаго Бухаринымъ въ 1890 г.

²⁾ Телѣга, родъ зкипажнаго ходка.

чалъ: „Кузьма, Кузьма, руби брёвно хопъ плѣна (полѣна) на два!“, а того и не подумалъ, какъ же работникъ будетъ на немъ дерево рубить“. Этимъ анекдотомъ часто сердили Беньковского.

V. Военно-сиротскія отдѣленія.

Выше мною уже было сказано, что во всѣхъ значительныхъ крѣпостяхъ, какъ, напр., въ Верхнеуральской, Орской, Оренбургѣ, Кизильской, Троицкой и Звѣриноголовской, находились военно-сиротскія отдѣленія или, говоря яснѣе, школы для солдатскихъ дѣтей. Онѣ были открыты по Высочайшему повелѣнію 25 сентября 1797 года подъ именемъ гарнизонныхъ школъ для образованія дѣтей служащихъ и отставныхъ солдатъ, каждая на 50 человекъ и только въ Верхнеуральской кр. на 100. Въ этихъ школахъ обучались дѣти солдатъ, жившихъ въ данной крѣпости. Впослѣдствіи, въ началѣ XIX столѣтія, всѣ эти школы были реформированы, кажется, чуть-ли не по мысли Аракчеева. Для болѣе лучшаго состава арміи рѣшено было образовать новый типъ училищъ, подчиненныхъ военному вѣдомству, въ которыхъ, кромѣ учебныхъ предметовъ, проходилъ бы военный строй и артикулы, такъ чтобы съ дѣтства мальчики получали военную подготовку. Слѣдствіемъ этого и было открытіе военно-сиротскихъ отдѣленій. Почему онѣ были такъ названы, не знаю; но достовѣрно извѣстно, что въ нихъ обучались не сироты, а преимущественно дѣти служащихъ солдатъ. Вся организація этихъ училищъ носила чисто военный характеръ: вся внутренняя жизнь училищъ и служащіе въ нихъ были подчинены коменданту, который являлся ближайшимъ начальникомъ сиротскаго отдѣленія. Непосредственнымъ же начальникомъ его былъ смотритель, назначаемый изъ военныхъ офицеровъ. Что касается преподавательскаго персонала, то онъ набирался преимущественно изъ военныхъ офицеровъ, строевыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Изъ вѣдомости за 1820 годъ Звѣриноголовскаго коменданта видно, что число учителей въ Звѣриноголовскомъ отдѣленіи, кромѣ смотрителя майора, было слѣдующее:

Оберъ офицеровъ	2
Унтеръ-офицеровъ	6
Рядовыхъ	3
Ихъ помощниковъ	19

Всего . . . 30

Непосредственное завѣдываніе учениками-кантонистами было поручено особымъ блюстителямъ, соотвѣтствующимъ нынѣшнимъ дядькамъ кадетскихъ корпусовъ или воспитателямъ, которыхъ по той же вѣдомости значится:

Унтеръ-офицеровъ	6
Рядовыхъ	11

Всего . . . 17

Что касается числа воспитанниковъ, то оно было доведено до 500 человекъ по штатамъ, но въ дѣйствительности было меньше. Такъ, въ томъ же 1820 году по вѣдомости значится 479 человекъ, въ 1816 г. 405, а въ вѣдомости за 1812 г. 503 человекъ; въ общемъ за всѣ годы среднимъ числомъ 450—460 человекъ.

Военно-сиротское отдѣленіе представляло изъ себя вполне скомплектованный баталіонъ. Всѣ воспитанники были раздѣлены на 4 роты, при чемъ 2 старшія роты составляли старшій возрастъ, а остальные—младшій, хотя невысокіе ростомъ иногда такъ и не выходили изъ младшаго возраста. Мой дѣдъ былъ кантонистомъ, пробылъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи 7 лѣтъ и много рассказывалъ о внутренней жизни и ученьи, но, къ сожалѣнію, я не записывалъ этихъ рассказовъ. Постараюсь, насколько сохранила память, изложить кое-какія свѣдѣнія изъ жизни этихъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ нашей Звѣриноголовской крѣпости, набирались солдатскія дѣти, жившія какъ въ самой крѣпости, такъ и изъ деревень почти всего Челябинскаго уѣзда, достигшія 10 лѣтняго возраста. Занятія начинались обязательно съ 16-го августа и продолжались до 5 мая ежегодно ¹⁾. Всѣмъ солдатскимъ дѣтямъ въ комендантскомъ управленіи велись списки, которые каждый годъ представляли волостныя правленія и нашъ крѣпостной „староста отставныхъ солдатъ“. Кому въ данномъ году исполнялось 10 лѣтъ, того требовали въ крѣпость. Для сбора кантонистовъ отправлялись обыкновенно солдаты по волостямъ, куда въ волостныя правленія свозили всѣхъ вновь зачисленныхъ, и откуда, уже подъ командой солдатъ, мальчиковъ везли въ крѣпость. Сколько было слезъ и горя у матерей! Мальчиковъ собирали съ плачемъ и отправляли какъ на смерть, потому что смотрѣли на нихъ, уже какъ на живыхъ покойниковъ. Каждая мать на вѣки прощалась съ сыномъ и не чаяла его больше никогда увидѣть. Каково-же было ея удивленіе и радость, когда сынъ являлся домой на первые же каникулы живымъ, здоровымъ, веселымъ и непохожимъ на прежняго неуклюжаго деревенскаго мальчугана! Многіе не отдавали своихъ дѣтей въ школы и прятали ихъ, а потому приходилось брать силой, для каковой цѣли и назначались солдаты.

Всѣхъ новичковъ распредѣляли по ротамъ и взводамъ, приставляли къ нимъ дядекъ изъ воспитателей и старшихъ воспитанниковъ и обучали военнымъ приемамъ. Къ этому времени собирались всѣ старые воспитанники, между которыми было не мало и 20-лѣтнихъ бородачей. Для всѣхъ была установлена солдатская форма одежды: зимою — черные мундирчики въ видѣ фрака съ мѣдными пуговицами въ одинъ рядъ, черные брюки на выпускъ, съ красными выпушками, какъ у нынѣшнихъ военныхъ писарей, въ видѣ лампаса (канты); на мундирчикахъ и шинеляхъ коричневые погончики; шинели были сѣраго сукна на подобіе солдатскихъ

¹⁾ Приказъ по Оренб. корпусу 1816 г. № 65.

и солдатскіе же кивера, — словомъ, одѣты были, какъ солдаты. Всѣ воспитанники получали пищу и одежду отъ казны, но жили по частнымъ квартирамъ, такъ какъ помѣщеній въ крѣпости было недостаточно. На обѣдъ и ужинъ собирались по барабану въ общую столовую, находившуюся около классовъ, и кормились всѣ изъ общаго солдатскаго котла. Занятія начинались съ 8—9 часовъ утра, тотчасъ послѣ завтрака, и продолжались до 12 часовъ, когда шли на обѣдъ; послѣ обѣда давался отдыхъ на 2—3 часа, а затѣмъ снова занятія. Утромъ до обѣда были классныя занятія, а послѣ обѣда обучали военнымъ артикуламъ и приемамъ. Классныя занятія происходили въ особыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ стояли длинныя парты, аршина 4—5, на которыхъ сидѣли по 6—8 человѣкъ. Занятія были также раздѣлены на часы и по окончаніи каждаго часа давался небольшой отдыхъ. Въ школѣ обучали чтенію, письму и ариѳметикѣ, хотя главное вниманіе было направлено на выработку красиваго четкаго почерка. Обученіе было не такимъ, какъ нынѣ; а сначала проходили азбуку—(азъ, буки), потомъ учили слоги, а затѣмъ уже мало по-малу, начинали обучать чтенію гражданской и церковной печати. Бились долго; трудно было осилить эту учебу, а все-таки года въ 2—3 научались кое-какъ читать. Читали не такъ, какъ теперь, а кричали разомъ. У каждаго ученика была деревянная указка, которой онъ водилъ по азамъ и читалъ вслухъ. Читать задавали строчки 2—3. Прочитаетъ сначала учитель, а потомъ и мы начинаемъ долбить это же самое до тѣхъ поръ, пока не запомнимъ всѣ три строчки и не отбарабанимъ ихъ безъ запинки. Пока мы учили, учитель вызывалъ къ столу по одному человѣку и прослушивалъ. Хорошимъ чтеніемъ считался тотъ, кто безъ остановки и запинки быстро, хотя бы и безъ всякаго пониманія, прочитаетъ заданное. Только въ старшемъ классѣ заставляли рассказывать прочитанное, и то прежде статью задавали на домъ. Выучимъ бывало наизусть и отбарабанимъ. Подборъ учениковъ въ классахъ былъ не одинаковъ: сидѣли въ одномъ классѣ года по 3—4, а иной вплоть до отправки на службу дальше перваго класса не шель: все сидѣлъ на букварѣ да на первой книжкѣ и никакъ не могъ осилить эту премудрость. Задачи рѣшали на грифельныхъ доскахъ и дальше четырехъ дѣйствій не шли. Кто прошелъ дѣленіе, тотъ считалъ, что ариѳметика имъ окончена. Впрочемъ, нѣкоторымъ лучшимъ ученикамъ, готовящимся въ военные писаря, сообщались простыя дроби. Вообще на занятія ариѳметикой не обращалось особаго вниманія: иной такъ и уходилъ на службу, зная почти одно только сложеніе. Зато на чистописаніе обращалось весьма строгое вниманіе: почти каждый день въ теченіе 6—7 лѣтъ ученики писали съ прописей. Какъ только поступали въ школу, начиналось обученіе письму; но въ первый годъ не давали ни доски, ни бумаги, а писали на пескѣ. У каждаго ученика былъ ящичекъ величиною съ поллиста писчей бумаги, съ очень низенькими, около $\frac{1}{2}$ вершка, стѣнками. Этотъ ящичекъ наполнялся чистымъ пескомъ, по которому писали пальцемъ. Напишешь какую либо букву, посмотреть учитель, поправить, у

кого не ладно; потомъ ладонью сравняешь песокъ и опять начнешь писать ее же. На песокъ писали до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ всю азбуку и слоги, а иногда и отдѣльные слова, такъ что въ теченіе всего перваго года не давали ни бумаги, ни доски. Только на слѣдующій годъ тѣхъ, кто оказывалъ лучшіе успѣхи, садили сначала за аспидную доску и опять заставляли писать буквы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ азбукѣ; затѣмъ, писались слоги, и только на 3-й, или на 4-й годъ, допускали къ бумагѣ. Бумага была синяя и грубая, какъ береста; стальныхъ перьевъ не было; писали же гусиными. Около каждаго ученика лежала связка гусиныхъ перьевъ и перочинный ножичекъ; чуть перо испортилось, сейчасъ очиняешь новое. Охъ, и горе же было гусямъ: почти всѣ ходили безъ хвостовъ и съ обтрепанными крыльями! Бывало, не пропустимъ ни одного гуся, чтобы не поймать его и не натереть изъ него перьевъ; а въ насъ было 500 человекъ, и каждый старался запасть хорошими перьями. Въ крѣпости тереть гусей намъ не давали; за это строго преслѣдовали и пороли; поэтому мы заберемся, бывало, куда нибудь на окраину къ огородамъ и тамъ работаемъ около гусей. Для письма шли толстыя перья изъ хвоста и крыльевъ. Писаря выходили изъ насъ отличные; писали нѣкоторые такъ, что трудно было отличить отъ литографскаго письма. Да оно и не мудрено: въ годъ 4 или 5 занимались почти однимъ чистописаніемъ.

Учителями были офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые изъ тѣхъ же кантонистовъ, только хорошо грамотные. Здѣсь же они получали и чины. Каждый учитель служилъ рядовымъ лѣтъ 5, затѣмъ производился въ унтеръ-офицеры, а черезъ нѣсколько лѣтъ получалъ офицерскіе чины. Эти же учителя, вмѣстѣ съ воспитателями, обучали военному строю и артикуламъ. Занятія происходили послѣ обѣда. По барабану всѣ ученики собирались въ училище. Всѣ кантонисты въ военномъ отношеніи составляли баталіонъ; поэтому и ученіе было одиночное, ротное и баталіонное. Главное вниманіе обращалось на выправку и шагистику. Доставалось тутъ намъ сильно, — особенно когда начнутъ обучать „учебному шагу“. Тяжелъ былъ этотъ шагъ: командовали рѣдко, а ногу надо было вытягивать почти подъ прямымъ угломъ и всѣ въ разъ, какъ по линейкѣ, а самъ на одной ногѣ долженъ стоять, какъ свѣча, и не шевелиться. Скомандуютъ: „лѣвой“, вытянешь ногу и ждешь, когда скажутъ: „два“; нога совсѣмъ одеревенѣетъ, какъ свинцомъ нальется и потянетъ ее внизъ: чуть пошатнешься, сейчасъ же достанется. А привыкали, ходили такими молодцами, что на рѣдкость, хоть и трудно приходилось. Особенно тяжело было лѣтомъ: мундирчики стянуты такъ, что трудно дышать; сапоги давятъ ноги, такъ какъ спиты, какъ разъ „вокругъ ножки“; а тутъ еще — пески страшные, по которымъ гоняли насъ бѣгомъ. Пыль страшная, жара; бывало, сразу человекъ 5 упадетъ, а отъ пыли сдѣлаемся грязными. На нашу бѣду лѣтомъ, вмѣсто черныхъ брюкъ, выдавали бѣлые холстинные, носили ихъ съ весны до осени. Мыть не приходилось, а съ насъ строго требовали, чтобы брюки были бѣлыми. Поэтому мы дѣлали

съ ними слѣдующее: какъ придешь, бывало, съ ученья, разведешь бѣлой глины въ водѣ жиденько и обмакнешь въ ней брюки раза 2, а потомъ повѣсишь сушить; на утро встанешь, брюки засохнутъ и станутъ, какъ деревянный колъ, едва натянешь, шуршатъ страшно, но зато бѣлы и грязныхъ пятенъ не видно. Такъ же бѣлили свои брюки и солдаты, да и отъ начальства такой приказъ былъ; ну, и ходили всѣ какъ въ накрахмаленныхъ, — за версту слышно, что солдаты идутъ. Такъ вотъ и учились.

Строгости были большія: сѣкли за каждую шалость. Чуть что не такъ сдѣлаешь: не выучишь урока, неправильно напишешь, замажешь тетрадь, или не такъ что сдѣлаешь во фронтѣ, сейчасъ запишутъ въ штрафной журналъ, а каждую субботу была расправа. Въ теченіе недѣли вообще наказывали только за особо важные проступки, а обыкновенно всѣхъ подгоняли къ субботѣ. Вотъ тутъ ужъ расправа была, какъ слѣдуетъ! Всѣхъ, провинившихся за недѣлю, вызываютъ, каждому назначаютъ число розогъ за каждый проступокъ отдѣльно, а потомъ общей суммой и отсчитываютъ удары: иному бѣдняку приходилось иногда получать до 100 ударовъ, накопившихся за недѣлю. Соберутъ насъ, молодцовъ, выстроятъ по списку и справа начинаютъ пороть, при чемъ запрещали кричать. Каждого клали на скамейку, — притянутъ ремнями ноги и голову, такъ что пошевелиться не можешь, и сѣкутъ. Сѣкли солдаты-сторожа, а на экзекуціяхъ обязательно присутствовалъ самъ смотритель и воспитатели. Иной воспитанникъ, особенно изъ лѣнивыхъ или бойкихъ, такъ, пожалуй, каждую субботу получалъ свою порцію розогъ. На порку мы смотрѣли, какъ уже на привычное занятіе и неизбежную принадлежность ученья, безъ чего оно и быть не можетъ. Такъ проходили дни за днями, и незамѣтно пролетало 7—8 лѣтъ школьной жизни. Только отрады и отдыху было, когда ѣздили на каникулы по домамъ.

По окончаніи ученія всѣхъ кантонистовъ разсылали по армейскимъ полкамъ и военнымъ учрежденіямъ; тѣхъ, которые оказывали особые успѣхи въ чистописаніи, назначали писарями; другихъ хорошихъ учениковъ — въ полковыя фельдшерскія школы, а иныхъ въ армейскіе полки унтеръ-офицерами; рядовыми же — самыхъ неспособныхъ. Изъ кантонистовъ вышло много дѣльных офицеровъ и чиновниковъ. Несмотря на тяжелую учебу, все же значительная часть учащихся прѣбывала себѣ дорогу за долгу солдатскую службу.

Военно-сиротскія отдѣленія существовали около 50 лѣтъ и только въ началѣ 50 годовъ прошлаго столѣтія были уничтожены.

А. Кривошековъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

37
3-37

3-й г. изд.

№ 3-й.

328

ВѢСТНИКЪ

ОРЕНБУРГСКАГО

УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1944 г.

1914 годъ.

1008 г.
ОУЧЕБНЫЙ
№

К.К.

УФД.

Электр. типо-лит. Т-ва Э. Г. Соловьевъ и К^о.
1914.

III. Научный отдѣлъ.

На Оренбургской пограничной линіи.

Очерки прошлаго.

(Продолженіе).

VI. Борьба на линіи. Набѣги.

Борьба русскихъ съ киргизами была весьма тяжела на всей Оренбургской пограничной линіи; но главные удары киргизы были направлены на крѣпости, расположенныя по Уралу; на нихъ же падаетъ и большій процентъ плѣнныхъ, захваченныхъ киргизами. Что же касается угона скота, грабежей и насилія, чинимаго киргизами, то въ этомъ отношеніи было одно и то же по всемъ крѣпостямъ.

Здѣсь въ видѣ характеристики считаю не лишнимъ привести выдержки изъ разсказа казака Ефима Семенова Смирнова, записаннаго въ 1890 г. войсковымъ старшиною Бухаринымъ въ станицѣ Татищевой—(на западномъ концѣ Оренбургской линіи), заселенной преимущественно казаками. „Домъ вотъ тогда не такъ строились, какъ теперь: домъ ставился во дворъ, а на улицу выходило окно, много два, чтобы можно было взглянуть, что дѣлается, и выстрѣлить, если ворвутся киргизы. Фундаментовъ не было, а подъ избой и сѣнями дѣлалась глухая землянка. Ходъ въ нее шель изъ голбца (подпечья) или изъ-за кути (часть кухни предъ отверстіемъ печи). Тревоги тогда, почитай, были ежедневными. Ну, вотъ, нашего брата, ребятишекъ, и запрячуть туда. Тамъ люльки висѣли, а для свѣту лучину жгли. Это мнѣ шибко памятно. Горенки были далеко не у всѣхъ, а вмѣсто горенки были клѣти съ маленькимъ оконцемъ наверху. На дворѣ амбаръ и погребница,—вотъ и все домоустройство. На ночь бабы съ ребятишками отправлялись въ подземелье, въ землянки значить, а казаки и подростки спали наверху въ погребницѣ или на дворѣ. Тогда ужъ непременно одинъ конь былъ осѣдланъ, а въ торокахъ пятидневный запасъ провіанта: сухари или толокно, сушеная рыба или вяленая баранина, ну—и овсеца запасъ. Помню, какъ насъ въ подземельѣ унимали да страпали бабушки или матери. Какъ зауросить (закапризничаетъ) какой, начнетъ орать и блажить, мать ему и начнетъ напѣвать:

„Ты уймись, уймись родной,—
Идетъ киргизъ войной!
Батырь ¹⁾ киргизъ идетъ,
Калтой-сумой трясеть,
Псякъ-ножикъ точить,
Ребятъ рѣзать хочеть.

„А въ дальнемъ углу кто нибудь подъ шубу спрячется и толстымъ голосомъ пробунчитъ: „бу, бу, бу, — талала балала!“ Насъ такъ ровно варомъ обварить: пришипимся, притихнемъ,—ни гу-гу! глазомъ взглянуть боишься, такъ въ мать или въ бабушку вопьешься и зазнешь.

„Жизнь тогда на линіи была трудная, безпокойная и опасная, дня не проходило безъ приключеній: не на волокѣ, такъ—въ крѣпости, не въ крѣпости, такъ—на бродахъ и переправахъ. а ужъ гдѣ нибудь ошибка да смута произойдетъ.

„Орда (киргизы) тогда была сильная да заносчивая: партіи ихъ бѣгали человекъ по 600—1000, а то и болѣе. Бывало и такъ, что комендантъ опасается имъ навстрѣчу выйти изъ крѣпости, а они-то на нашемъ виду русскихъ въ плѣнъ провозятъ да переправляютъ за Уралъ. Тогда вѣдь такъ заведено было, что какъ большая партія хищниковъ покажется, ударять тревогу въ барабанъ и выпалать изъ пушки. Тутъ ужъ не зѣвай: кто бы гдѣ ни былъ,—всѣ бѣги на валъ. Мало того, что всѣ мужчины, бабы и дѣвки должны были надѣвать мужскія шапки или малахай, брать запасныя пики и также бѣжать на валъ. Тогда и бабы служили да еще и какъ служили: и въ поиски съ казачьими партіями бѣгали, и за мужей караулъ держали, а ночной караулъ по улицамъ, весь на ихъ обязанности былъ. Много ихъ головушекъ полегло на поляхъ, а еще больше въ полонъ увезено“.

Дѣйствительно, женщины во всѣхъ крѣпостяхъ несли службу наравнѣ съ мужчинами. Не касаясь старыхъ казацкихъ крѣпостей, необходимо замѣтить, что и въ крѣпостяхъ съ солдатскимъ населеніемъ лежала на нихъ тяжелая обязанность по охранѣ. Солдаты жили въ крѣпостяхъ семьями, имѣли свои дома; но, неся караулы по заставамъ и притинамъ, они не могли въ одно и то же время нести обязанности ночныхъ сторожей въ крѣпостяхъ. Эта обязанность лежала исключительно на женщинахъ. Не мало разсказовъ ходитъ о томъ, какъ женщины отбивались отъ киргизъ, а иногда и преслѣдовали ихъ. Не лишенъ интереса разсказъ о томъ, какъ женщины и дѣвушки прогнали партію киргизъ отъ крѣпости Нижне-Озерной. ²⁾

Во время Пугачевского бунта киргизы до того осмѣляли, что открыто, цѣлыми скопищами нападали на линейныя крѣпости, раззоренныя самозванцемъ и совершенно беззащитныя вслѣдствіе того, что весь оставшійся въ живыхъ гарнизонъ былъ уведень самозванцемъ. Этой безза-

¹⁾ Богатырь

²⁾ Записанъ Бухаринымъ со словъ казака Донского въ 1890 г.

щитностью и воспользовались киргизы. Огромнымъ скопищемъ, со значками и въ полубоевомъ порядкѣ, они подошли къ Нижне-Озерной, гдѣ кромѣ одной пушки и двухъ трехъ человѣкъ мужчинъ, никого не было: весь гарнизонъ составляли женщины и дѣвицы. Поднялась тревога: женщины надѣли мужскіе армяки и шапки, вооружились пиками и бросились на валъ. Встрѣченные картечью изъ пушки и видя много народу на валу, киргизы смутились, отступили и хотѣли ворваться съ другой стороны; но защитники ринулись туда и опять встрѣтили ихъ картечью изъ пушки, перенесенной сюда же. Въ это время изъ дѣвицъ и женщинъ уже успѣлъ сформироваться конный отрядъ. Какъ только киргизы, обданные вторично картечью, бросились бѣжать, отрядъ казаковъ подъ командой атамана Киселева выскочилъ изъ крѣпости и съ гикомъ ударилъ на растерявшихся киргизъ. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что оробѣвшіе киргизы не успѣли даже разглядѣть, кто ихъ преслѣдуетъ и въ страхѣ бѣжали за Уралъ. Больше двухъ верстъ гнались лихія казаки, рубя шашками и стрѣляя изъ ружей. Удары были такъ сильны, что 107 киргизъ оказались убитыми; и только крутой берегъ Урала спасъ киргизскую партію отъ полного разгрома. Киргизы на всемъ карьерѣ бросались въ Уралъ и уходили на тотъ берегъ, а удалыя казаки, окончивъ дѣло, съ лихой пѣсней вернулись обратно въ крѣпость, гордя своимъ молодецкимъ подвигомъ. Весь народъ отъ мала до стара вышелъ навстрѣчу отважнымъ побѣдительницамъ: многіе плакали отъ радости и всѣ горячо благодарили за смѣлый подвигъ, спасшій крѣпость.

А сколько было единичныхъ подвиговъ борьбы на протяженіи больше 100 лѣтъ, при той упорной партизанской войнѣ, которую вели киргизы; и вездѣ женщины принимали видное участіе, умѣя постоять за себя не хуже мужчинъ. Припоминаю рассказъ, слышанный мною отъ одного старика на новой линіи, о томъ, какъ его отецъ отбилъ отъ киргизъ, благодаря храбрости своей жены.

„Дѣло было въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда знаменитый Кенисара Касимовъ волновалъ степь (орду). Хотя и крѣпко сторожились казаки, но вѣдь на каждый часъ не убережешься. Такъ случилось и тутъ. Партія казаковъ со своими семьями была на покосѣ и подъ охраной одной смѣны работала, а къ ночи въ томъ же порядкѣ отправилась домой; но отецъ рассказчика съ женою почему-то отсталъ отъ общей партіи и тихонько подвигался къ крѣпости. Вдругъ позади послышался конскій топотъ и изъ лѣска выскочило человѣкъ 8 вооруженныхъ киргизъ, которые кинулись къ казаку. Видитъ казакъ, что одному съ ними справиться будетъ трудно, ударилъ по лошади и помчался во весь опоръ; но на бѣду впереди лежалъ небольшой, но очень топкій ложокъ. Лошадь съ разбѣгу завязла: бьется, бьется, а выскочить не можетъ. Тутъ-то и настигли киргизы. Впереди бѣжалъ огромный киргизъ на великолѣпной сѣрой лошади, вооруженный длинною пикою, и бросился прямо на казака. Тотъ схватилъ ружье и топоръ и ударомъ топора переломилъ пикъ на двое. Киргизъ не удержался въ сѣдлѣ и грохнулъ

ся на землю около самой телѣги. Но бѣда не миновала: какъ разъ въ этотъ моментъ налетѣлъ второй съ кистенемъ на длинной палкѣ и со всего размаху ударилъ казака по головѣ; казакъ упалъ съ телѣги и лишился чувствъ. Но удалая казачка не растерялась. Видя, что мужъ убитъ и ей неминуемо придется попасть въ руки киргизъ, она выхватила косу (литовку) и, что было силы, махнула ею на наступавшаго киргиза. Ударъ былъ такъ силенъ и удаченъ, что голова киргиза почти отскочила отъ туловища. Въ это время очнулся мужъ, вскочилъ на ноги, вновь схватилъ топоръ и ударилъ поднимающагося съ земли перваго киргиза, налетѣвшаго съ пикой. Киргизы озвѣрѣли и съ ожесточеніемъ бросились на смѣлую казачку; но она не потерялась, а продолжала отмахиваться косою, отбивалась отъ нихъ. Мужъ въ это время добрался до выпавшаго на землю ружья и выстрѣлилъ въ ближайшаго киргиза. Потерявъ трехъ человѣкъ, киргизы отступили и съ разныхъ сторонъ хотѣли броситься на отчаянную пару. Но тутъ явилась выручка. Выстрѣлы слышали казаки, ѣхавшіе въ партіи, и, увидѣвъ, что одной телѣги нѣтъ, карьеромъ бросились назадъ, вытаскивая на скаку шашки и ружья, и съ гикомъ ударили на опѣшившихъ киргизъ, разгоряченныхъ упорствомъ казака съ казачкой и забывшихъ, что на выстрѣлы можетъ посигѣть выручка. Вихремъ налетѣли казаки и не прошло минуты, какъ пять оставшихся въ живыхъ киргизъ уже плавали въ крови съ разможженными головами. Удачный казакъ съ казачкой былъ спасенъ“.

А то вотъ еще случай: Казакъ Иванъ Вяткинъ со своей женой отправился въ поле на работу. Солнце уже садилось, когда онъ запрегъ свою лошадку и хотѣлъ ѣхать домой, какъ изъ близняго лѣса выѣхали человѣкъ десять киргизъ и, увидѣвъ одного казака съ женою, бросились къ нему. Вяткинъ не потерялся: схватилъ желѣзное путо, заковалъ ноги лошади и, взявъ 2 ружья, бросился съ женой на опушку лѣса, на противоположной сторонѣ.—„Я буду стрѣлять, а ты заряжай, авось, отобьемся!“ Киргизы, видя, что казакъ бросилъ лошадь, кинулись сначала къ ней. Скрывшійся между деревьями Вяткинъ выстрѣлилъ въ толпу, и въ тотъ же мигъ одинъ киргизъ упалъ вмѣстѣ съ конемъ: лошадь была убита. Между тѣмъ казачка успѣла уже зарядить второе ружье и подала мужу. Киргизы градомъ стрѣлъ осыпали смѣльчаковъ, но не причиняли имъ вреда. А казакъ выберетъ удобную минуту, выстрѣлитъ и снова сидитъ съ заряженнымъ ружьемъ. Уже нѣсколько киргизъ было ранено, но броситься въ открытую они не рѣшались, боясь угодить на вѣрную смерть, почему ударили въ обходъ и задумали взять съ тыла. Казакъ замѣтилъ маневръ кочевниковъ, перебѣжалъ съ женой поляну и засѣлъ въ другой перелѣсокъ, откуда вновь началъ отстрѣливаться, а казачка заряжала ружья и подавала мужу. Наконецъ, наступила уже ночь. Киргизы, видя, что имъ ничего не подѣлать со смѣльчакомъ, захватили раненыхъ и усаkali въ степь съ ругательствами, а казакъ благополучно вернулся домой.

Такъ казачки дѣлили боевую жизнь со своими мужьями. Много геройскихъ подвиговъ совершено ими во время вѣковой борьбы на линіи; но еще больше положено буйныхъ головушекъ ради спокойствія и славы отчизны. А сколько молодыхъ, полныхъ жизни казаковъ и особенно казачекъ было увезено въ плѣнъ и томилось въ тяжкихъ страданіяхъ въ киргизскихъ степяхъ, въ далекой Хивѣ и въ гаремахъ Персіи! Особенно тяжело жило на линіи послѣ приведеннаго выше престолутоваго приказа генерала Эссена ¹⁾, воспретившаго преслѣдовать киргизъ за линію. Приказъ развязалъ руки киргизамъ и далъ полный просторъ ихъ хищническимъ набѣгамъ. Пользуясь безнаказанностью въ своихъ степяхъ, киргизы до того стали дерзки, что не стѣснялись разбойничать среди бѣлаго дня въ виду самыхъ укрѣпленій, а ночью забирались въ крѣпости, поджигали на окраинахъ гумна, сѣно, а иногда и селенія. Дѣло дошло до того, что послѣ вечерней зари даже паромъ не подавался на лѣвый берегъ Урала, принадлежащій киргизамъ. Часто запоздавшій казакъ попадалъ въ руки киргизъ; крикъ мольбы о пощаду неся съ зарѣчной стороны, но на помощь никто не являлся: рвались казаки, но подѣ страхомъ чуть-ли не смертной казни, а во всякомъ случаѣ долгаго тюремнаго заключенія, никто не шелъ на помощь, особенно на глазахъ комендантовъ и офицеровъ; суровая дисциплина сдерживала героевъ отъ грознаго удара на хищниковъ; только злоба и жажда мести разгорались съ каждымъ днемъ. И виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдствій казаки называли Эссена. Вотъ что записалъ Бухаринъ въ 1890 г. со словъ казака Якова Чернова: ²⁾ „Суди его (Эссена) Богъ! И теперь еще казаки треплютъ его имя. Не помянешь добромъ: много онъ душъ христіанскихъ погубилъ. При немъ киргизы до того осмѣлялись, что какъ простой товаръ увозили плѣнниковъ. Да и чего, чего тогда не было: вотъ мнѣ съ заливомъ 100 лѣтъ, а какъ вспомнишь про то время, такъ вся кровь въ тебѣ и поднимается. Безчинства-то они какія себѣ позволяли.—страшно и говорить объ этомъ старикамъ. Вотъ что творилось,—и не въ одной станицѣ и не въ двухъ, а по всей линіи. Помнится мнѣ,—разъ около Тоцкой они захватили 40 человекъ въ покосное время. Между полоненными были больше женщины. Киргизы переправились ниже Татищевой, да на противоположномъ берегу, въ лѣскѣ и остановились пировать и отдыхать съ полонянками, а связанные-то мужчины на песокъ подѣ солнцемъ жарились. То-то сраму было и безчинства! Казаки волосы на себѣ рвали: а комендантъ одно кричить: „разстрѣляю, кто осмѣлится стрѣлять или переплыть!“—„Истинная правда“, хоромъ подтвердили старики (собесѣдники),—„не только это, но и больше того было“. Тревоги шибко донимали насъ, да и скотинушкѣ тяжело было: не успѣетъ она похватать корму на выгонѣ, какъ стадо надо сгрудить въ кучу да подогнать ближе къ крѣпости. При табунахъ какъ конскихъ, такъ и рогатой и мелкой скотины назначались сильные конвои, такъ какъ киргизы

¹⁾ Въ 1817 г.

²⁾ Матеріалы, стр. 133.

больше всего и бросались на табуны. Вспугнуть табунъ,—онъ разметется, а киргизы-то и налетятъ съ арканами. Мигнуть не успѣешь, какъ они отцѣпятся,—и стремглавъ къ переправѣ; коль не удалось отбить на берегу или переправѣ, то и распростись на вѣки: такъ и разоряли насъ. Тревожно было и дома. Тамъ тоже переполохъ: бабы мечутся съ ребятами, боишься опасности отъ огня. Надо, чтобъ кони были осѣдланы, кремль въ ружьи исправленъ и весь запасъ (провіанта) былъ притороченъ къ торокамъ,¹⁾ а то хлебнешь нужды да горя, коль не отъ врага, такъ отъ начальства. Чуть займется заря, сейчасъ же все наличное число казаковъ разсыпается въ разъѣзды по всѣмъ дорогамъ. Вернешься уже къ вечерней зарѣ, а послѣ зари, смотришь, угодишь въ ночной разъѣздъ по Уралу и по трактамъ²⁾ и возвратишься домой только къ угренней зарѣ. Не успѣешь соснуть, перекусить, накормить коней, какъ ударятъ сборъ: тутъ новый нарядъ — „симы чинить“³⁾, и опять тебѣ и коню работа на цѣлый день. И, такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ! Ужъ я ничего не говорю, какъ доставалось намъ отъ комендантовъ и солдатскаго начальства; не говорю про шкуры свои.—пусть объ этомъ другіе скажутъ. За обидами отъ начальства мы ужъ не гнались,—привыкли къ нимъ; когда всплачешь отъ неправды, отъ безсилія, а кругомъ опасность да гроза“.

Такова была жизнь казаковъ, поселенныхъ въ прилинейныхъ крѣпостяхъ; въ тяжелыхъ мрачныхъ краскахъ рисуютъ всѣ казаки прошлую жизнь на линіи, но особенно, какъ мною выше и упоминалось,—всѣ указываютъ на своеволие солдатскихъ офицеровъ и комендантовъ, людей чуждыхъ по духу казачеству, пришлаго, временнаго элемента. Да оно такъ, дѣйствительно, и было, ибо казакъ защищалъ здѣсь свой достатокъ, свое имущество, свои насущные интересы. А если принять во вниманіе дряхлый составъ гарнизонныхъ баталіоновъ, то, помимо всего, станетъ понятнымъ, что единственнымъ способнымъ и годнымъ къ борьбѣ элементомъ были казаки; на нихъ-то и падала вся тяжесть партизанской войны и охрана линіи: они и были злѣйшими, страшными врагами киргизъ; только ихъ однихъ и боялись киргизы, зато и удары были направлены преимущественно на нихъ. Вотъ какъ характеризуютъ старые казаки прежнюю боевую жизнь, полную лишеній: „Никто тебя не спроситъ: спалъ ли ты, ѣлъ-ли ты и конь твой, а разъ нарядъ полученъ, поѣзжай, хоть ты бы два дня и съ коня не сходилъ. Иначе шкуру спорютъ и еще подъ судъ отдадутъ, а тамъ подъ барабанъ да шпицрутены. Рѣдкій кто уходилъ отъ нихъ: били безпощадно. Полуголодный, невыспавшійся поѣдешь въ разъѣздъ, а тутъ дремать или забываться и не думай: тогда всѣ овражки, всѣ ямки были покрыты лѣсомъ или кустарникомъ; каждый кусть смертью грозилъ. Ъдешь да творишь молитву, чтобъ Господь подкрѣпилъ тебя: не обуялъ бы тебя сонъ или соблазнъ какой. Не мало

1) У сѣдла.

2) Дорогамъ.

3) Исправлять симовую линію.

нашего брата и гибло изъ-за этого: чуть кто оплошалъ, такъ и пропалъ безслѣдно, — поминай какъ звали“. Тягость военной службы усугублялась, помимо всего, еще и тѣмъ, что срокъ ея для казаковъ не былъ ограниченъ. Всѣ, достигшіе 17 — 18 лѣтъ, зачислялись въ служилый составъ и, наравнѣ съ другими, несли службу какъ на линіи, такъ и при выкомандированіи въ армію. Кстати, не лишнимъ считаю замѣтить, что Оренбургскіе казаки участвовали во всѣхъ войнахъ, какія Россія вела въ XVIII и XIX в.в. Нерѣдко можно было встрѣтить, что въ составѣ казачьей сотни вмѣстѣ съ дѣдомъ — старикомъ служили сынъ и внукъ, а совместная служба отцовъ съ сыновьями въ одной командѣ была обычнымъ явленіемъ. Хотя манифестомъ Императрицы Екатерины II, стѣ 2 сентября 1793 года, срокъ службы въ регулярныхъ войскахъ и былъ ограниченъ 25 ю годами, но, очевидно, эта реформа не коснулась казаковъ, и они по прежнему служили до самой смерти или полной неспособности. Разбирая архивныя дѣла ¹⁾, касающіяся увольненія казаковъ въ отставку въ 30 — 40 годахъ минувшаго столѣтія, видишь, что увольненіе въ отставку происходило не по выслугѣ опредѣленнаго срока, а по представленію атамановъ станицъ по особымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ чаще всего встрѣчаются: „по дряхлости“, „слабоумію и падучей болѣзни“. Эти указанія лучше всего показываютъ, до какихъ поръ держали казаковъ въ служиломъ составѣ.

Нелегко жилось казакамъ въ былое время и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ жалованья и провіанта казаки отъ казны не получали: приходилось служить и работать въ полѣ, чтобы прокормить себя и свою семью. На казенное довольствіе зачислялись только тѣ, которые командировались на линейную службу въ составъ сторожевой охраны или въ армію. Вслѣдствіе того, что мужское населеніе, способное къ полевымъ работамъ, почти поголовно выкомандировывалось каждое лѣто, единственными работниками являлись женщины и подростки. Поэтому вполне понятно, что казаки жили очень бѣдно, несмотря на обиліе земель и иныхъ угодій.

Однако, эта боевая жизнь, полная постоянныхъ лишеній, тревогъ и опасностей, имѣла и свои положительныя, свѣтлыя стороны: она вырабатывала сильные, смѣлые характеры, чуждые страха; развивала храбрость, молодечество и особый спортъ, — игру съ опасностью, такъ присущую казакамъ и до настоящаго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ она создала особый взглядъ казаковъ и на самую жизнь. Словомъ, всѣ эти условія выработали самобытное и своеобразное русское казачество. Много было совершено подвиговъ удали и молодечества казаками на Оренбургской пограничной линіи. Почти въ каждомъ поселкѣ есть преданія объ удальцахъ и богатыряхъ-казакахъ. Беззавѣтная удалъ и отвага являются основными чертами въ этихъ преданіяхъ. А такъ какъ все героическое производитъ особенно сильное впечатлѣніе на юныя сердца, влияетъ на

¹⁾ Въ Звѣрин. и Еткульскомъ стан. правленіяхъ.

выработку характера и наклонностей человѣка въ будущемъ, то вполне естественно, что казачество и понынѣ черпаетъ свою нравственную силу въ своихъ родныхъ преданіяхъ, которыми такъ богата прошлая жизнь. Здѣсь не Муции Сцеволы, не Гораціи Коклеса служатъ идеалами мужества, а свои родные герои-казаки. Долгая вѣковая борьба съ киргизами на линіи, постоянные походы и участіе въ войнахъ, даютъ богатый матеріалъ, полный самоотверженія и героизма,— хотя, наравнѣ съ этимъ, прославляются и чисто воровскіе, разбойничьи набѣги на киргизъ.

Въ Звѣриноголовской станицѣ ходитъ много разсказовъ про какого-то казака Ческидова. „Ухачъ былъ казакъ, хоть и не чистъ на руку“, говорятъ про него старики. „Крѣпко доставалось отъ него киргизамъ: много ихъ онъ загубилъ, хотя много и друзей было у него среди нихъ; да, пожалуй, всѣ воры дружили съ нимъ. Только дружба-то была у нихъ своеобразная: черезъ нихъ Ческидовъ зналъ, гдѣ и куда отправленъ захваченный съ линіи или изъ крестьянскихъ селеній скотъ; и если ужъ у кого угнали киргизы скотину, то обиженный прямо ѣдетъ къ Ческидову. Ну, если тотъ возьмется, такъ ужъ обязательно найдетъ. Говорили, что и самъ онъ, будто бы, воровалъ скотъ у крестьянъ за линіей и провожалъ къ киргизамъ, но достовѣрно объ этомъ никто не зналъ; зато ужъ у казаковъ рѣдко пропадала скотина, пока Ческидовъ былъ живъ. Чуть гдѣ угоняютъ, а онъ ужъ тутъ какъ тутъ: подберетъ партію молодцовъ да потихоньку отъ начальства и айда въ степь, въ погоню. Сначала у своихъ тамыровъ (друзей) развѣдаетъ, кто угналъ, а потомъ въ тотъ аулъ и нагрянетъ; и если ужъ скотины нѣтъ,—горе тому аулу: разгромить его, захватить киргизскій скотъ и маршъ обратно. Чуть гдѣ набѣгъ на пикетъ, Ческидовъ ужъ тутъ какъ тутъ, по своей волѣ явится и маршъ съ казаками въ погоню. Если не было набѣговъ, такъ онъ скучалъ и самъ отправлялся на охоту... за киргизами. Возьметъ лошадей двухъ-трехъ и поѣдетъ на рѣчку Абугу, какъ бы, на рыбалку, да и лошадей покараулитъ. Закуетъ лошадей въ желѣзные пута, а самъ ляжетъ гдѣ нибудь въ кустики около нихъ, батикъ ¹⁾ подъ бокъ и ждетъ. До лошадей киргизы были большіе охотники и если гдѣ замѣтятъ, то ужъ въ покоѣ не оставляютъ. Вотъ такъ и къ его лошадамъ подберутся киргизишки. Слѣзетъ который съ лошади, подойдетъ къ спутаннымъ лошадямъ и начнетъ распутывать,—а ужъ Ческидовъ тутъ,—подкрадется тихонько сзади да и свистнетъ батикомъ по башкѣ киргиза,—прямо на повалъ убьетъ, а потомъ бросится на остальныхъ,—тѣ на утекъ. Захватитъ убитого, и спуститъ въ рѣчку Абугу. Многіе такъ охотились; и въ Абугѣ да въ Тоболѣ каждый годъ находили самое меньшее до десяти киргизскихъ труповъ. Шибко тогда били ихъ и трупы бросали въ рѣку“.

Изъ слышанныхъ много разсказовъ о такихъ походахъ наиболѣе интереснымъ является преданіе о казакѣ Андреѣ Мухортиковѣ, записанное со словъ его родственника казака, 80-лѣтняго старика Дм. Еф. Дурова.

¹⁾ Родъ кистеня.

„Андрей Мухортиковъ былъ Екатерининскій солдатъ, и ужъ потомъ въ тридцатыхъ годахъ перечислился въ казачье сословіе; умеръ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ 105-лѣтнимъ старикомъ. Вотъ это былъ герой, такъ герой! Много отъ него досталось киргизамъ и крѣпко онъ ихъ донималъ. Всю жизнь свою Мухортиковъ провелъ на линіи, такъ какъ въ какомъ-то сраженіи не то съ турками, не то въ Польшѣ былъ тяжело раненъ, но вылѣчился и былъ переведенъ въ нашъ Звѣриноголовскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ прослужилъ почти 20 лѣтъ, да тутъ и остался навсегда, приписавшись въ казаки. Хотя и не былъ онъ природнымъ казакомъ, но такъ свыкъся съ казачьей жизнью, что никто бы и не узналъ въ немъ стараго солдата. Я его зналъ уже столѣтнимъ старикомъ, но по виду ему нельзя было дать больше 50—60: высокаго роста, бравый, постоянно начисто выбритый, шустрый, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, онъ больше походилъ на молодого живого юношу, чѣмъ на столѣтняго старика, да и не любилъ страшно, если кто его называлъ „дѣдушкой“. Закричитъ, бывало, затопаетъ ногами: „я тебѣ покажу дѣдушку, Какой я дѣдушка! я пожилой молодчикъ“. Такъ вотъ этотъ „пожилой молодчикъ“, кажется, не зналъ ни заботы, ни печали: все его имущество состояло въ нагольной шубѣ, сшитой изъ едва выдѣланныхъ шкуръ дикихъ козъ, при чемъ швы торчали наружу. Семьи у него не было; жилъ онъ почти всю жизнь бобылемъ и только, кажется, лѣтъ въ 70 женился и то успѣлъ оставить троихъ сыновей. Все время проводилъ онъ на рыбалкѣ и охотѣ; —этимъ и кормился. Возьметъ, бывало, свои сѣти, захватитъ винтовку и отправится либо вверхъ, либо внизъ по Тоболу. Иные изъ крѣпости не выходили и шагу по одиночкѣ, а онъ всегда одинъ: никого никогда не боялся, а надъ киргизами постоянно только подсмѣивался да выслѣживалъ ихъ, пожалуй, лучше, чѣмъ слѣдилъ за звѣрями. Не было почти ни одной погони за киргизами, чтобъ Андрей не участвовалъ вмѣстѣ съ казаками; чуть, бывало, —тревога или услышитъ выстрѣлы, такъ и бѣжитъ ужъ туда; но своей лошади никогда не имѣлъ, а все пѣшкомъ. Ходокъ былъ такой, что въ лѣтнюю ночь обыкновеннымъ шагомъ проходилъ 80 верстъ; устали старикъ совершенно не зналъ. Вотъ и въ погоняхъ также. Добѣжить до мѣста схватки и, если казаки еще не ушли въ погоню, пристроится къ кому нибудь на крупѣ лошади (позади) и катитъ; а чуть киргизъ окружили,—онъ сейчасъ долой съ коня и со штыкомъ бросится на киргизъ. Ну, ужъ тутъ отъ него рѣдкій уйдетъ: не ссадить на штыкъ, такъ пулей догнать, а живьемъ не отпустить. Говорятъ, и на охоту-то онъ ходилъ только для близиру (для вида), а на самомъ дѣлѣ выслѣживалъ киргизъ. Заляжетъ гдѣ нибудь въ кустахъ, на переправѣ и поджидаетъ. Чуть подбѣжитъ партія киргизъ въ передній или въ обратный путь уже съ добычей, онъ не пропуститъ случая одного-двухъ уложить на мѣстѣ да и тревогу своими выстрѣлами подниметъ. Смѣльчакъ былъ страшный и два-три киргиза на него не напускались. А если Андрей видѣлъ, что партія сильна, то дастъ одинъ-два выстрѣла, а самъ спрячется въ кусты либо въ камыши, а то и въ воду. Ну, его

ужь тутъ не найдемъ. Такъ-то вотъ онъ и изводилъ киргизъ, а трупы обыкновенно спускалъ въ Тоболъ, и улики никакой не было. Ну, и злились-же на него киргизы; денегъ не жалѣли, чтобы только поймать Андрея или убить его; охотились за нимъ цѣлыми партіями, а онъ все уходилъ изъ рукъ.

„Но однажды и ему пришелъ было конецъ. Какъ-то разъ Андрей по своему обыкновенію взялъ свою винтовку съ неизмѣннымъ штыкомъ да острый ножъ за поясъ, пошелъ поохотиться на рѣчку Абугу, верстъ за 15 отъ крѣпости. Извѣстными ему одному тропинками онъ по кустамъ да по бору добрался до Абуги и пошелъ бродить по извилинамъ рѣчущки. Охота была изъ рукъ вонъ плоха. Пробродилъ онъ безъ отдыха цѣлый день и сдѣлалъ только одинъ выстрѣлъ. Птицы, правда, было и много, но вся она была въ камышахъ, такъ какъ день былъ вѣтряный. Но вотъ этотъ-то выстрѣлъ оказался для него роковымъ. На Абугѣ случайно оказалось двое киргизъ, которые, услышавъ выстрѣлъ, пошли разузнать, кто стрѣляетъ, незамѣтно подобрался и узнали Андрея. Одинъ тотчасъ же бросился въ аулы, находящіеся недалеко, а другой остался слѣдить за Андреемъ. Прошло не больше часа. Солнце спустилось уже къ горизонту, когда на небольшомъ увалѣ вихремъ пронеслись десятка полтора киргизъ и въ ту же минуту скрылись въ прибрежныхъ кустахъ. Густые лѣтніе сумерки уже спускались на землю, когда недалеко отъ Андрея раздался пронзительный крикъ совы; ему отвѣтили такимъ же крикомъ съ противоположной стороны и все опять замерло. Это прибывшіе киргизы дали знать развѣдчику. Хотя и хитеръ былъ Андрей, но не обратилъ вниманія на подозрительный крикъ; усталый отъ безплодной охоты, изнуренный голодомъ онъ расположился въ густой травѣ около камыша, закусилъ хлѣбцемъ, попилъ водицы и спокойно завалился спать, подложивъ подлѣ себя свою мѣткую винтовку и острый киргизскій ножъ. Между тѣмъ сторожевой киргизъ, наблюдавшій за нимъ издалика, увидѣвъ, гдѣ легъ Андрей, какъ хищная кошка безшумно сталъ прокрадываться по камышамъ въ ту сторону, откуда его извѣстили свои. Въ условномъ мѣстѣ, покрытомъ мелкимъ кустарникомъ, притаивъ дыханіе, лежали десять здоровеннѣйшихъ богатырей киргизъ, остальные сидѣли за уваломъ и стерегли лошадей. Вдругъ около самыхъ кустовъ раздался тихій свистъ; въ кустахъ отвѣтили; вынырнула темная фигура сторожевого киргиза и тихій топотъ на минуту нарушилъ ночную темноту.—Это развѣдчикъ сообщилъ своимъ, гдѣ находится Андрей. Прошло еще съ часъ, и нѣсколько темныхъ тѣней неслышно заскользили по зеленой травѣ. Какъ ни крѣпко спалъ казакъ, уставшій за день, но его чуткій слухъ уловилъ какой-то подозрительный шелестъ травы. Рука инстинктивно сжала винтовку, казакъ открылъ глаза; но въ ту же минуту трое здоровыхъ киргизъ навалились на лежакаго удалца. Рванулся казакъ, хотѣлъ встряхнуть, да не тутъ-то было: точно пригвоздили его къ мѣсту: горло точно желѣзными клещами сдавила рука киргиза, а ноги охватилъ тонкій арканъ. Но и тутъ не растерялся казакъ: въ освободившейся на секунду

рукъ блеснулъ острый ножъ и по самую рукоятку погрузился во что-то мягкое. Дико вскрикнулъ одинъ изъ киргизъ, и въ ту же минуту потекла теплая липкая кровь. Недолга была неравная борьба одного противъ десяти. Не прошло и минуты, какъ Андрей тонкимъ арканомъ былъ скрученъ по рукамъ и ногамъ: ротъ ему заткнули какой-то тряпкой, а одинъ киргизъ, очевидно, старшій, сильнымъ цинкомъ въ лицо, разбилъ ему носъ и расшибъ губу. Рядомъ съ казакомъ въ послѣднихъ мукахъ содрагался заколотый имъ киргизъ: но хищники оставили казака въ живыхъ, такъ какъ, очевидно, готовили для него тяжелую, безпросвѣтную долю плѣнника. Въ это время одинъ изъ киргизъ пронзительно свистнулъ, и вскорѣ сюда на всемъ карьерѣ примчались коноводы съ заводными лошадьми. Связаннаго Андрея прикрутили къ крупу лошади. Киргизы сѣли на лошадей и вихремъ помчались въ степь къ своему атаману, перекинувъ черезъ сѣдло убитаго товарища.

„Въ аулѣ никто не спалъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія своихъ; даже ребятишки и старики оживленно бесѣдовали объ исходѣ набѣга на русскаго. Хриплый лай цѣлой своры лохматыхъ собакъ встрѣтилъ киргизъ, и весь аулъ высыпалъ навстрѣчу. Крикъ радости вырвался у встрѣчавшихъ, когда замѣтили перекинутого черезъ сѣдло чело-вѣка: подумали, что это плѣнникъ, но тутъ же съ ужасомъ отшатнулись назадъ, увидѣвъ въ темнотѣ блѣдное лицо мертвеца, своего одноаульца. Между тѣмъ два киргиза уже успѣли отвязать Андрея отъ крупы лошади и сильнымъ ударомъ сбросили его на землю. Онъ, какъ снопъ, свалился прямо на голову, только шейные позвонки рѣзко хрустнули. Толпа мигомъ окружила добычу и съ крикомъ негодованія бросилась бить связаннаго казака и растерзала бы его, если бы не отяли старики, которымъ хотѣлось получить знаменитаго удальца и живымъ продать въ рабство за выгодную цѣну. Двое киргизъ схватили Андрея за ноги и волокомъ потащили въ ближайшую кибитку, только голова глухо стучала о землю и больно ударилась о деревянный порогъ. Толпа опять съ шумомъ ворвалась въ кибитку, и начались истязанія: цѣлый потокъ плевковъ въ минуту покрылъ все лицо казака: кто щипалъ, кто рвалъ волосы, а иные рвали за усы; рванулся было Андрей, но тонкія веревки еще глуше, почти до самыхъ костей врѣзались въ его тѣло; хотѣлъ крикнуть, но раздалось только какое-то мычанье, такъ какъ ротъ былъ заткнутъ; застоналъ отъ боли и нравственной муки удалый казакъ, не вѣдавшій страха во всю жизнь; жгучія слезы тяжелой обиды и безпомощности выступили на глазахъ едва ли не въ первый разъ во всю его жизнь. До свѣту тѣшилась и издѣвалась киргизская толпа надъ безпомощнымъ плѣнникомъ; отъ щипковъ почти все тѣло стало синебагровымъ. Глухо стоналъ казакъ, рвался, бился головой о землю и тщетно просилъ у Бога смерти.

„Едва на востокъ занялась заря, и утренняя прохлада потянула съ сосѣдняго озера, какъ схватившіе его киргизы проснулись и стали сѣд-
лать лошадей, а затѣмъ вытащили плѣнника и такъ-же, какъ вчера,

привязали къ сѣдлу коня. Понялъ казакъ, что его хотятъ везти дальше, въ глубь степи, чтобы укрыться отъ преслѣдованія и сбыть въ орду. На востокъ уже поблѣло, когда киргизы двинулись въ путь. Ъхали все время полной рысью, такъ какъ торопились поскорѣе уйти подальше отъ линіи, а то вѣдь,—не ровенъ часъ,—можетъ случайно нагрѣнуть казачій отрядъ, и тогда все пропало. Такъ съ небольшимъ отдыхомъ ѣхали до поздней ночи, держась на югъ. Было уже около 10 часовъ ночи, когда достигли какого-то аула и остановились ночевать. Въ первый разъ казаку ототкнули ротъ и влили чашку кислаго молока, а его, бѣднаго, жажда томила со вчерашняго дня: внутри давно пересохло, губы потрескались до крови отъ жажды и внутренняго жара; но пить больше не дали и ротъ снова заткнули. Чашка молока и запахъ варившейся говядины разжигали аппетитъ; чтобы хоть немного отвлечь себя, казакъ принялся жевать тряпку. Киргизъ замѣтилъ это, ударилъ казака по лицу и схватилъ тряпку изъ рта. Отъ боли и обиды казакъ первый разъ разразился ругательствами. Караульный киргизъ вышелъ изъ кибитки и вскорѣ вернулся въ сопровожденіи другого, неся волосяную веревку и толстую березовую палку. Казаку загнали голову, разжали ротъ и дали въ зубы средину палки, обмотанной волосяной веревкой, которую захлестнули на палкѣ около самыхъ угловъ губъ казака, а концы стянули и завязали крѣпкимъ узломъ на затылкѣ, короче сказать, дали казаку въ зубы знаменитый „клячъ“. Клячъ рвалъ ротъ, жесткія веревки рѣзали губы, а тонкая бичева (арканъ), которой были стянуты руки и ноги, врѣзались почти до самыхъ костей, затаились наплывшею кожей и были вовсе незамѣтны; только синіе рубцы обозначали ихъ мѣсто; всѣ члены онѣмѣли и страшно ныли.

„Такъ провелъ Андрей вторую ночь, а на зарѣ снова двинулись дальше. Ъшенная скачка опять продолжалась цѣлый день все въ томъ же направленіи и позднею ночью киргизы достигли небольшой зимовки, гдѣ и остановились ночевать. Зимовка была совершенно пустая, такъ какъ хозяева были на „джійляу“, т. е. лѣтней кочевкѣ. Отъ ѡшенной, непрерывной скачки и сами конвоиры устали, почему задумали дать небольшой отдыхъ и измученному плѣннику: его на нѣсколько минутъ освободили отъ веревокъ и дали возможность хоть немного расправить отекашіе и онѣмѣвшіе члены. Въ первый разъ за двое сутокъ бросили ему кусокъ мяса и дали чашку воды. Пока закусывалъ казакъ, два киргиза сидѣли около него, накинувъ предварительно арканъ на шею, чтобы при первой попыткѣ встать на ноги,—можно было затянуть петлю. Наступила теплая ясная лѣтняя ночь; звѣзды ярко горѣли на темномъ небѣ; свѣтлой лентой блѣлъ млечный путь,—„казачья дорога“, а надъ самой головой мерцала „приколь-звѣзда“ (полярная звѣзда). Утомленные киргизы боялись, чтобы плѣнникъ не убѣжалъ во время ихъ сна; поэтому связывать его не стали, а рѣшили подвергнуть его болѣе мучительному пріему, часто практиковавшемуся надъ плѣнниками. Около стоянки находился киргизскій дворъ; полотнище съ воротъ было снято и только два

столба съ перекладиной тѣрчали, напоминая висѣлицу. Вотъ этими-то воротами и воспользовались киргизы. Они крѣпко привязали концы веревокъ къ кистямъ рукъ казака и подтянули его къ перекладинѣ, такъ что казакъ повисъ на рукахъ, поднятыхъ кверху, на воздухъ, совершенно не касаясь ногами земли. Въ такомъ положеніи и оставили его висѣть всю ночь, а сами улеглись недалеко отъ воротъ, спутавъ лошадей и привязавъ ихъ длинными чумбурами къ деревяннымъ приколамъ. Много перетерпѣлъ казакъ за эти дни, но такой муки еще не приходилось испытать: чуть пошевелится, ноги мотнутся въ стороны и начнетъ онъ качаться, какъ маятникъ, только руки въ плечахъ похрустываютъ да ноютъ невыносимо. Вотъ тутъ-то онъ произнесъ страшную клятву предъ Богомъ, что если останется живъ, то будетъ мстить киргизамъ до самой своей смерти безпощадно,—не жалѣть ни ребячь малыхъ, ни стариковъ старыхъ, а губить, гдѣ и какъ будетъ возможно и вредить чѣмъ придется.

„Киргизы спали уже глубокимъ сномъ, а казакъ болтался на веревкахъ. Вдругъ онъ чувствуетъ, что перевязь на правой рукѣ, какъ будто, ослабѣла: лучъ смутной надежды блеснулъ въ измученномъ сознаніи; казакъ собралъ всѣ силы, началъ шевелить кистью руки; веревка начала сползать на кисть. Еще минута и правая рука стала свободной. Вздохнулъ казакъ, собралъ послѣднія силы, уцѣпился свободной рукой за веревку, поднялся немного и началъ зубами рвать узелъ на лѣвой рукѣ. Еще минута, и онъ опустился на землю. Казакъ почувствовалъ себя на свободѣ и рѣшилъ, что теперь живымъ не дастся въ руки: пусть лучше ужъ зарѣжутъ его киргизы въ отчаянной схваткѣ. Но мучители его были въ 5—6 шагахъ отъ него. Каждая секунда была дорога. Поднявшись на ноги, онъ тихо, точно кошка, поползъ около стѣнки и вскорѣ скрылся за постройками зимовки. Послѣ двухдневной пытки казакъ почувствовалъ себя на свободѣ; и хотя все тѣло ныло и болѣло, но отъ радости онъ почти все забылъ. Передъ нимъ лежалъ просторъ степи: обширное ровное степное море раскинулось необъятной ширью. Но эта ширь была мало утѣшительной для него, такъ какъ, кромѣ травы, не было ни одного кустика, куда можно было бы укрыться въ случаѣ погони. Времени терять было нельзя; нужно было бѣжать скорѣе и укрыться гдѣ нибудь въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Идти по старому пути было слишкомъ опасно; нужно было, чтобы киргизы потеряли слѣдъ, почему казакъ бросился совершенно въ противоположную сторону. Долго бѣжалъ онъ безъ отдыха и остановки, а бѣгать онъ былъ здоровъ. Прошла ночь, уже стало подниматься солнце, когда Андрей добѣжалъ до огромнаго озера покрытаго густыми камышами. Здѣсь онъ рѣшилъ переждать день, чтобы случайно не наткнуться на погоню или на другихъ киргизъ, такъ какъ недалеко отъ озера виднѣлись кибитки.

„Едва онъ добрался до камышей и оглянулся на пройденный путь, какъ невольно ахнулъ: не далѣе версты по его слѣду на всемъ карьерѣ неслись два киргиза; погоня шла по вѣрному пути: очевидно, киргизы напали на его слѣдъ. Положеніе было весьма опасное, особенно если

киргизы замѣтили его. Киргизы остановились около озера и начали совѣщаться. Одинъ вскорѣ повернулъ коня и погналъ въ сосѣдній аулъ, а другой съ высокаго пригорка сталъ зорко наблюдать за камышемъ, не покажется ли гдѣ плѣнникъ. Прошло около часа, какъ Андрей уже сидѣлъ въ камышѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что изъ аула мчатся до 20 человекъ конныхъ киргизъ, вооруженныхъ длинными пиками; очевидно, пребываніе его на озерѣ было открыто и оставаться въ сухихъ камышахъ было нельзя. Андрей быстро сталъ пробираться къ водѣ, перешелъ черезъ небольшое плесо, тамъ опять камышемъ пробрался далеко отъ берега и зашелъ почти по горло въ воду. Киргизы разсыпались по камышу и съ крикомъ двинулись вдоль берега; иные заѣхали по брюхо лошадей въ воду и такъ проѣхали по камышу вокругъ всего озера, при чемъ безпрестанно тыкали пиками въ воду, полагая, что плѣнникъ можетъ нырнуть. Вотъ киргизы уже приблизились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ казакъ и шли прямо на него. Положеніе было критическое. Андрей вырвалъ сухую камышевую дудку, насколько могъ, прочистилъ ее, вставилъ въ ротъ, чтобы можно было дышать, и нырнулъ. Пробылъ онъ подъ водой около часа и когда высунулъ голову на поверхность воды, голоса уже были далеко. До поздняго вечера просидѣлъ казакъ въ водѣ, не двигаясь съ мѣста; раза четыре проѣзжали киргизы около него и четыре раза приходилось казаку скрываться подъ водой съ камышинкой во рту. Стало уже темно, когда киргизы, бросивъ поиски, собрались на берегу всѣ вмѣстѣ. Долго говорили они между собой и наконецъ рѣшили, что, навѣрно, плѣнникъ утонулъ, а можетъ быть, погоня и ошиблась. Послѣ этого всѣ гурьбой двинулись къ аулу.

„Андрей хорошо говорилъ по киргизски и слышалъ все, какъ совѣщались киргизы. Когда стихли голоса и гулъ копытъ удалявшихся киргизъ, онъ выползъ изъ воды на сухой берегъ и немножко отдохнулъ. Но сильная дрожь, охватившая его почти съ утра, усилилась, когда подуло на него свѣжимъ вѣтеркомъ; трясло всего, какъ въ лихорадкѣ, зубъ не попадалъ на зубъ, сидѣть не было возможности и онъ опять побѣждалъ; но теперь пришлось измѣнить направленіе. Млечный путь, — старинная „казачья дорога“ — былъ ему путеводителемъ. „Приколъ звѣзда“ (полярная) ярко блестѣла на небѣ и указывала далекую родину. Опять безъ отдыха шелъ казакъ всю ночь и только, когда взошло солнце, рѣшилъ остановиться на киргизскихъ могилахъ и обсушиться. Три ночи, проведенныя почти безъ сна, дали себя почувствовать. Казакъ не могъ побороть сна, заползъ въ высокій бурьянъ и заснулъ мертвымъ сномъ. Солнце перевалило уже за полдень, когда Андрей проснулся. День былъ жаркій, хотѣлось пить, а особенно томилъ голодъ. Двинулся казакъ дальше. Съ пригорка увидѣлъ небольшое озерко и пошелъ прямо къ нему. Напился полусоленой воды, нарвалъ камышу, „пуховыхъ палокъ“, очистилъ корни и поѣлъ, но пользы было мало. — По великой нуждѣ пошелъ онъ снова. Такъ онъ брелъ цѣлый день. Передъ вечеромъ опять поѣлъ камышевыхъ корней, а потомъ набрелъ на убитую кѣмъ-то утку,

оборвалъ у нея перья и живьемъ началъ рвать зубами сырое мясо. Такъ, питаясь камышемъ и сырымъ мясомъ дикой утки, онъ на пятый день возвратился изъ плѣна и пришелъ едва живымъ, весь ободранный, избитый, въ синякахъ и рубцахъ на тѣлѣ.

„Когда же онъ оправился немного и отдохнулъ, то началъ мстить киргизамъ. Дня не проходило, чтобы онъ не устроилъ имъ какойнибудь непріятности. Какъ только пріѣдутъ киргизы въ крѣпость, а ужъ Мухортиковъ тутъ, какъ тутъ. Такъ какъ въ крѣпости нельзя было озорничать, такъ онъ, бывало, хоть чѣмънибудь да досадить киргизамъ: то куржумы (мѣшки) съ мукой или крупой у нихъ подрѣжетъ; то оси у телѣгъ ухитрится подпилить незамѣтно: то чекушки изъ колесъ всѣ до одной повытаскаетъ; поѣдутъ киргизы, — хватъ колеса спадываютъ, оси ломаются, — горе да и только! Если киргизы пріѣдутъ верхами, то онъ подрѣжетъ подпруги: начнутъ киргизы садиться, подпруги лопаются и киргизъ вмѣстѣ съ сѣдломъ летитъ на землю. А разъ онъ такую штуку выкинулъ: Пріѣхалъ какъ-то къ коменданту важный, богатый киргизъ, чуть ли не султанъ какой, окруженный цѣлой свитой. Киргизъ былъ страшно толстый, и пять человѣкъ приближенныхъ едва сняли его съ лошади. Андрей увидѣлъ все это, побѣжалъ на базаръ, купилъ большую иглу (тебень) и, выбравъ удобную минутку, когда киргизы ушли въ домъ, воткнулъ ее въ сѣдло (подушку) султанской лошади острымъ концомъ къверху, а самъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, подошелъ къ казакамъ и говоритъ: „вотъ угошу я его, собаку“. Черезъ нѣсколько минутъ выходятъ киргизы и подъ руки ведутъ своего султана. Подвели коня, и опять пять человѣкъ начали подсаживать толстяка. Онъ поднялся на стремя и сразу опустился на сѣдельную подушку, но въ тотъ же моментъ съ дикимъ воплемъ вылетѣлъ изъ сѣдла, прямо на землю. „Ловко угостилъ я его, собаку, — рассказывалъ часто впослѣдствіи Мухортиковъ, — садили пятеро, а выскочилъ живехонько и своихъ чуть не сшибъ. Но особенно доставалось киргизамъ отъ Мухортикова въ полѣ. Чуть попалъ киргизъ въ одиночку, въ удобномъ мѣстечкѣ, безъ свидѣтелей, то ужъ тутъ его Андрей живымъ не отпустить. И боялись же его киргизы! За версту объѣзжали, чтобы только не встрѣчаться съ Андреемъ. Ужъ Мухортиковъ былъ глубокимъ старикомъ, но и тутъ не оставлялъ киргизъ въ покоѣ. Раньше онъ ходилъ больше на охоту, этимъ и кормился; а подъ старость, трудно ему стало бродить, а потому каждое лѣто онъ нанимался сторожемъ на бахчи, — караулить арбузы. Какъ-то одно лѣто бахчи были разведены около Абугинскаго бора, на самой Никольской дорогѣ, по которой постоянно ѣздили киргизы и не пропускали случая, чтобы ночью не украсть арбузовъ. Но это имъ даромъ не проходило. Андрей ихъ крѣпко караулилъ. Какъ станетъ темно, возьметъ Андрей свою неизмѣнную винтовку, ляжетъ въ борозду около дороги и выжидаетъ. И много киргизъ, говорятъ, поплатилось жизнью за желаніе покушать краденыхъ арбузовъ. Сшибетъ киргиза съ лошади привяжетъ веревкой за хвостъ ея, ударитъ ее кнутомъ и пуститъ въ степь. Ужъ больно онъ былъ золъ на киргизъ за свои мученья и крѣпко держалъ свою клятву мести. Таковы-то были люди въ былое время“.

Каждое лѣто сотни русскихъ людей увозились киргизами въ плѣнъ и гибли въ тяжелой неволѣ частью въ киргизскихъ аулахъ, а больше всего продавались въ Хиву, Бухару и Персію; немало женщинъ продавали и въ турецкіе гаремы: словомъ, всѣ рынки азіатскихъ ханствъ были заполнены русскими плѣнниками, взятыми преимущественно съ Оренбургской линіи, а также съ Уральской и Сибирской. Эта торговля была весьма выгодна для киргизъ, тѣмъ и объясняется ихъ стараніе возможно больше увозить русскихъ въ плѣнъ, а не убивать.

Рѣдкимъ удавалось бѣжать изъ плѣна; большая часть ихъ пропадала безслѣдно и только незначительное количество выкупалось или правительствомъ, или родственниками. Многіе изъ русскихъ плѣнныхъ, примирившись со своей горькой долей, женились на киргизкахъ или сар-тянкахъ, принимали мусульманство и добровольно оставались на чужбинѣ, хотя большинство, часто несмотря на новую семью, все же рвалось на родину, бросало хозяйство и дѣтей и убѣгало. Особенно много бѣжало изъ тѣхъ, которые не хотѣли омусульманиваться и за это подвергались истязаніямъ. Иные убѣгали раза по 3, по 4, но опять попадали въ плѣнъ, а въ послѣдствіи снова уходили, пробывъ въ плѣну 20—30 лѣтъ. Въ станицѣ Еткульской мнѣ пришлось слышать разсказъ о казакѣ Варѣоломѣ Гладышевѣ, плѣненномъ въ началѣ XIX вѣка съ Иргиза и пробывшемъ въ плѣну около 30 лѣтъ. Привожу этотъ разсказъ со словъ родной внучки Гладышева Маріи Н. Киселевой, 60 лѣтъ, и казака Якова Шатрова, 80 л., знавшаго Гладышева лично.

Въ началѣ XIX в., около, 12 года, Варѣоломей Гладышевъ съ командою казаковъ былъ командированъ на лѣтнюю линейную службу въ городъ Орскъ, а оттуда посланъ на пикетъ по р. Иргизу. Однажды его отправили съ почтой въ ближайшую крѣпость. Дѣло было подъ вечеръ, когда Гладышевъ подѣхалъ къ партіи русскихъ рыбаковъ, находящихся на степномъ озерѣ, верстахъ въ 5 отъ пикета. Рыбаки долго уговаривали его не ѣздить дальше, а переночевать у нихъ и утромъ выѣхать дальше, такъ какъ киргизы очень пошаливали, бродили шайками по ночамъ и уже нѣсколько разъ нападали на рыбаковъ, но они на ночь уходили въ устроенное укрѣпленіе и изъ него отстрѣливались. На выстрѣлы части прибѣгали казаки сосѣднихъ форпостовъ, да и Гладышеву вмѣстѣ съ другими приходилось также частенько выручать рыбаковъ. Не послушался казакъ опытныхъ старыхъ товарищей и промолвилъ: — „А конь подо мной, такъ и Богъ надо мной. Бояться нечего!“ — Попрощался съ рыбаками, далъ коню нагайку и помчался въ путь. Не прошло и 10 минутъ, какъ казакъ едва чернѣлъ на сосѣднемъ пригоркѣ. Вдругъ рыбаки увидѣли, что онъ повернулъ коня и во весь опоръ помчался обратно, а изъ-за увала, точно черная туча, высыпали киргизы и бросились за нимъ вслѣдъ. Не вынесъ казака его быстрый конь. Киргизы нагнали его, и на глазахъ рыбаковъ тонкій арканъ сорвалъ казака съ лошади. Только его и видѣли. Подхвативъ добычу, партія быстро скрылась за уваломъ.

„Рыбаки дали нѣсколько выстрѣловъ, одинъ палъ на лошадь и помчался на пикетъ извѣстить о несчастіи. Скоро черный дымъ горѣвшей пакли возвѣстилъ, что вѣсть дошла; черезъ минуту такіе же столбы поднялись и съ сосѣднихъ пикетовъ. Тревога поднялась по всей линіи. Казаки на всемъ карьерѣ неслись къ злополучному маяку, а вскорѣ команда въ 30—40 человекъ съ двумя рыбаками понеслась въ погоню за киргизской партіей, схватившей казака. Трудно было уйти киргизамъ отъ быстрой погони, да жалъ было разстаться съ плѣнникомъ: парень былъ молодой, здоровый; хорошую плату дадутъ за него на базарѣ. Но погоня была уже близко, а въ широкой, голой степи укрыться киргизамъ было негдѣ. Они на минуту остановились около стараго развалившагося аула, сняли плѣнника, крѣпко связали по рукамъ и ногамъ волосяными веревками, заткнули тряпкой ротъ, привязали ее, чтобъ не выпала, и бросили плѣнника въ глубокую яму; сверху привалили старой чашей, поlying, разнымъ бурьяномъ, чтобы не было видно, а сами раздѣлились на три партіи и помчались въ разныя стороны, чтобы сбить съ толку гнавшихъ ся казаковъ.

„Вскорѣ казаки домчались до ямы, гдѣ былъ брошенъ плѣнникъ и начали совѣщаться, за которой партіей гнаться, такъ какъ не знали, которая увлекла плѣнника. А плѣнникъ заваленный мусоромъ слышалъ все, что говорили казаки, но скрученный по ногамъ и рукамъ не могъ пошевелиться, а заткнутый ротъ издавалъ только глухіе звуки, какое-то слабое мычанье. Двое сутокъ пролежалъ въ этой ямѣ казакъ безъ пищи и движенія и рѣшилъ, что его заживо погребли. Нѣсколько разъ проѣзжали здѣсь казачьи разъѣзды, нѣсколько разъ останавливались около ямы, осматривали аулъ, но въ яму никто не заглядывалъ. Рвался несчастный плѣнникъ, метался, но только веревки глубже врѣзывались въ тѣло, а тряпка окончательно завалила горло; наконецъ силы оставили его, и онъ впалъ въ безсознательное состояніе.

„Только на третью ночь явились киргизы и извлекли едва дышавшаго казака, перебросили черезъ сѣдло и умчали въ степь, въ аулъ къ какому-то богатому киргизу, очевидно, торговавшему плѣнниками, которому и продали за двадцать барановъ. Здѣсь въ первый разъ развязали веревки, но зато вновь связали размоченной толстой сырмятью (невыдѣланной кожей). Сначала было ничего, терпѣть можно, но когда засохла эта кожа, то какъ щипцами сдавила и руки, и ноги; вскорѣ вся кожа на рукахъ и ногахъ была стерта и красное мясо да кровь образовались около кожаныхъ кандаловъ. Первые дни плѣнника никуда не пускали и почти не кормили, а если и давали, то обглоданныя кости, наравнѣ съ собаками. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ слабѣе становился плѣнникъ; наконецъ силы совсѣмъ оставили его, и онъ не могъ двигаться, а киргизамъ только это и надо было: теперь, говорятъ, не убѣжить. Чтобы не умерить голодной смертью, стали давать по чашкѣ кислаго молока (айрана) и два-три кусочка сушеного сыра (курта). Голодовка продолжалась больше мѣсяца. А когда плѣнникъ сталъ немножко бро-

дять, то самъ старался разыскивать себѣ пищу. Лежалъ онъ въ старой, рваной джуламейкѣ, и какъ только всѣ въ аулѣ уснутъ, выйдетъ и начнетъ бродить около кибитокъ, какъ голодная собака разыскивать, нѣтъ-ли чего съѣстного. Случайно нашелъ павшую овцу, оторвалъ у нея заднюю ногу, отрѣзалъ какимъ-то осколкомъ желѣза нѣсколько кусковъ, поджарилъ на потухавшемъ огонькѣ, а лопатку зарылъ въ землю, да такъ и питался, пока всю не съѣлъ. Киргизы, видя, что плѣнникъ уже немножко привыкъ, стали посылать его съ пастухомъ пасти овецъ. Хотя пища почти не улучшилась, но теперь онъ доилъ овецъ и питался ихъ молокомъ; мало по малу сталъ поправляться. Такъ прошло лѣто, а за нимъ и зима. Настала весна, и казаку страшно захотѣлось бѣжать. Онъ притворился послушнымъ, а потомъ сталъ съ киргизами поговаривать о перемѣнѣ вѣры. Тѣ обрадовались. Явился мулла, который каждый день сталъ посѣщать плѣнника и повелъ съ нимъ длинныя бесѣды о мусульманствѣ. Казакъ притворился внимательнымъ и вскорѣ вошелъ въ довѣріе, но принять мусульманство рѣшилъ только тогда, когда постигнетъ истины вѣры. Киргизы стали смотрѣть на него, какъ уже на своего, и хотя наблюдали еще за нимъ, но держали свободно и сняли кандалы. А казакъ каждую ночь выходилъ изъ кибитки и смотрѣлъ на небо, припоминая гдѣ родимая сторона и какъ на нее пробраться. Однажды къ хозяину пріѣхало много гостей; всѣ напились досыта свѣжаго кумыса и залегли спать. Тихо прокрался плѣнникъ къ лошадямъ, выбралъ одну изъ лучшихъ, вскочилъ на нее, перекрестился и тихонько сталъ выбираться изъ аула. На его бѣду увидалъ кто-то изъ киргизъ и поднялъ тревогу; но плѣнникъ уже былъ за ауломъ и во весь опоръ мчался по направленію къ „приколъ-звѣздѣ“.

„Бросились киргизы въ джуламейку, хватъ, плѣнника нѣтъ, не оказалось и лучшей лошади у коновязи. Поняли киргизы, что плѣнникъ обманулъ ихъ и бѣжалъ. Нѣсколько джигитовъ вспрыгнули на коней, захвативъ заводныхъ, и бросились въ погоню, по указанію очевидца. Бѣшенная скачка продолжалась всю ночь, и уже взошло солнце, когда казакъ, полагая, что онъ внѣ опасности, остановилъ измученнаго коня и поѣхалъ шагомъ; но не прошло и десяти минутъ, какъ чуткій слухъ уловилъ позади отдаленный конскій топотъ: киргизы нагоняли свою жертву. Снова стрѣлой помчался казакъ, но измученный за ночь конь не выдержалъ новой бѣшеной скачки, палъ замертво, придавивъ и казака. Точно воронье накинута на киргизы и въ одну минуту опять скрутили казака. Десятки ударовъ посыпались на несчастнаго, и весь избитый, окровавленный онъ былъ возвращенъ въ аулъ. Весь аулъ сбѣжался смотрѣть на бѣглеца. Чтобы навсегда отбить охоту бѣгать, плѣннику подрѣзали до костей пятки, насыпали въ раны мелко настриженнаго волоса, кожу опять завернули какъ была и завязали тряпками, чтобы срослось такъ же, какъ и было. Цѣлый годъ не могъ ступать плѣнникъ на пятки: чуть прикоснется пяткой къ землѣ, какъ—невыносимая, страшная

боль, рѣзъ и колотье до потери сознанія. Вскорѣ пріѣхали наборщики плѣнныхъ—сарты, и казакъ, какъ ненадежный, былъ проданъ въ Бухару.

„Прошло пять лѣтъ. Тяжелая была жизнь въ Бухарѣ: день и ночь приходилось работать въ саду и цолѣ: рыть арыки, расчищать старые, проводить воду, мотыжить поля (разрыхлять мотыгою), а потомъ—уходъ за скотомъ, домашнія работы,—все это лежало на плѣнныхъ, а кормили такъ же плохо, какъ и у киргизъ. Шелъ какъ-то по этому кишлаку (деревнѣ) купеческій караванъ въ Оренбургъ и остановился здѣсь на нѣсколько дней. Вотъ и сговорился казакъ съ караванъ-башей (начальникомъ каравана), чтобы взялъ онъ его съ собою. Но открыто идти съ караваномъ было нельзя, а потому условились они, что когда караванъ уйдетъ, то черезъ три дня плѣнный долженъ былъ бѣжать и догнать караванъ уже за границею владѣній. Прошло три дня, настала роковая ночь. Весь кишакъ спалъ глубокимъ сномъ, когда плѣнный тихо прокрался и вышелъ за сады. Ночь была темная: но идти по дорогѣ было нельзя; нужно было пробраться около рѣки Сыръ-Дарьи, красться по ея прибрежнымъ камышамъ и зарослямъ. Ночь прошла благополучно и уже свѣтало, когда плѣнный добрался до небольшого кишлака, который необходимо было обойти позади садовъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ жителей, но казакъ рѣшилъ пройти кратчайшей дорогой по берегу Дарьи, пробраться камышами. Было еще очень рано, и навстрѣчу съ кѣмъ либо нельзя было рассчитывать. Едва казакъ сравнялся съ кишлакомъ, какъ неожиданно его встрѣтила старуха, тащившая вязанку калыша. Хотѣлъ было спрятаться казакъ, но было уже поздно: сартянка увидѣла, испугалась и подняла страшный крикъ. Кишлакъ былъ рядомъ, сарты могли въ минуту выскочить и опять прощай свобода! Не взвидѣвъ свѣта казакъ, бросился на старуху, однимъ ударомъ сшибъ ее съ ногъ, ухватился зубами за горло сартянки и перегрызъ его, какъ дикій звѣрь. Ручьемъ хлынула кровь, раздался страшный предсмертный хрипъ, а казакъ бросился бѣжать дальше по камышамъ. На крикъ сартянки изъ кишлака сбѣжалось нѣсколько вооруженныхъ сартовъ. Сартянка еще была жива и знакомъ указала, куда бѣжалъ убійца.

Съ дикимъ крикомъ бросились сарты по слѣдамъ и вскорѣ догнали. Хотѣлъ было казакъ защищаться и не даваться живымъ на новую муку, но страшный ударъ кистенемъ по головѣ лишилъ его сознанія, и онъ, какъ снопъ, повалился на землю; а когда очнулся, то почувствовалъ, что связанъ и на него сыплются удары, а изъ разбитой головы течетъ кровь. Потаскивали его за ноги въ кишлакъ; собралась вся деревня; чинно успѣлись аксакалы, ¹⁾ произвели судъ и тутъ же вынесли приговоръ: „повѣсить убійцу за ноги—внизъ головой“. Принесли веревокъ, привязали къ ногамъ и подвѣсили казака между двумя толстыми деревьями, на сучья которыхъ была положена въ видѣ перекладины толстая палка. „Собака собачья смерть“, рѣшили сарты и стали расходиться; но въ

1) Акъ-бѣлый, сакаль-борода; такъ называютъ стариковъ и старшинъ.

этотъ моментъ прискакала погоня изъ прежняго кишлака,—хозяинъ плѣнника, судья и нѣсколько молодыхъ джигитовъ. Завязался споръ: хозяинъ потребовалъ выдачи своего раба или выкупа за него, такъ какъ плѣнникъ былъ его собственностью; сарты не уступали. Пока велась перепрѣлка, плѣнника спустили на землю и онъ снова сталъ ожидать своей участи. Наконецъ, судья рѣшилъ: если поймавшіе не выдадутъ выкупа, то должны возвратить раба; за убійство же старухи хозяинъ обязанъ наказать его ста ударами плетей. Тутъ-же въ саду положили плѣнника на землю, одинъ сартъ сѣлъ на голову, другой на ноги, а третій самый здоровый началъ сыпать ударъ за ударомъ тонкой плетью съ завитымъ проволокою концемъ. Кровь брызгала послѣ каждого удара, кожа отставала клочками, плѣнникъ снова лишился чувствъ, но ведро холодной воды, вылитое на голову, заставило очнуться, и удары снова посыпались. Израненнаго, измученнаго казака перекинули черезъ сѣдло и опять увезли на старое мѣсто, гдѣ ему пришлось разсчитываться еще за побѣгъ. Второю разъ подрѣзали кожу на пяткахъ и снова всыпали мелко истолченнаго волосу, перемѣшавъ съ порошкомъ и солью, чтобъ сильнѣе разъѣдало.

„Это была послѣдняя попытка бѣжать, и плѣнникъ долженъ былъ смириться съ тяжелой долей невольника. Вскорѣ изъ Бухары его продали въ Хиву, гдѣ онъ пробылъ около 15 лѣтъ, работая въ плѣну у одного богатаго хивинца. Но и тутъ не повезло плѣннику. На 15 году пребыванія въ Хивѣ, на тотъ кишлакъ, гдѣ былъ плѣнникъ, напали грабители туркмены, которые въ числѣ другихъ вещей и скота увезли и Гладышева. Такъ изъ одной неволи онъ попалъ въ новую, хотя у туркменъ пришлось быть недолго. Вмѣстѣ съ награбленнымъ добромъ онъ былъ свезенъ на рынокъ въ Бухару, гдѣ его, какъ знающаго уходъ за садомъ, купилъ одинъ богатый сартъ. Десять лѣтъ пробылъ Гладышевъ рабомъ у этого сарта. Тяжелая жизнь въ неволѣ многому научила, и онъ рѣшилъ использовать эти года,—благо хозяинъ былъ добродушный да и богатый, уважаемый въ окрестныхъ кишлакахъ. По горькому опыту Гладышевъ убѣдился, что бѣжать ему не удастся. Поэтому онъ задумалъ честной работой угодить хозяину, а потомъ какъ нибудь освободиться. Садоводъ онъ былъ хорошій. Много гостей было у сарта-хозяина, хвалили они фрукты выращенные плѣнникомъ и каждый что нибудъ старался подарить ему: кто денегъ дать, кто на рубашку отрѣзать, кто на брюки, а чаще всего халаты давали, иные просто изъ жалости. Бралъ все это казакъ, но самъ не носилъ, а продавалъ хотя и задешево. Такимъ образомъ за десять лѣтъ скопилъ онъ изрядную сумму денегъ, котсрыя хранилъ закопанными въ землѣ. Наконецъ, рѣшилъ просить хозяина отпустить его на волю за деньги. Долго не соглашался хозяинъ: жаль было ему отпустить хорошаго, дарового садовода; но Гладышевъ старался убѣдить, что за десять лѣтъ честной работы онъ сдѣлалъ его еще болѣе богатымъ, что онъ лучше самого хозяина хранилъ его добро. Послѣ долгихъ уговоровъ сартъ сдался. Плѣнникъ принесъ деньги и сталъ свободнымъ черезъ 30 лѣтъ тяжелаго рабства, а потомъ

съ купеческимъ караваномъ вернулся въ Оренбургъ—шестидесятилѣтнимъ старикомъ, между тѣмъ какъ въ плѣнъ попалъ почти безусымъ. Послѣ плѣна Гладышевъ прожилъ еще 30 лѣтъ, женился, прижилъ троихъ дѣтей и умеръ, имѣя отъ роду около 90 лѣтъ. До самой смерти старикъ вспоминалъ свои мученья въ плѣну и страшно любилъ разсказывать о своихъ тридцатилѣтнихъ злключеніяхъ“.

Но немногимъ счастливымъ удавалось убѣжать изъ плѣна или выкупиться; большинство пропадало безслѣдно. Разсказываютъ, что бѣлые рабы и рабыни были у каждаго зажиточнаго киргиза, но особенно много ихъ было въ Хивѣ и Бухарѣ. Старики-казаки, бывшіе участниками завоеванія этихъ ханствъ, передаютъ, что изъ одной только Хивы, послѣ ея покоренія, было освобождено болѣе 4 тысячъ человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые, обзаведясь семьями и хозяйствомъ, добровольно остались на своей второй родинѣ и не пожелали вернуться въ Россію, такъ какъ многимъ возвращаться было совершенно не къ чему, ибо за время ихъ 25—30 лѣтняго пребыванія въ плѣну,—дома все пришло въ упадокъ, все измѣнилось. Нерѣдко можно было наблюдать, что тотъ или другой смѣлый плѣнникъ, вырвавшись, послѣ нечеловѣческихъ усилій, на родину, не имѣлъ ни крова, ни пищи и вынужденъ былъ питаться подаяніемъ. Но несмотря на все это, большинство старалось вырваться изъ тяжелой неволи: ихъ не удерживали ни необъятныя степи, ни сыпучіе пески, ни безводныя непроходимыя пространства; только одни звѣзды небесныя были руководителями ихъ въ трудномъ пути. Но и при этихъ невозможныхъ условіяхъ ежегодно бывало нѣсколько случаевъ выхода изъ далекой Хивы и Бухары, хотя большинство этихъ смѣльчаковъ погибали въ пути.

Много разсказовъ о плѣнникахъ ходитъ среди казаковъ прилинейныхъ станицъ. Постараюсь привести наиболѣе интересныя изъ нихъ, взятые мною изъ путевыхъ замѣтокъ войскового старшины Бухарина, записанныхъ имъ со словъ стариковъ.

Казакъ Сергѣй Егоровичъ Пашковъ на берегу рѣки Урала устроилъ землянку, недалеко отъ кр. Татишевой и занялся рыболовствомъ. Однажды онъ со своимъ пріятелемъ казакомъ Прилукинымъ отправился на рыбалку. Была ужъ поздняя осень и рѣка покрылась льдомъ. Порыбачили казаки да и залегли спать въ своей землянкѣ, упустивъ изъ виду, что киргизы по льду могутъ перебраться. Этого только и ждали киргизы, схватили сонныхъ, связали веревками и увезли въ аулы за Уралъ. На ночлегъ ихъ раздѣли, все у нихъ отобрали,—даже сапоги и теплыя шубы; дали имъ рваный армячишко, а ноги оставили босыми. Кое-какъ изъ разныхъ лохмотьевъ казаки сдѣлали онучи и обернули ими ноги. Въ такомъ состояніи везли казаковъ нѣсколько дней и, наконецъ, добрались до аула, гдѣ Пашкова и оставили, а Прилукина увезли дальше. Здѣсь Пашкова бросили въ черную кибитку, куда загоняли ягнятъ и больныхъ овецъ, постлали камышу да травы и устроили постель. Рядомъ съ плѣнникомъ на такой же подстилкѣ лежали три больныхъ овцы, а посрединѣ на огнѣ стоялъ большой котелъ, въ которомъ варили мясо. Вечеромъ ста-

рая киргизка явилась готовить ужинъ. Вскорѣ сюда же пришелъ хозяинъ съ нѣсколькими киргизами и бросилъ въ огонь желѣзное конское путо. Прошло немного времени, ужинъ сварился, киргизы принялись за ѣду, а обглоданныя кости бросали плѣннику и собакамъ. Наконецъ нѣсколько молодцовъ скрутили связаннаго плѣнника и подтащили къ огню. Хозяинъ обернулъ ноги казака какой-то тряпкой, взялъ щипцами раскаленное путо изъ огня, охватилъ дужкой цѣпи щиколку ноги плѣнника и заклепалъ на живомъ человѣкѣ: „только кожа и мясо зашипѣли подъ раскаленнымъ желѣзомъ“. Отъ сильнаго ожога на ногахъ сдѣлались раны, ноги напухли, а потомъ въ ранахъ завелись черви, такъ какъ никто ничѣмъ не лѣчилъ. Тяжко страдалъ плѣнникъ. Наконецъ, надъ нимъ сжалилась старуха и тайкомъ отъ своихъ смазала раны свѣжимъ саломъ и сдѣлала первую перевязку. Кормили скудно, и только эта же старуха иногда приносила ему или кусочекъ сыру (курта), или мяса, или молока. Раны по-немногу начали заживать, струнья подсыхать, и едва казакъ началъ приступать на ноги, какъ его заставили разгребать снѣгъ для овецъ. Работа была тяжелая, непосильная, кандалы бередили раны. Какъ на грѣхъ сбѣжала одна овца и хозяинъ до полусмерти избилъ плѣнника тяжелой нагайкой. Казакъ упалъ. При паденіи кандалы сорвали поджившую кожу, и раны заболѣли сильнѣе прежняго. На помощь снова пришла старуха и тайно лѣчила его. Цѣлую зиму пролежалъ казакъ и очень подружился съ старухой. Однажды она принесла бобовъ и при немъ стала гадать о его судьбѣ, сообщивъ, что весною онъ долженъ непременно бѣжать, такъ какъ иначе его продадутъ въ Хиву. Тяжелая дума запала въ казачье сердце. Нелегко было бѣжать съ больными ногами, а еще тяжелѣе была неволя. Одна только старуха утѣшала казака, только она одна по человѣчески относилась къ нему, сообщая о всѣхъ планахъ хозяина, о его дѣлахъ и перекочевкахъ.

Пришла весна: киргизы вышли изъ зимовокъ. Ноги у плѣнника немного поджили, но самъ онъ отъ болѣзни и голода сильно похудѣлъ и ослабъ; больная правая нога похудѣла настолько, что можно было легко снять желѣзное кольцо; но казакъ по-прежнему завязывалъ ногу, хромалъ и не подавалъ виду. Наконецъ, плѣнникъ рѣшилъ бѣжать. Старуха снабдила его нѣсколькими кусочками курта (сушеннаго овечьяго сыра) и дала нѣсколько совѣтовъ: „иди по Моисееву пути ¹⁾; тутъ искать не будутъ, а если на еленя ²⁾ направишься, то изловятъ. Этотъ путь безопаснѣе, хоть и дальше отъ Урала“. Казакъ бѣжалъ въ указанную сторону, чтобы отвлечь вниманіе погони. Проплутавъ цѣлую ночь, онъ на свѣту разыскалъ яму и залегъ въ ней. Весь дорожный запасъ составляли три кусочка курта. Казакъ задремалъ; но крикъ погонщиковъ — пастуховъ разбудилъ его. Онъ вылѣзъ на бугорокъ и увидѣлъ цѣлый караванъ кочующихъ киргизъ, шедшій мимо того мѣста, гдѣ онъ находился. Снова прыгнувъ въ яму, накрылъ себя сухою травой, бурьяномъ, прилегъ, присло-

¹⁾ Млечный путь.

²⁾ Большая медвѣдица.

нившись головой къ стѣнкѣ. Вдругъ надъ самой головой видить верблю-
жью ступню: верблюдъ чуть не оступился. Еще минута, и казака откры-
ли бы. Прошло еще нѣсколько минутъ, и черезъ яму на всемъ скаку
перепрыгнула лошадь съ киргизской дѣвушкой—невѣстой, а за нею пере-
махнуть конный джигитъ, очевидно, женихъ дѣвушки. Но хуже всего
пришлось отъ собакъ: цѣлой стаей они окружили яму и подняли страш-
ный вой и лай. По счастью киргизы не обратили на это вниманія. Отсю-
да казакъ повернулъ къ линіи, но по несчастью, оставилъ въ ямѣ куртъ,
взятый на дорогу. Четверо сутокъ шель онъ безъ пищи: оборвался о
колючку, изранилъ ноги о камни. На пятый день добрался до озера,
нарвалъ камышу, пожевалъ кореньевъ, но вдругъ въ камышахъ нашель
журавлиное гнѣздо съ двумя яйцами. Взялъ одно, разбилъ, въ немъ ока-
зался уже созрѣвшій цыпленокъ. Съ жадностью проглотилъ его казакъ,
а затѣмъ и второго. Вдали показалось нѣсколько конныхъ киргизъ, бы-
стро ѣхавшихъ къ озеру. Бросился туда казакъ, забился въ камыши и
сталъ ждать. Вскорѣ подѣхали и киргизы. По ихъ голосамъ онъ узналъ,
что они изъ того аула, откуда онъ бѣжалъ; значить, его слѣдъ открыть,
и погоня уже настигла его. Киргизы разсыпались цѣпью и поѣхали по
камышамъ. Дѣло было плохо, могли открыть, и казакъ переползъ въ со-
сѣднюю лоцинку, а оттуда обратно въ осмотрѣнныя камыши. Долго кир-
гизы бродили по камышамъ, но безуспѣшно и поѣхали назадъ. Выбрался
плѣнникъ изъ озера, обсушился на яркомъ солнышкѣ, отдохнулъ немного,
помолился и двинулся дальше, обходя попутные аулы, сторонясь дорогъ
и проѣзжающихъ. Такъ онъ шель 21 день, питаясь однимъ только ди-
кимъ лукомъ, полевымъ чеснокомъ, да корнями травы „чакана“. Страш-
ный голодъ давалъ себя чувствовать. Случайно наткнулся онъ на свѣжую
нору сурка, досталъ обломокъ серпа, найденный въ камышахъ озера и
засунулъ руку въ нору, откуда вытащилъ трупъ сурка съ оторванной
задней ногой: вырѣзалъ серпомъ у сурка грудину, оборвалъ кожу, и какъ
дикій звѣрь, началъ рвать сырое мясо; глоталъ, почти не пережевывая. Къ
вечеру онъ почувствовалъ сильный жаръ внутри, тошноту и сталъ искать
воды, но ея нигдѣ не оказалось. Наступилъ жаръ, солнце жгло немилос-
сердно: силы оставили путника, и онъ въ полномъ изнеможеніи упалъ
на траву, мысленно простился съ далекой родиной и съ родными. Тяже-
ло было умирать, какъ дикому звѣрю, среди степи, во вражьей землѣ,
одинокому, всеми забытому страдальцу. Очнулся казакъ отъ сильного
шума: стадо сайгаковъ вихремъ пронеслось мимо него. Былъ уже вечеръ;
на сѣверѣ виднѣлась темно-синяя полоска, которую плѣнникъ принялъ
за тучу; всмотрѣлся и торопливо пошелъ по „Моисееву пути“. Въ пред-
разсвѣтномъ туманѣ впереди не ясно обозначались валы крѣпости и вы-
сокая колокольная съ православнымъ крестомъ. Отъ радости послѣднія
силы оставили страдальца, и онъ, какъ подкошенный, снова безъ чувствъ
повалился на землю, недалеко отъ валовъ. Казачій разъѣздъ поднялъ
его, и скорѣ плѣнникъ очнулся за валами родной Орской крѣпости.

Пашковъ вернулся на родину больнымъ, разбитымъ человѣкомъ; но радъ былъ, что хоть умереть ему пришлось по христіански въ родномъ краю, среди родныхъ людей.

Около 1822 г. изъ поселка Орловскаго нѣсколько казаковъ и казачекъ были на работѣ при устьѣ рѣчки Суундукъ. Долиной незамѣтно пробралась партія киргизъ и врасплохъ напала на работающихъ. Хотя у казаковъ и было оружіе, но они оставили его въ телѣгахъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, а 17 взято въ плѣнъ, изъ коихъ убѣжало двое, — Метелевъ и Чернецовъ; казачка же Надежда Рѣчкалова пробыла въ плѣну 20 лѣтъ и по возвращеніи страшно тосковала, а мусульманскіе праздники всегда проводила съ киргизами — пастухами. Марія Метелева, двое Чернецовыхъ и Шавкяновъ были проданы въ Хиву. Варвара Чернецова жила при ханскомъ дворѣ и вышла замужъ за хивинца, отъ котораго имѣла двухъ сыновей. Братъ ея, Даніилъ, забылъ русскій языкъ, копалъ въ Хивѣ арыки и вмѣстѣ съ другими нѣсколько разъ перепродавался на базарахъ, съ арканомъ на шеѣ.

Казачка Елена Дурманова, родившаяся въ Хивѣ и вывезенная оттуда 6 лѣтней дѣвочкой, рассказывала, что отецъ ея пробылъ въ плѣну 18 лѣтъ. Киргизы обращались съ нимъ безбожно: поили соленою водою, руки и ноги связывали арканами, ни пить, ни ѣсть не давали; чтобы не дать возможности бѣжать, подрѣзали пятки, набили раны волосомъ и съ арканомъ на шеѣ вели въ Хиву продавать. Въ Хивѣ были цѣлый форштадтъ русскихъ, которые здѣсь имѣли свои дома, жили семьями и молились по русски.

Все рассказы о плѣнныхъ указываютъ на то, что особенно тяжело приходилось имъ отъ киргизъ, которые сильно истязали ихъ. За всякую попытку къ побѣгу обычно подрѣзали пятки, набивали туда мелко настриженного конскаго волоса и заживляли раны. Подъ кожей образовывался особый слой волоса, причинявшій нестерпимыя страданія при малѣйшей опорѣ на пятку, такъ что плѣнники были вынуждены цѣлые года двигаться на однихъ пальцахъ. Питаніе было чрезвычайно скудное: обычно кормили отбросами наравнѣ съ собаками. Плѣнники жили впроголодь и вынуждены были тайкомъ отъ хозяевъ добывать себѣ пищу, — доили овецъ, пили это молоко; но нерѣдко питались и падалью, поджаривая ее на кизякѣ. Помѣщеніемъ ихъ служили рваныя кибитки, въ которыя обыкновенно загонялся больной скотъ. Зимой часто приходилось спать въ хлѣвахъ между овцами; чтобы не замерзнуть, старались забраться среди овецъ и согрѣваться ихъ тѣломъ, такъ какъ теплой одежды плѣнникамъ не давали, а водили ихъ въ рваныхъ армякахъ изъ грубаго верблюжьяго сукна. Обычнымъ занятіемъ плѣнниковъ были черныя тяжелыя работы, ухаживать за скотомъ и т. п., при чемъ все это исполнялось ими или въ желѣзныхъ оковахъ, или въ путахъ изъ грубой невыдѣланной кожи (сыромяти). — Свободно плѣнниковъ почти никогда и никуда не пускали, а только связанными и подъ надзоромъ кого либо изъ киргизъ. Киргизы

держали у себя плѣнныхъ не болѣе одной—двухъ зимъ, а затѣмъ про-
довали ихъ въ Хиву и Бухару.

А. Кривошековъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ исторіи Уфимскаго края.

Уфимскій край во второй половинѣ XVIII вѣка.

(Изъ исторіи политическаго быта и экономическихъ отношеній въ краѣ)

(Продолженіе 1).

Исторія Уфимскаго края во второй половинѣ XVIII вѣка отмѣчена цѣлымъ рядомъ весьма крупныхъ перемѣнъ, сравнительно съ предше-
ствующимъ столѣтіемъ. Это былъ періодъ распространенія въ краѣ обще-
русскихъ административныхъ и сословныхъ началъ. Особенно богатымъ
событіями въ этомъ отношеніи былъ 1785 годъ, когда были открыты въ
Уфѣ: намѣстническое правленіе, уголовная, гражданская и казенная
палата, уѣздный судъ, верхняя и нижняя расправы, верхній и нижній
земскій судъ, депутатское собраніе. Съ открытіемъ въ 1787 году при-
каза общественнаго призрѣнія и въ 1798 году волостныхъ правленій для
казенныхъ или бывшихъ экономическихъ (монастырскихъ крестьянъ и
выселенцевъ), вмѣстѣ съ существующимъ въ Уфѣ раньше магистратомъ,
былъ составленъ полный комплектъ административныхъ и сословныхъ
русскихъ учреждений XVIII вѣка. Такое явленіе въ исторіи Уфимскаго края
не было случайностью, но тѣсно связано было съ внутреннимъ состояніемъ
изучаемой области. Только въ анализѣ различныхъ явленій внутренней
жизни края и можно найти ключъ къ пониманію тогдашнихъ событій.

Въ 1773—4 годахъ надъ Уфимскимъ краемъ пронеслась страшная
гроза въ видѣ памятнаго въ свое время мѣстнымъ жителямъ Пугачев-
скаго бунта. Ураганомъ пронеслись по Уфимскому краю шайки Пугачева,
все уничтожая на своемъ пути, сжигая города, деревни и села, безпо-
щадно губя людей, разоряя земледѣліе, торговлю и промышленность. То
была кровавая страница въ лѣтописяхъ мѣстнаго края, въ весьма мрач-
ныхъ тонахъ рисующая это для насъ уже далекое прошлое. Центръ
Уфимскаго края, городъ Уфа, мужественно выдержалъ 10-ти мѣсячную
осаду, хотя оборонительныя средства его въ то время и были крайне

1) См. „Вѣстн. Оренб. уч. Окр.“ 1913 г. №№ 1, 4 и 7—8.

3-й г. изд.

№ 4-й.

ВѢСТНИКЪ
ОРЕНБУРГСКАГО
УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1914 годъ.

1928 г.
ОЦЕНОЧНЫЙ
№ 521

У Ф А.
Электр. типо-лит. Т-ва «О. П. Соловьевъ и К^о.
1914.

III. Научный отдѣлъ.

На Оренбургской пограничной линіи.

Очерки прошлаго.

(Окончаніе).

Изъ дѣлъ Оренбургской пограничной комисіи, образованной при Оренбургскомъ генераль-губернаторѣ и вѣдавшей дѣла объ увозимыхъ въ плѣнь и вышедшихъ изъ плѣна, видно, что борьба между русскими и киргизами на Оренбургской линіи началась съ самаго основанія пограничныхъ крѣпостей. Здѣсь нелишне будетъ прослѣдить увозы русскихъ людей въ плѣнь съ середины XVIII вѣка, чтобы ярче очертить приемы киргизъ при набѣгахъ и дать общую картину бѣдствій и тѣхъ ужасовъ, которые творились тамъ, гдѣ теперь мирно раскинулись казачьи станицы, а рядомъ съ ними аулы нѣкогда страшныхъ киргизъ, ставшихъ теперь русскими подданными.

Изъ составленной въ 1832 г. ст. сов. Жуковскимъ вѣдомости ¹⁾ о числѣ плѣненныхъ на Оренбургской линіи видно, что въ теченіе 42 лѣтъ увезено киргизами 2893 чел., по 70 чел. въ годъ, въ среднемъ.

Г о д а.	Взято въ плѣнь.	Выкуплено обратно.	Г о д а.	Взято въ плѣнь.	Выкуплено обратно.	Г о д а.	Взято въ плѣнь.	Выкуплено обратно.	Г о д а.	Взято въ плѣнь.	Выкуплено обратно.
1758	4	—	1771	50	—	1781	7	17	1791	36	38
1760	41	—	1772	9	—	1782	34	52	1792	43	34
1761	7	—	1773	13	—	1783	20	43	1793	70	49
1763	1	—	1774	1380	—	1784	120	25	1794	66	50
1764	3	—	1775	93	—	1785	115	66	1795	105	54
1765	9	—	1776	144	—	1786	15	59	1797	59	26
1766	13	—	1777	4	—	1787	14	32	1798	37	27
1768	1	—	1778	12	5	1788	18	41	1799	127	48
1769	1	—	1779	17	4	1789	32	45	1800	27	11
1770	64	—	1780	3	11	1790	79	48			
									42 г.	2893	786

Изъ приведенной вѣдомости видно, что наибольшее число увозовъ въ плѣнь падаетъ наконецъ XVIII ст. и особенно на тяжелый для края

¹⁾ Матеріалы, стр. 468.

1774 годъ, когда всѣ силы съ линіи были стянуты для подавленія Пугачевского бунта. Въ это время пограничная линія оказалась совершенно беззащитной, и потому набѣги киргизъ происходили безнаказанными и въ 1774 году было увезено ими въ плѣнъ 1380 человекъ. Выкупъ плѣнныхъ начался лишь съ 1778 года, при чемъ въ нѣкоторые годы показано больше выкупленныхъ, чѣмъ взятыхъ въ плѣнъ. Это объясняется тѣмъ, что въ числѣ выкупленныхъ показаны плѣнные въ прежніе годы. Выкуплено не болѣе 27,2% общаго числа взятыхъ въ плѣнъ. Сверхъ того, весьма немногимъ удалось бѣжать изъ плѣна. Вся же остальная масса, около 70%, пропала безслѣдно.

Хорунжій Мордвинцевъ,¹⁾ плѣненный въ 1774 году съ четырьмя казаками около кр. Переволоцкой, рассказываетъ, что въ Хивѣ онъ, пробывъ 2½ года, видѣлъ очень много русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ услуженіи почти у всѣхъ хивинцевъ по 2—5 человекъ, а у старшины города Чагатая Сеитбая ихъ было 40 человекъ. Не лишено интереса и заявленіе Мордвинцева, въ которомъ онъ проситъ возвратить ему стоимость имущества, захваченнаго у него киргизами: лошадь съ сѣдломъ 17 руб., сабля 5 руб., турка казенная (ружье) 4 руб., кафтанъ 7 руб. 50 к., бешметъ 3 р. 50 к., пашка 2 р., сапоги 1 руб. 50 коп. и проч. Другой плѣнникъ Коноваловъ говоритъ, что въ городкѣ Урганичѣ находится до 300 человекъ русскихъ невольниковъ.

Казна за каждого выкупленнаго изъ плѣна платила по 200 руб; но сами киргизы предпочитали получать не деньгами, а животными: отъ 50 до 100 барановъ или отъ 7 до 10 кобылъ за каждого плѣнника; казакъ же Илья Созоновъ былъ проданъ киргизомъ за 20 концовъ бязи, 10 концовъ пестряди (выбойки) и 3 конца голи. Хивинцы покупали у киргизъ плѣнныхъ на золото, платя за плѣнника отъ 30 до 50 червонцевъ, т. е. отъ 120 до 150 руб.

Смѣлость киргизъ въ набѣгахъ доходила до того, что они брали въ плѣнъ почти у самыхъ крѣпостей. Такъ, казачьи малолѣтки Иванъ Ханжинъ и Иванъ Сысоевъ были взяты въ плѣнъ въ 3 верстахъ отъ Оренбурга въ 9 часовъ вечера съ пашни. Вмѣстѣ съ ними киргизы захватили 5 казачьихъ лошадей, ходившихъ около самыхъ кладбищъ, перевезли за Уралъ, къ горѣ Сулакъ, гдѣ Ханжину отрѣзали лѣвое ухо и нанесли 10 ранъ копьемъ въ спину, а Сысоеву дали плетью нѣсколько ударовъ, подбили глазъ и бросили обоихъ¹⁾. Въ 1824 году, наканунѣ дня пріѣзда въ Оренбургъ Императора Александра I, была захвачена и увезена киргизами вдова казачьяго офицера, остановившаяся около города на берегу Урала. Женщина съ двумя малолѣтними дѣтьми пріѣхала въ Оренбургъ изъ одной крѣпости, чтобы увидать царя. Ко дню пріѣзда Государя въ Оренбургъ съѣхалось такъ много народа, что всѣ гостинницы и постоянные дворы были переполнены; поэтому вновь прибывшая вынуждена была выѣхать изъ города и остановиться для ночлега на берегу Урала, около

¹⁾ Матер., стр. 271.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

крѣпостныхъ валовъ. Съ нею была женская прислуга и кучеръ. Ночью вдову окружила конная партія киргизъ, которые связали ее по рукамъ и ногамъ, кинули въ одной сорочкѣ поперекъ лошади на сѣдло, переправились черезъ Уралъ вплавъ и быстро скрылись въ степи. Слуги подняли тревогу. Партія казаковъ бросилась въ погоню, но киргизъ не нашли ¹⁾. Или вотъ еще случай. Въ трехъ верстахъ отъ ст. Новокардаиловской въ 4 часа дня, партія киргизъ напала на обозъ, ѣхавшій съ сѣномъ и снопами хлѣба. Киргизы убили 6 человекъ, изранили 3, избили 2, а шестерыхъ увели въ плѣнъ. По тревогѣ были посланы казаки съ окрестныхъ пикетовъ въ погоню, но хищники скрылись; и только 2 ноября, обследовавъ оба берега Илека, удалось напасть на слѣдъ и захватить одного киргиза. Его наказали 25 ударами плети, поставили знаки: на лбу—„В“, на одной щекѣ—„О“ и на другой—„Р“ и сослали въ каторжныя работы ²⁾.

1 іюня 1823 года по дорогѣ изъ Переволоцкой крѣпости въ Ново-сергіевскую, вблизи Полтавскаго редута, 5 вооруженныхъ киргизъ напали на войскового есаула Ивана Вас. Падурова и прапорщика Медвѣдева съ деньщикомъ Михайловымъ. Падуровъ исполнялъ должность адъютанта при войсковомъ атаманѣ и ѣхалъ со служебными бумагами. Между офицерами и киргизами произошла горячая схватка, при чемъ Падуровъ вырвалъ у одного киргиза пикъ и ударилъ его въ щеку; но въ это время самъ былъ раненъ пикою же въ правое плечо, правую ногу и получилъ страшный ударъ чекмаремъ (топоръ на длинномъ древкѣ) по головѣ. Еле—живой Падуровъ былъ увезенъ въ аулы батыря Джуламана, кочевавшего на р. Хобдѣ. вмѣстѣ съ Падуровымъ были захвачены прапорщикъ Медвѣдевъ, деньщикъ его Михайловъ и подводчикъ-малолѣтокъ Кожевниковъ. Въ тотъ-же день балкиръ Абдуловъ явился въ Переволоцкую и заявилъ, что при переѣздѣ черезъ рѣчку Камышъ-Самару, на него напали 4 киргиза, связали ему и сыну руки и ноги, сорвали бумажникъ, накрыли кошмою и скрылись. 3 іюня партія казаковъ была послана на розыскъ, и въ 15 верстахъ отъ Переволоцкой, въ логу, въ сторонѣ отъ дороги, нашли брошенную киргизами почтовую повозку съ разбитыми сундуками и изорванными бумагами и вещами. Для розыска Падурова въ киргизскую степь были посланы „конфиденты“. Такъ назывались киргизы и татары, состоявшіе на службѣ у генераль-губернатора и пограничной комиссіи, слѣдившіе за настроеніемъ въ степи и употреблявшіеся для розыска плѣнныхъ и вообще для секретныхъ дѣлъ. Кромѣ того въ степь былъ посланъ урядникъ Плѣшковъ, который и отыскалъ Падурова въ аулѣ Джуламана. Джуламанъ послалъ съ Плѣшковымъ къ генералу Эсену, письмо въ которомъ просилъ отпустить изъ Оренбургскаго острога киргиза Тюленбая Кундукова и жаловался на стѣсненіе киргизъ по случаю занятія Илецкаго района. Падуровъ пробылъ въ плѣну четыре мѣсяца и содержался такъ же, какъ и другіе плѣнники: ходилъ въ изорванной киргизской одеждѣ, нась

¹⁾ Тамъ же, стр. 496.

²⁾ Тамъ же, стр. 495.

барановъ, а на ночь на него надѣвали кандалы. Отпущенъ онъ былъ изъ плѣна съ кофидентомъ муллою Бикиновымъ и купцомъ армяниномъ Шахмировымъ за подарки на сумму 327 рублей ассигнаціями. Урядникъ Плѣшковъ въ послѣдствіи былъ задержанъ Джуламаномъ и, какъ передаютъ, изрубленъ киргизами въ куски и сваренъ въ котлѣ. По распоряженію Эссена, семейству Плѣшкова было выдано пособіе въ размѣръ 1000 руб. изъ казенныхъ суммъ. Не лишена интереса переписка объ отпускѣ плѣннаго Падурова между войсковымъ атаманомъ Тимашевымъ и Джуламаномъ. Привожу эти письма полностью ¹⁾, какъ образчикъ официальныхъ сношеній того времени съ азіатскими властелинами.

Почтеннѣйшій старшина и тарханъ,

Юламанъ Тлянчикозичъ!

Покойный родитель мой, коллежскій Совѣтникъ и кавалеръ Тимашевъ, во время жизни его, былъ съ вашимъ родителемъ великій другъ, что самое даетъ мнѣ право надѣяться, что вы не откажете въ первой покорнѣйшей просьбѣ моей, которая состоитъ въ слѣдующемъ:

„Служившій при мнѣ адъютантомъ есауль Падуровъ увлеченъ киргизами въ плѣнъ, и нынѣ, какъ я извѣстился, отобравъ отъ нихъ вами и находится при вашемъ аулѣ. По причинѣ сей и по праву дружеской связи, бывшей между нашими родителями, я убѣждаю Васъ покорнѣйшею просьбою сжалиться надъ несчастнымъ семействомъ помянутаго есаула Падурова, которое очень велико и осталось послѣ него въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; надѣясь при семъ, что вы, по сострадательности своей и человеколюбію, не откажетесь исполнить такого дѣла, которое принесетъ вамъ всеобщее уваженіе и побудитъ не только меня, но и здѣшнее главное правительство, вознаградить великодушіе ваше наградой отличною и въ особенности заставить меня, по примѣру родителей нашихъ, заключить съ вами союзъ дружеской. Во увѣреніе чего подписавъ сіе своеручно, прилагаю именную мою печать. 29 сентября 1823 г.“.

Отвѣтъ Джуламана.

Ваше Высокоблагородіе,

Милостивый Государь,

Егоръ Николаевичъ!

Пріятнѣйшее письмо ваше, отправленное ко мнѣ съ письмоводителемъ хорунжимъ Биккининымъ и армяниномъ Шахмировымъ съ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, изъ коего вижу, что вы, помня дружбу отца моего, просите о возвращеніи изъ плѣна служащаго при васъ адъютантомъ есаула Падурова; во уваженіе каковой просьбы и снисходя на заслуги извѣстныя намъ посланныхъ вашихъ хорунжаго Биккинина

¹⁾ Тамъ же, стр. 465.

и армянина Шахмирова, отдалъ я имъ есауля Падурова, для доставленія къ услугамъ вашимъ. А вмѣстѣ съ симъ, позвольте мнѣ, какъ на друга, имѣть надежду, что Ваше Высокоблагородіе по вступившимъ прежде сего къ Его Высокопревосходительству, г. Оренбургскому Военному Губернатору и кавалеру, отъ всего киргизскаго народа просьбамъ, въ разсужденіи претерпѣваемыхъ ими обидъ и притѣсненій, не оставите употребить со своей стороны въ пользу нашу милостивое ходатайство; въ каковомъ случаѣ по тому болѣе увѣренъ, что вы изъявляли готовность свою оказывать намъ всякое пособіе. Поручая сіе провидѣнію Божію, остаюсь къ Вашему Высокоблагородію съ достодолжнымъ почтеніемъ и преданностью; въ вѣрности сего Тарханъ Батырь Юламанъ Тлянчинъ на подлинномъ печать свою приложилъ. Октября 27 дня 1823 года“.

Оба письма были отправлены на татарскомъ языкѣ.

Есаулъ Падуровъ былъ потомокъ Оренбургскаго депутата комиссіи 1766 года,—Тимофея Падурова, казненнаго вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ 1775 году ¹⁾.

Впослѣдствіи Падуровъ командовалъ № 9 Оренбургскимъ полкомъ въ Дунайской арміи въ войну 1828—29 г.; затѣмъ состоялъ старшимъ членомъ войскового правленія, а съ 1853 по 1859 г. въ чинѣ генералъ-майора былъ наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Но возвратимся къ описанію киргизскихъ набѣговъ, которые продолжались вплоть до введенія въ ордѣ гражданскаго управленія. Стычки происходили почти каждый день; но иногда разыгрывались и цѣлыя сраженія. 26 іюня 1826 года разѣздъ изъ двухъ казаковъ и трехъ башкирцевъ, вышедшій съ Илецкаго форпоста по р. Илеку былъ окруженъ партіей киргизъ въ 50 человекъ. Завязалась ожесточенная неравная борьба, при чемъ оба казака и башкиры были изранены и взяты въ плѣнъ. Ихъ увезли за Илекъ, гдѣ находилась новая партія киргизъ въ 100 человекъ. По счастью одинъ башкиръ какъ-то вырвался и на глазахъ киргизъ ускакалъ изъ плѣна, поднявъ по линіи тревогу. Для преслѣдованія хищниковъ изъ крѣпости выѣхала команда въ 140 человекъ, подъ начальствомъ есаула Аржанухина, и нагнала киргизъ при устьѣ р. Каинды, въ 50 верстахъ отъ линіи. На рѣчкѣ было расположено очень много ауловъ, и вскорѣ къ хищникамъ присоединились огромныя новыя толпы киргизъ, одѣтыхъ въ панцыри и кольчуги, хорошо вооруженныхъ, съ длинными ружьями и на свѣжихъ лошадяхъ. Начался опять неравный бой; при первыхъ выстрѣлахъ киргизы со всѣхъ сторонъ обложили казаковъ и пустили палы (зажгли сухую траву), стрѣляя въ казаковъ съ коней и изъ за прикрытій. Часто дѣло доходило до рукопашныхъ стычекъ; но киргизы уходили, заманивая казаковъ въ глубь степей. Сраженіе продолжалось семь часовъ подъ рядъ. Казаки выпустили 800 патроновъ; при чемъ убито 6 киргизъ, очень много ранено людей и лошадей; у казаковъ ранено 9 человекъ. Казаки отбили три

¹⁾ См. мой очеркъ „Казачьи депутаты въ комиссіи 1766 г. въ „Вѣстн. Оренб. Уч. Окр.“ 1913 г. № 4.

лошади, киргизскій значекъ, много оружія, но плѣнныхъ отбить не было возможности, вслѣдствіе численнаго перевѣса киргизъ; почему поздно вечеромъ команда вернулась обратно. Тучи киргизъ со всѣхъ сторонъ навалились на горсть казаковъ и провожали ихъ около 8 верстъ. Казакамъ пришлось отступать спѣшеннымъ строемъ, непрерывно отстрѣливаясь.

Такія схватки не были рѣдкостью и происходили почти ежедневно, такъ какъ киргизы довольно часто дѣйствовали значительными силами, хотя остерегались сталкиваться съ русскими отрядами, а потому большею частью нападали на небольшія партіи русскихъ въ 10—12 человекъ. Но бдительность сторожевыхъ казачьихъ постовъ спасала товарищей: въ нѣсколько минутъ тревога распространялась по линіи, и на помощь окруженнымъ врагами со всѣхъ сторонъ спѣшили отряды казаковъ и башкиръ. 22 іюля 1833 года изъ кр. Уртазымской была послана небольшая команда казаковъ и башкиръ на р. Бурлю для перевозки накошеннаго тамъ сѣна. Едва команда приблизилась къ рѣчкѣ, какъ огромная партія киргизъ, до 500 чел. хорошо вооруженныхъ и одѣтыхъ большею частью въ стальные кольчуги, окружила горсть русскихъ. Началась перестрѣлка. На сосѣднихъ пикетахъ загорѣлись въ знакъ опасности маяки. Изъ крѣпости и сосѣднихъ постовъ уже неслись команды на выручку, а за ними было послано легкое орудіе. Въ теченіе часа двинуто было 165 человекъ. Въ схваткѣ ранено 2 унтеръ-офицера, 1 солдатъ, 10 казаковъ и 2 башкира. Киргизы ушли въ степь. Впослѣдствіи оказалось, что эта партія была подъ начальствомъ старшины Тюляка Айдарова и состояла изъ киргизъ Кипчакскаго и Аргынскаго родовъ. Ею были захвачены въ плѣнъ четыре башкира, а затѣмъ устроенъ набѣгъ на аулы сосѣдняго джагай-балинскаго рода, кочевавшие недалеко отъ линіи. Разбито 44 кибитки, захвачено 57 лошадей, 1276 барановъ, 220 головъ рогатаго скота, всего на 9000 р. разнаго имущества и 416 р. наличными деньгами.

Не однимъ казакамъ доставалось отъ киргизъ; хватали всякаго неосторожнаго. Такъ, 27 марта 1827 г. киргизами былъ захваченъ священникъ Степной крѣпости Павелъ Левашевъ, отправившійся въ сосѣдній редутъ для совершенія требъ. Со священникомъ поѣхалъ учитель Царевъ. Въ 14 верстахъ отъ крѣпости на нихъ напали киргизы и окружили. Ямщику было нанесено 7 тяжелыхъ ранъ; Царева ранили въ руку пикою и ударомъ топора въ плечо и ногу, а священника въ високъ. Всѣхъ раздѣли, захватили всѣ вещи и въ томъ числѣ св. дарохранительницу. Пострадавшіе избѣжали плѣна только потому, что всѣ трое бросились въ воду. Погоня, посланная съ сосѣдняго форпоста, настигла киргизъ въ 20 верстахъ отъ линіи: одинъ киргизъ былъ убитъ, остальные скрылись въ лѣсу, бросивъ лошадей и захваченное имущество ¹⁾. Но не такъ счастливо отдѣлался священникъ Орской крѣпости Иванъ Рязановъ, ѣхавшій въ Верхнеозерную въ сопровожденіи только одного башкира, даннаго ему

¹⁾ Матеріалы, т. IX стр. 48.

изъ линейной стражи ¹⁾. Не доѣзжая 13 верстъ до Верхнеозерной, въ оврагъ на священника напали киргизы, вооруженные пиками, саблями, ножами и пр. Окруживъ повозку, киргизы повернули ее въ сторону. Повозка опрокинулась, и священникъ съ проводникомъ выпали. Киргизы набросились на нихъ, приставили къ ихъ груди ножи и, угрожая саблями, заставили молчать. Завязавъ обоимъ глаза и скрутивъ назадъ руки, киргизы посадили ихъ на выпяженныхъ лошадей, связали имъ ноги подъ брюхомъ коней и увезли въ степь. За р. Ураломъ киргизы остановились, развязали башкира, сняли съ него одежду и пустили; священника тоже раздѣли, подѣлили между собою его одежду и деньги и повезли дальше. Вечеромъ киргизы остановились на ночлегъ, сняли священника съ лошади, положили на землю вверхъ лицомъ, подсунули подъ голову и ноги по пикѣ, къ которымъ и привязали его, а сами сѣли на концахъ пикъ. Въ такомъ положеніи онъ провелъ ночь. На слѣдующемъ ночлегѣ священника заковали въ конскія желѣзныя путы и только на третій день добрались до своего аула, гдѣ и передали плѣнника батырю Араслану. Для розысковъ священника Оренбургская пограничная комиссія отправила въ орду старшину Кула Чикабаева съ чиновникомъ Аитовымъ, выдавъ ему открытое предписаніе ко всеѣмъ султанамъ-правителямъ и вліятельнымъ киргизамъ, съ просьбою всеѣмъ содѣйствовать освобожденію священника, обѣщая „отличнѣйшія награды“. При помощи киргизъ священникъ былъ найденъ у батыря Араслана, который и согласился отпустить его за выкупъ въ 150 рублей.

Кромѣ плѣненія русскихъ, главные хищническіе набѣги киргизъ были направлены на угонъ скота, который доставлялъ имъ значительную прибыль. Перечислить все киргизскіе набѣги нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они происходили почти въ каждой крѣпости ежедневно, и только суровая зима нѣсколько пріостанавливала киргизъ, которые въ это время уходили на югъ, да и скотъ линейцевъ былъ въ это время въ крѣпостяхъ. Относительно угона скота приведу выписку изъ матеріаловъ, взятыхъ изъ дѣлъ войскового архива. 1—4 апрѣля 1824 г. киргизы угнали 43 лошади съ хуторовъ около Троицка. 9 апрѣля—14 лошадей изъ деревни Ахуновой. 25 апрѣля въ д. Буляковой изъ табуна угнали 63 лошади, а пастуховъ связали. 3 мая на пикетѣ у форп. Гумбейскаго угнали 2 лошади. 11 іюля изъ кр. Верхнеозерной—угнали 27 лошадей; 22 іюля—15 лошадей у кордонной стражи на покосѣ. 26 іюля—10 лошадей около ред. Спасскаго. 29 августа взяли въ плѣнъ отставного солдата Васильева, уѣхавшаго за р. Уралъ для сбора хмѣля. 3 сентября угнали 33 лошади у башкиръ дер. Московской; 5 сентября—11 лошадей, 7 сентября—36; 11 сент.—22; 14 сент.—35; 27 сент.—21. Съ 5 октября по 17 ноября—276 лошадей, а 18 ноября цѣлый табунъ въ 20 косяковъ ²⁾ и т. д. безъ конца. Эта краткая выдержка даетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 66.

²⁾ Матеріалы за 1824 г.

вполнѣ опредѣленное понятіе о томъ, что творилось на линіи. Къ розыску виновныхъ, къ поимкѣ хищниковъ, конечно, принимались энергичныя мѣры; но трудно было уберечься каждую минуту, такъ какъ набѣги не прекращались.

Вотъ что писалъ по этому поводу Оренбургскій губернаторъ графъ Сухтеленъ въ 1830 г.—директору Азіатскаго департамента ген. Родофиникину ¹⁾. „Безпрестанные набѣги дерзновенныхъ и доселѣ рѣдко наказанныхъ киргизцевъ по всему пространству Оренбургской линіи, обратили на себя мое вниманіе и убѣждаютъ меня въ необходимости постановленія немногихъ примѣровъ строгости. Мѣры сіи должны служить не только для возстановленія совершенно упущенной исправности полинейной службы, но вмѣстѣ съ тѣмъ клониться и къ необходимому внушенію иновѣрнымъ понятія уваженія и послушанія: ибо я вынуждаюсь здѣсь сознаться, что вліяніе наше едва ли простирается отъ линіи въ степь за 25 верстъ, а безопасность далѣе обзора нашихъ аванпостовъ“. Это письмо бросаетъ яркій свѣтъ на причины слишкомъ открытыхъ и смѣлыхъ набѣговъ, чинимыхъ киргизами. Дѣйствительно, со времени Неплюева русское правительство держалось здѣсь исключительно оборонительной тактики, отнюдь не вдаваясь въ глубь степи для наказанія виновныхъ и разгрома непокорныхъ хищниковъ, по виду присягнувшихъ на вѣрность Россіи, но въ дѣйствительности мечтавшихъ о своей волѣ.

Эти тайныя мечты въ 1843 г. вылились въ реальную форму: подъ начальствомъ Кенисары Касимова киргизы подняли общее возстаніе противъ русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣры гуманности только размножали набѣги и держали въ страхѣ прилинейное русское населеніе, особенно въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, послѣ знаменитаго приказа Эссена „не переходить симовую линію при преслѣдованіяхъ киргизскихъ партій“, о чемъ было сказано выше. Что побудило Эссена издать такой приказъ, до сего времени остается невыясненнымъ; но послѣдствія его были слишкомъ ощутительны для русскаго населенія, отданнаго во власть киргизъ. Иначе и болѣе правильно смотрѣли на дѣло борьбы съ киргизами преемники Эссена. Уже Волконскій, при всей своей гуманности, отлично понималъ это и счелъ необходимымъ отмѣнить злополучный приказъ. Сухтеленъ настаивалъ на принятій болѣе рѣшительныхъ мѣръ, обязавъ всѣхъ султановъ и киргизскихъ старшинъ строжайше преслѣдовать воровъ, о чемъ и предписалъ Оренбургской пограничной комиссіи ²⁾. „Кочующіе близъ линіи киргизы способствуютъ своимъ хищнымъ однородцамъ въ угонѣ башкирскихъ лошадей тѣмъ, что въ случаяхъ, когда слѣды идутъ на ихъ аулы, они всегда отзываются, что не замѣтили ихъ, а сами выгоняютъ на слѣды свой скотъ, съ умысломъ уничтожить ихъ. Чтобы прекратить на будущее время такое покровительство ворами со стороны кочующихъ при линіи ордынцевъ, надо кромѣ взятія аманатовъ, въ залогъ благополучнаго кочеванія, обязать старшихъ и почетныхъ киргизовъ под-

¹⁾ Тамъ же, стр. 118.

²⁾ Предписаніе 1832 г. за № 1970.

писками въ томъ, что всякій изъ нихъ отвѣчаетъ за обѣ стороны своего кочевья и не долженъ допускать воровъ прокрадываться между аулами, а при невозможности отклонить и удержать злонамѣренныхъ киргизовъ отъ хищничества, немедленно увѣдомлять о томъ комендантовъ крѣпостей и начальниковъ отрядовъ. Башкирцевъ 4, 6 и 9 кантоновъ обязать наистрожайше, чтобъ они не выпускали свои табуны на подножный кормъ безъ достаточнаго присмотра, на ночь же пригоняли въ селенія или карды и держали ихъ тамъ за надежнымъ карауломъ; объявить имъ, что, не исполняя этого, они теряютъ все права на отысканіе лошадей, угнанныхъ киргизами, и сверхъ того подвергнутся наказанію по законамъ“. Генераль Перовскій 6 мая 1839 года циркулярно подтвердилъ, чтобы коменданты крѣпостей неусыпно наблюдали за исполненіемъ мѣръ охраны линіи вообще и прилинейныхъ жителей въ частности. Строго воспрещалось всемъ жителямъ выѣзжать изъ домовъ безъ оружія и по одиночкѣ, почтѣ и проѣзжающимъ—безъ конвоя. Табуны скота предписывалось имѣть подъ надежнымъ достаточнымъ прикрытіемъ воинскихъ командъ и содержать ихъ въ мѣстахъ безопасныхъ отъ угона. На полевые работы выѣзжать только значительными вооруженными партіями и для предохраненія отъ внезапнаго нападенія выставять сторожевые посты, а на ночь съѣзжаться вмѣстѣ и ограждать себя телѣгами и земледѣльческими орудіями, ввидѣ укрѣпленныхъ карре, скотъ загонять внутрь и имѣть надежный караулъ. Въ случаѣ нападенія или появленія около линій киргизъ преслѣдовать ихъ въ глубь степи, „насколько собственная безопасность и благоразуміе дозволить могутъ; при нападеніи хищниковъ на жителей линіи въ полѣ или въ мѣстахъ жительства все должны мужественно защищаться и отражать нападеніе, не взирая ни на какое превосходство непріятеля въ числѣ“.

Несмотря на принятые мѣры предосторожности, набѣги киргизъ продолжались съ прежнею силою, такъ какъ, хотя эти мѣры и налагали нѣкоторыя обязанности на аулы, кочующіе вблизи линіи, и давали возможность преслѣдовать хищниковъ безъ ограниченія времени, но общая тактика, какъ и прежде, была оборонительною и клонилась къ отвращенію и предупрежденію набѣговъ и внезапныхъ вторженій на линію, и не давала права громить виновные аулы, въ которыхъ укрывались хищники. Въ этой миролюбивой политикѣ и крылись, главнымъ образомъ, причины смѣлыхъ набѣговъ, которые особенно усилились въ сороковыхъ годахъ минувшаго XIX столѣтія и вызвали новый строгій приказъ по линіи слѣдующаго содержанія: 1) „Предлагаю г.г. командирамъ линейныхъ оренбургскихъ казачьихъ полковъ принять къ точному исполненію и вмѣнить въ обязанность станичнымъ и кордоннымъ начальникамъ, дабы въ случаѣ тревоги и во всякое время не только кордонная стража была въ готовности къ оборонѣ отъ внезапныхъ покушеній хищниковъ и преслѣдованія ихъ, но и все живущіе на линіи казаки обязаны содѣйствовать стражѣ

1) Приказъ по войску 20 мая 1845 г. за № 94.

въ преслѣдованіи и пораженіи злонамѣренныхъ киргизовъ: относительно же исполненія службы кордонною стражею и соблюденія осторожности при охраненіи табуновъ и на полевыхъ работахъ исполнять со всею строгостію предписанныя правила: 1) Къ коннымъ табунамъ, принадлежащимъ кордонной стражѣ, наряжать всегда достаточный караулъ подъ начальствомъ благонадежныхъ урядниковъ, а въ случаѣ неимѣнія на лицо урядниковъ, ввѣрять табуны испытаннымъ въ исправности и расторопности приказнымъ казакамъ. 2) Не позволять жителямъ ни подъ какимъ видомъ отлучаться изъ селеній на полевые работы и вообще по домашнимъ надобностямъ безъ огнестрѣльнаго оружія, исправность котораго, сколько можно, осматривать чаще въ станицахъ черезъ наличныхъ офицеровъ и урядниковъ. 3) Пастьбу обывательскихъ конныхъ табуновъ не ввѣрять киргизамъ, подъ опасеніемъ преданія военному суду станичныхъ начальниковъ и строгой отвѣтственности полковыхъ командировъ. Къ табунамъ непремѣнно наряжать отъ станицъ достаточный караулъ, а чтобъ черезъ отвлеченіе для сего жителей не могло случиться разстройство въ хозяйствѣ, то дозволяется казакамъ одной станицы, но живущимъ въ разныхъ селеніяхъ, соединять свои гулевые табуны въ одно безопасное мѣсто и изобильное для пастьбы; тогда и караулъ для жителей не будетъ обременителенъ. 4) Сдѣлать немедленно повѣрку, всѣ ли жители, имѣющіе ружья и пистолеты, снабжены по 10 боевыхъ патроновъ, и если окажется въ нихъ недостатокъ, то немедленно раздать порохъ и свинецъ изъ станичныхъ запасовъ, чтобы впослѣдствіи ни начальники, ни подчиненные въ оплошности своей и неисполненіи предписаннаго не могли приносить неумѣстныхъ отговорокъ. 5) Станичные начальники, судьи и приказные въ отрядахъ должны строго наблюдать, чтобы киргизы въ станицахъ безъ билетовъ не проживали ни подъ какимъ видомъ, а прибывающіе изъ за границы въ дозволенныхъ для сего мѣстахъ, по исполненіи на линіи своихъ надобностей, немедленно были отсылаемы обратно въ степь подъ надзоромъ кордонной стражи; равнымъ образомъ приказать домохозяевамъ имѣть наблюденіе за поступками киргизовъ-работниковъ, и въ случаѣ покушенія ихъ къ преступленіямъ или только по подозрѣнію къ неблагонамѣреннымъ поступкамъ представлять къ начальству для поступленія по предписаннымъ правиламъ или для высылки за-границу. 6) Полковые командиры поставляются въ непремѣнную обязанность лично и черезъ офицеровъ находиться въ непрерывномъ сношеніи съ прилинейными старшинами и почетными киргизами, а также старшими султанами, когда сіи послѣдніе будутъ близъ линіи, стараясь получить отъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія о происшествіяхъ и слухахъ въ ордѣ“.

Выше мною уже упоминалось, что прилинейныя крѣпости были упразднены въ 1836 году и обращены въ казачьи станицы; гарнизонные баталіоны были переселены на новую линію и обращены въ казаки, а полевые отправлены на службу въ укрѣпленія Туркестанскаго края; такимъ образомъ вся охрана линіи была возложена исключительно на казковъ. Въ 1840 году войско получило новое устройство: всѣ казачьи

станции раздѣлены на 10 полковыхъ округовъ, по нѣскольку въ каждомъ, и, вмѣсто прежнихъ дистанчныхъ начальниковъ, подчинены полковымъ командирамъ; въ каждую станицу въ свою очередь назначенъ станичный начальникъ, соотвѣтствующій нынѣшнему атаману станицы.

Это не такъ отдаленное время еще живо въ памяти стариковъ-линейцевъ, и въ каждой прилинейной станицѣ, въ каждомъ поселкѣ вы еще встрѣтите живыхъ свидѣтелей грозной эпохи, которые расскажутъ о трудныхъ временахъ. „Теперь что? — говорятъ старики, — куда хочешь, туда ѣдешь, ни о чемъ не думаешь; а вотъ въ наше время, — избави Богъ, — выѣхать въ одиночку, живо пропадешь; хорошо, если живъ останешься, а ужъ лошадей-то обязательно отберутъ. Теперь киргизъ замирился, а раньше, — не приведи Богъ, — что было. Зато и среди нашихъ молодцы были: не давали спуска гололобымъ. Дня не проходило, чтобъ въ Тоболѣ трупъ киргиза не нашли. Вотъ какъ работали! Хотя и они насъ донимали, ну, да и имъ доставалось“. Много ходитъ рассказовъ среди линейцевъ о молодецкихъ подвигахъ своихъ станичниковъ; всѣхъ ихъ не перечсть. Для характеристики приведу нѣкоторые частью слышанные и записанные мною, а частью — другими лицами. „Былъ у насъ въ станицѣ“, — рассказывалъ мнѣ одинъ старикъ, — „казакъ Андрей Савельичъ Кандаловъ; вотъ джигить, такъ джигить! ну, и поклялъ же онъ, — прости его Богъ! — нашихъ тамыровъ-киргизушекъ. Пашня у Кандалова была верстахъ въ 7 отъ станицы у Чернаго Логу. Жилъ онъ тамъ, почитай, все лѣто, то на полѣ работалъ, то охотился въ бору на волковъ да лисицъ. Хитрый былъ старикъ и кровь заговаривать зналъ и лошадей отъ воровъ заговорить умѣлъ. Никого не боялся. Я былъ еще лѣтъ 10 и жилъ у него борноволокъ. Помню, на пашнѣ у него была избушка дерновая: но въ ней мы никогда не спали, а на ночь стлали соломы на крышѣ избушки, тутъ и спали, чтобы виднѣе было и киргизы врасплохъ не захватили. Зарядить ружье, положить подъ бокъ, а пистоль подъ голову; около меня все кистень клалъ, утыканный желѣзными гвоздями. Было у него три огромныхъ собаки — волкодава; вотъ они-то и служили сторожами. Разъ около полночи проснулся я отъ сильного лая. Гляжу, — три челоуѣка верхомъ ѣздить около нашихъ лошадей. Хватился, — Андрея нѣтъ. У меня и душа точно выскочила, хотѣлъ закричать, да ничего не вышло: горло будто перехватило отъ страху. Гляжу, — одинъ киргизъ слѣзъ и нагнулся надъ передними ногами лошади, должно быть, распутать хотѣлъ. Вдругъ что-то мелькнуло въ воздухѣ и послышался глухой ударъ. Киргизъ повалился на землю, а двое другихъ ударили по лошадамъ и угнали. Страхъ обуялъ меня, и не помню ужъ, какъ я закричалъ „дяденька!“ Тотъ прибѣжалъ ко мнѣ и говоритъ: „молчи, не бойся, — воры были да угнали: ты посиди въ березникѣ, а я только гостя въ боръ увезу“. — Нѣтъ, молъ, не останусь я, боюсь, дяденька. — „Ну, говоритъ, давай лови обоихъ гнѣдковъ и поѣдемъ вмѣстѣ“. Поймалъ я лошадей, перекинулъ онъ мертваго киргиза черезъ спину лошади; сѣли мы и отвезли въ черную рѣчку, за боръ, а тамъ спустили съ яру, только круги по-

шли. Прошло послѣ этого съ недѣлю, и все было спокойно. Какъ-то передъ вечеромъ прїѣзжаетъ къ намъ знакомый киргизъ и говоритъ Андрей: „Смотри,—сегодня на тебя нападутъ родичи убитаго. Поѣзжай лучше домой. Я твой тамыръ и тебѣ добра желаю“. Андрей только усмѣхнулся да и говоритъ: „у насъ у русскихъ поговорка есть: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.—Какъ-нибудь справлюсь, только вотъ мальченку, пожалуй, надо отправить. Дѣло было ужъ въ сумеркахъ.—Не поѣду, говорю я, дяденька, боюсь: лучше я въ лѣсокъ спрячусь. Поужинали мы, забрался я въ яму въ березникъ, а Андрей опять на крышу залѣзъ и собакъ съ собой положилъ. Ночь была свѣтлая. Яма заросла высокимъ бурьяномъ сверху. Сажу я въ бурьянъ и посматриваю. Вдругъ слышу конскій топотъ, и человекъ 5 киргизъ подѣхали къ избушкѣ, да, видно, не знаютъ, гдѣ искать. Одинъ слѣзъ и пошелъ потихоньку въ избушку. Вдругъ съ крыши раздался выстрѣлъ почти въ упоръ и одинъ вершникъ повалился. Лошадь забила и понесла. Въ это время Андрей выстрѣлилъ изъ пистолета, повалился второй вершникъ. Собаки бросились на киргизъ и завязалась борьба между человекомъ и звѣремъ не на жизнь, а на смерть. Одинъ изъ киргизъ ударилъ Андрея пикой и прокололъ плечо, а самъ бросился на крышу и сдѣлался съ нимъ. Хотя и здоровъ былъ Андрей, но киргизъ, видно, сильнѣе былъ. Схватились они и покатались съ избушки. На помощь богатырю кинулся еще одинъ киргизъ. Казака повалили и начали душить. Слышу Андрей крикнулъ Пиратку. Тотъ бросился на помощь и схватилъ одного киргиза за горло. Тотъ киргизъ, который былъ въ избушкѣ, такъ и не вышелъ: его загрызли до смерти двѣ борзыхъ, а какъ услышали крикъ хэяина, и они бросились на помощь. Что тутъ было, я ужъ не помню, такъ какъ свалился въ яму и забился въ самый низъ. Слышу, кто-то меня кричитъ, а разобрать не могу. Едва едва понялъ, что меня зоветъ Андрей, да изъ ямы-то выглянуть боюсь. Кой-какъ выбрался, гляжу, киргизъ ужъ нѣтъ, у Андрея рука завязана, а въ избушкѣ кто-то харчитъ (хрипитъ). „Запрягай,—говоритъ Андрей,—въ телѣгу лошадь“. Я трясусь еще и едва-едва запрегъ. Пошелъ Андрей въ избушку и за ноги выволокъ киргиза. Онъ еще хрипѣлъ. Взглянулъ я и въ ужасъ отшатнулся: на головѣ висятъ клочки кожи, лица не видно, а горло напрочь перервано. Это собаки его такъ ухостили. Подняли мы киргиза на телѣгу и увезли опять въ Черную рѣчку. Вотъ какія дѣла раньше бывали. Что грѣха таить: вѣдь у насъ изъ стариковъ, пожалуй, ни одного не найдешь, чтобъ душу киргизскую не загубилъ. Будемъ каяться Богу, да что подѣлаешь?—видно, ужъ намъ такъ на роду написано“.

Приведу еще одинъ рассказъ, изложенный К. Кузнецовымъ,¹⁾ о типичномъ старикѣ-линейцѣ. „Въ нашей станицѣ всякій мальчуганъ, получившій свободу выхода изъ дома безъ провожатаго, прежде всего попадалъ на заимку дѣда Потапа. Заимка дѣда, какъ и самъ дѣдъ Потапъ

¹⁾ Оренб. каз. войско, какъ община, стр. 60—63.

давно-давно прижалась къ нагорному берегу, гдѣ Тоболъ принимаетъ въ свои объятія мелкоструйчатая, отливающая небесной-синевой, воды рѣки Уя. Самъ дѣдъ Потапъ, магическій обладатель заимки, на дѣтей производилъ неотразимое впечатлѣнiе: сколько ему было лѣтъ, никто опредѣлить не рѣшался; но онъ выглядѣлъ бодро: высокаго роста, широкій въ плечахъ, немного согнутый впередъ, съ чистымъ круглымъ лицомъ, съ сѣдо-изъ-желта бородкою и большими сѣрыми глазами, зорко смотрѣвшими изъ-подъ нависшихъ бровей. Говорилъ онъ отрывисто, но рѣчь его была связная, живая. Вотъ какъ онъ характеризуетъ былую жизнь. Время было не то, не теперешнее; время было бойкое, тревожное. Если самъ не предупредишь врага, то онъ тебя прикончитъ; прикончитъ ни за что, ни про что, ни за понюхъ табаку. Вонъ и теперь наши-то Дженгабулатычи (киргизы) пошаливаютъ, да что ихъ шалость—одинъ смѣхъ,—заячья, прости Господи; въ тихомолку, въ безпросвѣтную ненастную ночь украдутъ послѣднюю кормилицу лошадку у беззащитной вдовы, вотъ и все! Лѣтъ двадцать тому назадъ, пожалуй, съ хвостикомъ будетъ. ¹⁾ елшанцевъ ²⁾ только переселили съ Самарской линiи къ намъ сюда. Славные люди эти елшанцы, да только неувертливые. Сколько ихъ пострадало отъ этихъ вѣтрогоновъ. Дѣдъ указалъ въ сторону киргизъ.—Смотришь, гдѣ нибудь въ талахъ, въ колкахъ убитый казакъ; послышишь,—у того жену или ребенка басурманы въ полонъ увезли. А сколько лошадей отобрали? счету нѣтъ. Поля наши, какъ теперь, всѣ были за Уемъ, на границѣ съ мужиками. Тамъ давно стало безопасно: башкиръ шалить пересталъ, крестьяне люди мирные,—они только за насъ и прятались. Другое дѣло на границѣ съ киргизами: и сейчасъ тамъ никто не пашетъ, никто поля не заводитъ. Положимъ, посѣвъ-то былъ не великъ: осминникъ ³⁾—другой пшеницы, осминничекъ бакчей, ⁴⁾—вотъ и вся наша пашня. Стоило ли рыться въ землѣ, когда старательный казакъ могъ зашибить копейку на перевозкѣ соли изъ-за форпостной линiи въ крѣпость. Соль-то матушку изъ озеръ привозили киргизы тайкомъ, цѣлыми караванами,—контробандами значить, воровали. Имъ, вишь, можно было везти только до Тобола, а оттуда къ намъ нельзя, здѣсь таможня;—баста! Тамыры ⁵⁾ то наши вотъ что дѣлали: на берегу Тобола вырыли ямы, туда и сыпали соль, а потомъ нашимъ русскимъ такъ ямами и продавали. Торговлю солью вели не казаки, а разночинцы,—вотъ эти Солевозовы, Корсаковы, Краснопѣвы. Нашъ казакъ плохой торговецъ, къ тому же времени нѣтъ заниматься этимъ—служба! Уйму деньжищъ нажили солеторговцы. Придетъ, бывало, въ станицу захудалый мѣщанинъ, Христа ради перебивается день за день. Возьмется за соль,—черезъ 5 лѣтъ богачемъ сдѣлается, палаты строить. Правду сказать, всѣ-то они не лучше нашихъ-то сосѣдей-киргизовъ. Съ акцизными сторгуются, возьмутъ свидѣтельство на сто

1) Въ 40-хъ—50-хъ годахъ XIX ст

2) Казаки Елшанской станицы; переселены въ 40-хъ годахъ.

3) Четверть десятины.

4) Такъ казаки называли поля, засѣянные арбузами.

5) Знакомцы, прiатели.

пудовъ, прибьютъ его на самое видное мѣсто, а тамъ и пересыпаютъ десятки тысячъ пудовъ на воза крестьянъ и въ амбары шадринскихъ купцовъ. Казакъ нашъ ловкій, смысленный, мигнетъ Кузьмичу: „лобанчиковъ ¹⁾ де мнѣ надо. Кои твои-то ямы?“ Тотъ ему расскажетъ, а самъ,—ни Боже мой,—не поѣдетъ. За эти лобанчики сколько погибло головушекъ казацкихъ! Казакъ чуть-чуть замѣшкается, отстанетъ отъ артели,—киргизы его накроютъ: они тутъ какъ тутъ,—отберутъ все: лошадь, сбрую, мѣшки, полога, а самого спустятъ въ Тоболъ. Иди, говорятъ, лови бурокъ. Такая повадка у нихъ и по сю пору.

„Наканунъ престольнаго праздника (Троицына дня), какъ собирався отсюда въ станицу, раскинулъ я двѣ-три сѣтишки (сѣти) въ чайни, не дастъ ли Богъ себѣ на свѣчку, да и мнѣ на широгъ. Наступилъ Троицынъ день. Православные сходили къ обѣднѣ, помолились Богу; пообѣдавши, стали собираться компаньями,—праздновать престолъ. Наша компанія, гдѣ я былъ, набралась большая,—погостить у каждаго въ этотъ день не успѣла. Многіе костью легли, а многіе истомились отъ шума и гама пьяной толпы. И я поѣхалъ сюда на свою займку только ради того, что вольготнѣе, чѣмъ въ душевной избѣ, къ тому же и саврасый мой, думаю, будетъ на корму. Спускаясь съ горы на „Низъ“, я подумалъ: сегодня барантаци непременно понавѣдаются сюда, отобьютъ лучшей косячокъ ²⁾ и угонять: ужъ больно случай-то для нихъ хорошъ, другого такого не сождать,—все казаки мертвецки пьяны. Корыстны ³⁾ ли ночи въ іюнѣ,—заря съ зарей сходитя. Только задремалъ, слышу топотъ. Вскочилъ, набросилъ на себя куртку, подошелъ къ савраскѣ, а онъ насторожился—слушаетъ; прислупался и я. Все яснѣе становится топотъ: не мало ихъ; значить, порядочный табунокъ отхватили! Гонять прямо сюда на березовый бродъ: лучше этого мѣста и желать нельзя,—тутъ все, какъ бы, подъ одно устроено: и бродъ, и балка. Трудно только одно,—перегонять лошадей черезъ воду—бродъ глубокий. А какъ перегонять,—поминай, какъ звали,—ищи вѣтра въ полѣ!—Я то что буду дѣлать?—Покажись—убьютъ: ихъ много, ты одинъ,—шепчетъ мнѣ врагъ. Но не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ чувствую, что все нутро мое перевернулось въ головѣ зашумѣло, въ виски какъ молотомъ молотятъ, совѣсть твердитъ—трусъ ты, а не дѣдъ Потапъ! Мигомъ меня отрезвило. Первое, что пришло въ голову,—сообразить, какъ лучше устроиться и вступить въ бой съ барантаци. Забѣжалъ я въ избу, захватилъ вотъ это ружьецо и батикъ ⁴⁾; столкнулъ ботъ и проскользнулъ черезъ рѣку. Вотъ ружьецо-то я купилъ славнецкое; купилъ я его на форпостъ послѣ смерти казака Мельникова. Славный былъ казакъ,—царство ему небесное!—лихой, прочный. И умеръ то онъ изъ-за своей лихости. Осенью послѣ Кузьминокъ, барантаци ⁵⁾ угнали лошадей съ Андреевскаго форпоста,—онъ за ними

¹⁾ Золотая монета, ходившая до Крымской войны.

²⁾ Косякъ лошадей—небольшой табунъ.

³⁾ Корыстны—невелики, коротки.

⁴⁾ Родъ кистеня,—палка съ шишкой на концѣ.

⁵⁾ Барантаци—хищники, разбойники—киргизы.

въ погонь. Они прямо вплавь черезъ воду, и онъ за ними, а несло шугу¹⁾; лошадей-то отбилъ, а самъ простудился да и померъ. Захватилъ я ружьецо да порохового зелья и забрался въ камышъ на киргизскомъ берегу. Показались тѣни на водѣ. Кони, подогнанные къ берегу Тобола, немного позамялись—въ воду не идутъ, но свистъ укрючинъ²⁾ столкнулъ табунъ съ берега. Впереди табуна плыветъ одинъ изъ молодцовъ-барантачей; конь подъ нимъ звѣрь-звѣремъ: плывъ легко, плавно, разрѣзая зеркальную поверхность и слегка пофыркивая. Всадникъ и конь отлично знали дорогу, шли къ тому мѣсту, гдѣ былъ отлогій берегъ и широкое окно между камышами. Я весь насторожился. Стою на опушкѣ камыша съ другой стороны на самомъ вѣрномъ пути,—миновать его никакъ нельзя. Ботъ свой крѣпко прикололи тычками съ обѣихъ сторонъ, отлично схоронившись отъ глазъ барантачей. Я рѣшилъ дѣйствовать въ рукопашную, батикомъ, а стрѣлять только въ крайнемъ случаѣ. Очень сподручно подѣхалъ ко мнѣ этотъ беззаботный богатырь, да и могъ ли онъ думать, что вотъ тутъ-то и ждетъ его смерть. Такъ неожиданно, такъ ловко опустилъ я на него свой батикъ, что онъ даже вскрикнуть не успѣлъ и свалился въ воду, мертвымъ. Задніе барантаци не могли знать объ участи своего товарища: насъ скрывалъ камышъ и утрення полутьма. Сообразивъ, что дѣйствовать противъ двухъ-трехъ киргизовъ мнѣ въ этомъ мѣстѣ не выгодно, я быстро придвинулъ ботикъ ближе къ берегу, гдѣ можно дѣйствовать навѣрняка. Передній изъ джигитовъ закричалъ сосѣду: „держи ближе ко мнѣ, тамъ тебя отвесетъ,—на дорогу не попадешь!“ Самъ въ это время былъ уже у тростника. Онъ сильно дышалъ, отдувался отъ усталости. Конь подъ нимъ былъ не изъ лучшихъ. Жду. Но каково же было мое удивленіе! Барантачъ не пошелъ по проторенному пути, а свернулъ въ тростникъ—напрямикъ къ берегу. —„Уйдегъ“,—мелькнуло у меня въ головѣ: „стрѣлять нельзя, а батикомъ не захватишь“. Нужно опередить. Я спрыгнулъ съ бота въ воду, забѣжалъ впередъ и появился какъ разъ на его пути въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончался тростникъ. Внезапное мое появленіе такъ ошеломило киргиза, что онъ даже задержалъ ходъ лошади. Ударить его мѣшалъ тростникъ, я бросился къ лошади и схватилъ за узду. Лошадь рванулась, оттолкнула меня, но по счастью не сбила съ ногъ и прошла мимо меня впередъ. Я крѣпко ухватился за хвостъ обѣими руками. Конь утопая въ вязкомъ грунтѣ, протащилъ меня до тѣхъ поръ, пока я не нащупалъ ногами берегъ. Воспользовавшись моментомъ, когда конь увязилъ задніе ноги въ тину, я вскочилъ черезъ крупъ и схватилъ сѣдока за шею. Кубаремъ мы оба слетѣли въ воду. И что тутъ произошло,—до сихъ поръ мнѣ противно вспомнить. Однако, я его переборолъ. Стало совершенно свѣтло. По берегу дошелъ я до бота, поставилъ его подъ яръ, чтобъ моему отступленію препятствій не было. Большая часть лошадей вышла ниже моей позиціи. Но сколько вышло барантачей, я знать не могъ.

¹⁾ Шуга—мелкій ледъ.

²⁾ Укрючина—длинная палка съ веревочной петлей на концѣ.

Зналъ лишь одного, который переговаривался съ покойнымъ своимъ товарищемъ. Раздался гикъ, лошади стали собираться. Противъ моей засады остановился киргизъ. Я прицѣлился, нажалъ курокъ,—грязнулъ выстрѣлъ. И барантачъ, мотнувшись на лошади, сползъ на траву безъ стона. На нашемъ берегу появились два брата Марковыхъ и Сысоевъ, лучшіе казаки станицы, первые развѣдчики и бойцы. На крѣпостной голоколынь забили набать. Я уже плылъ на свой берегъ и сгѣшилъ захватить съ собой хоть одного казака съ ружьемъ. Наши раздѣвались и пускались плыть черезъ Тоболъ въ погоню за хищниками. На Тобольномъ форпостѣ показался густой столбъ дыма, извѣщавшій казаковъ о большомъ происшествіи. Къ вечеру мы привели въ крѣпость всѣхъ лошадей, въ томъ числѣ двѣ киргизскихъ“.

Только что приведенные рассказы записаны на восточномъ концѣ Оренбургской пограничной линіи, въ станицахъ Звѣриноголовской и Усть-уйской. Нелишнимъ будетъ привести и нижеслѣдующій рассказъ объ Архипѣ Лябзинѣ, записанный въ 1890 году на западномъ концѣ этой линіи, въ поселкѣ Хабарномъ, около Оренбурга войсковымъ старшиною Бухаринымъ ¹⁾. Поселокъ Хабарный получилъ свое названіе потому, что образовался самовольно на одномъ изъ бродовъ рѣки Урала, служившихъ дорогой для киргизъ. Однимъ изъ первыхъ поселенцевъ былъ Архипъ Лябзинъ, обладавшій огромною физической силой: „одинъ вытащилъ корову, упавшую въ погребъ, пока собирали народъ; отлично стрѣлялъ изъ лука, употребляя стрѣлы длиною въ 7 четвертей; на сто сажень стрѣлокъ сбивалъ голубя и шапку съ кола“. „Онъ былъ родомъ Чебаркулецъ ²⁾ и былъ въ Хабарной старшимъ,—безъ него ничего не дѣлалось; орда его боялась. Киргизскій батырь ³⁾ Кодобай былъ ему пріятелемъ по слѣдующему поводу. Кодобай попался ему въ барантъ ⁴⁾. Лябзинъ и говорить ему: „неприлично батырю убивать батыря“, и въ разливъ вешней воды посадилъ его въ ледяную воду и держалъ въ ней до тѣхъ поръ, пока Кодобай далъ ему честное слово слушаться его, а потомъ привелъ Архипу тройку лошадей и подарилъ лисій халатъ. Киргизскіе батыри Сагырь и Татай и башкирскій Кутюръ тоже были его пріятелями. Съ Кутюромъ Архипъ подружился на рыбалкѣ въ башкирскихъ водахъ. Архипъ рыбачилъ и наклалъ возъ рыбы, запрягъ лошадь, но не успѣлъ ее еще обвозжать, какъ явился Кутюръ и сталъ въ свой мѣшокъ накладывать изъ воза рыбу. Архипъ сперва посмотрѣлъ, а потомъ взялъ Кутюра за поясной ремень, положилъ на возъ и сѣлъ на Кутюра. Тотъ его спрашиваетъ: „кто ты?“—Я Архипъ.—Ну, Архипъ отпусти меня, я Кутюръ-батырь“. Тогда Архипъ отпустилъ его и сказалъ: „если ты хочешь быть моимъ другомъ, то побратаемся“. Распахнули до-нага грудь и прижались другъ къ другу. Вскорѣ киргизскіе батыри Сагырь и Татай собрались и хотѣли напасть на башкирскую деревню Елгибаеву. Узнавъ объ

¹⁾ Матеріалы къ исторіи войска, стр. 48; 52—53.

²⁾ Станица Чебаркульская, Троицкаго уѣзда.

³⁾ Богатырь.

⁴⁾ Угонъ скота.

этомъ, Кутюръ далъ знать Архипу и просилъ его помощи. Архипъ самъ поѣхалъ къ Кутюру, и противники встрѣтились у Бишъ-Уба, у вершины рѣчки Елшанки. Тутъ Архипъ передового киргиза сразилъ стрѣлою, киргизы дрогнули, и Архипъ съ Кутюромъ и башкирами преслѣдовали ихъ. Въ 5-мъ кантонѣ славился своею силою кантонный Асатулла, и когда Архипу было уже 110 лѣтъ, зашелъ разговоръ о силѣ. Асатулла похвастался, а ему и говорятъ: „побори вотъ этого старичка!“ „Неравно расшибу его“, отвѣчалъ Асатулла. Архипъ говоритъ: „я ужъ отжилъ вѣкъ, мнѣ 110 лѣтъ,—не бѣда если и расшибешь“. Схватились. Асатулла три раза пробовалъ поднять и смять Архипа, но неудачно, а тотъ такъ хватилъ его на землю, что Асатулла едва всталъ и претендовалъ, что его не предупредили. Разъ на зажорѣ ¹⁾ застрялъ возъ, и лошадь не могла его вытащить; тогда Архипъ выпрягъ лошадь, связалъ оглобли вмѣстѣ и вытащилъ возъ. Пашка у него была отмѣнная,—потникъ ²⁾, сложенный вдвое, на водѣ на плову разрубала. Архипъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ: когда ему было уже болѣе 100 лѣтъ, незнавшіе давали ему 60—65, не болѣе. Умеръ онъ свѣжимъ, со здоровымъ цвѣтомъ лица, сохранивъ слухъ и зрѣніе. Однажды киргизы отбили табунъ Хабаринскаго отряда и ранили казаковъ Салмина и Распатаева. Архипъ узналъ объ этомъ, тотчасъ бросился и четырехъ киргизъ убилъ, раненыхъ своихъ отнял и возвратилъ табунъ. Даже такіе строгіе коменданты, какъ Исаевъ въ Орскѣ, еще помнившій Архипа, уважалъ Лябзиныхъ. Окрестная орда трепетала его, и онъ, главнымъ образомъ, смиралъ ее, потому и начальство благоволило. Умеръ Архипъ въ 1833 году и предсказалъ свою смерть заранѣе. „Я умру,—сказалъ онъ,—въ пятницу на второй недѣлѣ великаго поста“. Когда насталъ этотъ день, онъ всталъ до свѣта и послалъ за священникомъ, но никакой перемѣны въ немъ не было. Затѣмъ соборовался и все время былъ на ногахъ, исповѣдался, причастился и послѣ полудня скончался. Архипъ любилъ угощать башкиръ и киргизъ и всѣмъ оказывалъ хлѣбосольство. Всѣмъ, кто только прибѣгалъ къ нему, а равно на сходахъ, онъ давалъ замѣчательные совѣты, которыхъ не выдумать другимъ и въ два вѣка. Неправды онъ не переносилъ также, какъ напрасной жестокости и обидъ. Комендантъ Михѣевъ былъ звѣрь, а не человѣкъ, жестоко обращался съ людьми и запарывалъ до полусмерти. Однажды Архипъ подкараулилъ его, запряталъ въ мѣшокъ и отдулъ нагайкою, взявъ честное слово, что онъ никому не скажетъ. На другой день Михѣевъ угостилъ его и поставилъ полштофа вина. Съ тѣхъ поръ Михѣевъ сталъ мягче и снисходительнѣе. Сынъ одного чиновника-башкира рассказывалъ въ присутствіи Архипа о своихъ подвигахъ и силѣ—Архипъ выслушалъ, похвалилъ и говоритъ: „дозволь мнѣ пожать, батырь, твою руку и тѣмъ поблагодарить тебя за рассказъ. Тотъ, не зная, кто онъ такой, подалъ ему руку, которую Архипъ такъ пожалъ, что изъ ногтей кровь брызнула. Однажды киргизы въ большомъ числѣ напали

¹⁾ Зажора—снѣгъ съ водою въ логу или на рѣчкѣ весною.

²⁾ Войлокъ, который кладется на спину лошади и подъ сѣдло.

на башкирскаго батыря Барангула и на совѣтъ рѣшили убить его. Раздѣли его до нага и собирались зарѣзать, а онъ попросилъ ихъ позволить ему помолиться по магометанскому закону и отправился на сосѣдную гору. Одна изъ киргизскихъ лошадей вырвалась и вбѣжала тоже на гору, откуда недалеко въ ущельѣ рыбачилъ Архипъ, который и увидалъ на горѣ лошадь съ киргизскимъ сѣдломъ, идущаго за ней киргиза и Барангула, молящагося на горѣ. Онъ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, взялъ свой лукъ и одного за однимъ убилъ киргизовъ. Тѣ пришли въ недоумѣніе и, приписывая это сверхъестественной силѣ, бросились бѣжать, а Архипъ поспѣшилъ къ Барангулу. Съ тѣхъ поръ они считались братьями, и всѣ табуны, болѣе 500 головъ лошадей, Барангулъ просилъ Архипа считать своими и брать любого коня, когда ему вздумается. Вотъ о какихъ герояхъ-казакахъ живетъ память среди прилинейнаго казачества. Въ этихъ преданіяхъ казачье юношество черпаетъ нравственную силу, — удалъ.

Домашній обиходъ прилинейныхъ жителей.

Заканчивая настоящій очеркъ, считаю нелишнимъ упомянуть и о домашнемъ укладѣ мирной жизни былаго далекаго прошлаго. Всѣ преданія стариковъ констатируютъ полнѣйшую простоту домашней жизни. Что касается устройства домовъ, то о нихъ уже упоминалось при описаніи крѣпостей. Обычнымъ типомъ была связь, т. е. двѣ комнаты, — изба и клѣтъ (горница), перегородженная сѣнями; у болѣе бѣдныхъ одна изба съ прирубленными просторными сѣнями, которыя служили лѣтнимъ помѣщеніемъ. Внутреннее устройство было въ общемъ такое же, какъ и теперь въ казачьихъ домахъ. По стѣнамъ въ избѣ шли широкія лавки, наглухо придѣланныя; въ переднемъ углу простой деревянный столъ, покрытый синею или бѣлою холстинною домотканною скатертью; выше, въ углу — божница треугольникомъ ввидѣ двухъ небольшихъ полочекъ, на которой стояло нѣсколько деревянныхъ и частью мѣдныхъ иконъ; въ срединѣ преимущественно помѣщалось большое мѣдное распятіе, а надъ нимъ плащаница — „Положеніе во гробъ“. Вправо отъ дверей ставилась большая кухонная печь, служившая зимою и кроватью, а надъ самымъ входомъ низкія палаты, подъ которыми въ стѣнѣ были набиты гвозди, куда вѣшались одежда, шапки, пояса и т. д. Палаты, стѣны и полъ обыкновенно были выскоблены до желтизны и бѣлились глиною въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Украшеній на стѣнахъ почти никакихъ не было, за исключеніемъ небольшихъ плохонькихъ зеркалъ въ жестяной оправѣ. Горницы или клѣтки были почти одинаковы съ избой; только отсутствовала кухонная печь; ее замѣняла четырехъугольная голландка да, вмѣсто лавокъ, стояли длинныя „софы“, въ родѣ простыхъ деревянныхъ дивановъ, съ досчатою спинкою, и деревянные же скамьи. Какъ софы, такъ и скамьи красились только у чиновниковъ и болѣе зажиточныхъ казаковъ; въ большинствѣ же домовъ тоже скоблились во время мытья. Выше лавокъ, особенно въ избѣ, шли полки, куда клались мелкія домашнія

вещи. а въ кути (у печки) на полкахъ стояли кухонныя принадлежности, сѣльница (ящикъ для высѣиванія муки) и проч.; здѣсь же въ углу придѣлывался небольшой шкафчикъ въ 2—3 полки, гдѣ лежала посуда, преимущественно деревянныя чашки и ложки. Чайной посуды не было и въ поминѣ, такъ какъ самоваровъ не знали. Они появились только лѣтъ 50 тому назадъ и то лишь, какъ роскошь. Старики рассказываютъ, что въ первое время даже не знали, какъ обращаться съ самоварами.

„Самовары у насъ на линіи стали появляться въ 60-хъ годахъ“, — рассказывалъ мнѣ одинъ старикъ, — „сначала у господъ. А кто изъ казаковъ былъ побогаче, и тѣ стали мало-по-малу заводить. Больно хотѣлось бабамъ, щегольнуть передъ другими. Купятъ, бывало, самоваръ и поставятъ его на окно, чтобы другіе видѣли; значитъ, богатый человѣкъ живетъ, коли самоваръ на окнѣ блеститъ, а чай почти не пили, — только развѣ на Рождество да въ Пасху разговлялись около самовара; ну, конечно, гостей ужъ всегда угощали чаемъ, даже впередъ водки подносили чаю. Охъ, смѣху сколько было съ этими самоварами! Помню, моя старуха все допекала меня: „купи да купи самоваръ“. Долго я крѣпился, почти два года, наконецъ, не вытерпѣлъ, — совсѣмъ извела баба. Въ Звигненскую ¹⁾ ярмарку пошли мы съ бабой на базаръ; не отстаютъ баба, — „надо самоваръ“. Ну, зашли въ лавку, прицѣнились, — просятъ 7 рублей. Нечего дѣлать, выбросилъ деньги, захватила моя старуха самоваръ въ охапку, какъ дите малое, и понесла, отъ радости ногъ не чувствуетъ. А была грязь, слякоть, дождь шелъ, лужи кругомъ. Подсколизнулась старуха и со всего размаху пала на спину и самоваръ вылетѣлъ. Я стою хохочу, а она плакать принялась: „пропала, говорить, обновка, что я съ нимъ грязнымъ-то теперь дѣлать буду“. Принесли домой, и надо намъ вскипятить его; а куда воду лить и какъ обращаться съ нимъ, не знаемъ. Открылъ я канфоруку и давай въ трубу воды наливать. Батюшки мой! цѣлый потопъ образовался кругомъ, вода внизу хлынула наружу. Завыла моя старуха, захватила голову свою и набросилась на меня: „пропали, говорить, денежки; худой самоваръ-то купили. Чего ты глядѣлъ, дуракъ старый“. Я и самъ-то вправду испугался, схватилъ самоваръ и маршъ обратно въ лавку: на купцовъ напустился, — зачѣмъ обманываютъ. Тѣ меня спрашиваютъ: „а куда ты, дѣдушка, воду наливалъ?“ — Я имъ показалъ на трубу; — а они — какъ грянуть хохотать. Охъ, бѣды мнѣ было тогда! Просмѣяли всего, да и потомъ казаки долго потѣшались; досталось мнѣ отъ всѣхъ за этотъ самоваръ. Вотъ мы какіе глупые были! А мой сосѣдъ такъ еще лучше устроилъ. Купилъ это онъ самоварчикъ, ну, и, какъ полагается, позвалъ гостей: „вспрыснуть, молъ, надо“. Собрались гости, поставили самоварчикъ и дожидаются, какъ скипитъ. А казачекъ-хозяинъ купилъ фунтъ чаю. Хозяюшка то возьми, да весь фунтикъ-то и ахни прямо въ самоваръ. Чай распарился и получилась черная каша. Наложилъ ее хозяйка на тарелку, посыпала сахаромъ и несетъ на столъ го-

¹⁾ Воздвиженская, 14 сентября.

стямъ: „покушайте, говорить, чайку, гости дорогие!“, даже и ложки положила, думала, что чай-то тоже хлебаютъ, какъ кашу“.

Пища готовилась изъ мяса, котораго въ то время было много и продавалось оно дешево. Утромъ, вмѣсто нынѣшняго чая, готовился завтракъ: мясная лапша, каша изъ просяной крупы и т. п.; въ обѣдъ подавали мясной супъ, ту же кашу, иногда жаркое и студень (холодное, свареное изъ ногъ коровъ и быковъ). Въ праздники были тѣ же кушанья и только во время пирушекъ разнообразили угощеніе различными пирогами и курниками. Въ общемъ кушанья были весьма несложны и малочисленны, но зато обильны. Вся семья ѣла изъ одной деревянной, рѣже глиняной чашки, деревянными ложками.

Любимымъ украшеніемъ казачьихъ домовъ были олени и лосиные рога, которые прибавались къ стѣнамъ и служили спицами, на которыхъ развѣшивалось оружіе,—шашки, ружья, кинжалы, а у иныхъ и кольчуги. Въ казачьемъ обиходѣ кольчугъ собственно не было; онѣ добывались отъ киргизъ, во время набѣговъ и преслѣдованія непріятелей: снимались преимущественно съ плѣнныхъ и убитыхъ киргизъ. Кольчуги вырабатывались изъ мелкихъ стальныхъ колецъ и служили надежною защитою для киргизъ, такъ какъ круглыя и нарѣзныя пули казачьихъ кремневыхъ карабиновъ ихъ не пробивали. Оружіемъ казаки щеголяли, хотя, къ слову сказать, дорогихъ шашекъ, съ богатыми украшеніями не было; но особенно цѣнились клинки. Казенныя ружья были плохіе, били на небольшое разстояніе и вообще не пользовались почетомъ. У каждаго казака было одно или два своихъ собственныхъ ружья, преимущественно заграничной работы, которые они добывали во время европейскихъ войнъ; а такъ какъ готовыхъ патроновъ къ нимъ не было и казакамъ выдавался свинецъ для отливки пуль, то у каждаго для своей винтовки имѣлась особая форма или „калыпъ“, по казачьему выраженію, вслѣдствіе чего каждый казакъ безъ всякаго труда могъ приготовить, сколько угодно, пуль для своего ружья. Войны были довольно часто; и въ каждой изъ нихъ участвовала почти половина взрослого казачьяго населенія, при чемъ каждый казакъ приносилъ изъ похода не мало различныхъ вещей, а въ томъ числѣ хорошее оружіе. Старики рассказываютъ, что особенно много оружія казаки принесли послѣ Наполеоновскихъ войнъ; все оно было въ серебрѣ и золотѣ, патронташи и подсумки серебряныя, шашки на серебряномъ позументѣ; сапоги лакированные, мундиры изъ тонкаго заморскаго сукна; словомъ, всѣ явились щеголями. Серебряныя подсумки продавали по 60 р., а пара пистолетовъ съ насѣчками была и того дороже.

Обычнымъ домашнимъ костюмомъ казаковъ служилъ стеганый бухарскій халатъ и армякъ изъ верблюжьей шерсти; на работу надѣвали сермяги, т. е. короткіе армяки изъ домашняго сукна изъ овечьей шерсти, а въ холодное время шубы съ низкимъ воротникомъ (неоткиднымъ—вершка 1¹/₂, какъ у русскихъ поддѣвокъ). Къ слову сказать, поддѣвокъ у казаковъ не было и до сего времени нѣтъ; вмѣсто ихъ употребляются овчинные полушубки. Вся верхняя мужская одежда была преимуществен-

но киргизскаго покроя. Шапки высокія мерлушковыя, больше черныя съ краснымъ верхомъ и рѣже—другихъ цвѣтовъ. На ногахъ смазные сапоги съ длинными голенищами въ сборку, иногда на высокихъ каблукѣхъ (подборахъ), подбитыхъ гвоздями и мѣдными подковками. Зимой нѣкоторые употребляли валенки; но ихъ въ то время было очень мало, и добывали главнымъ образомъ у крестьянъ; казаки-же преимущественно и зимою носили больше сапоги съ войлочными чулками, какъ нынѣ носятъ киргизы. Тѣльныя рубашки шились изъ бѣлаго домашняго холста, который покупали тоже у крестьянъ. Брюки—изъ черной сермяжины, а лѣтомъ—изъ холста. Въ праздники одѣвались наряднѣе: рубашка шилась изъ выбойки, т. е. бухарскаго бумажнаго холста, (довольно толстаго и грубой работы) съ мелкими темнокоричневыми цвѣтами, а сверху надѣвали форменные темносиніе чекмени, но чаще всего халаты бухарскаго производства, покрытые у бѣдныхъ выбойкою, а у богатыхъ—шелковые, цвѣтныя. Халаты заправлялись въ брюки (подчембаривались); на выпускъ халатовъ не носили. Одѣвались вообще просто, но ярко, какъ всѣ восточныя народы.

Женщины одѣвались тоже въ дотканый холстъ и выбойку. Обычнымъ костюмомъ былъ русскій сарафанъ одинаковаго покроя, какъ у женъ офицеровъ, такъ и у простыхъ казачекъ. Матеріаломъ для домашняго сарафана служилъ синій холстъ и бухарская выбойка, а праздничный дѣлался преимущественно изъ голубой китайки и бурмети, т. е. крашеннаго толстаго холста; украшенія были рѣдки, и только у зажиточныхъ грудь обшивалась золотымъ или серебрянымъ позументомъ; у иныхъ пришивали въ два ряда оловянные продолговатыя пуговицы. Подъ сарафанъ надѣвалась длинная тѣльная рубашка изъ бѣлаго или синяго холста съ длинными рукавами; она замѣняла собою кофту. Головы покрывались цвѣтными платками. Съ открытой головою замужнюю женщину нельзя было встрѣтить: открытая голова считалась величайшимъ грѣхомъ. И до сего времени отъ старыхъ людей можно слышать убѣжденіе, что никто не долженъ видѣть волосъ замужней женщины послѣ того, какъ ее прикрыли платкомъ или повязкою послѣ вѣнца. Въмѣсто платка употреблялся кокошникъ, украшенный мелкими стеклянными украшениями. Каждая женщина носила двѣ косы, которыя наматывались на голову и завязывались лентой, у иныхъ съ жемчужными зернами или позументомъ, а сверху надѣвался кокошникъ. Дѣвицы носили одну косу съ вплетенною въ нее атласной лентой, но кокошника носить не могли. Онъ былъ только для замужнихъ женщинъ. Въ холодное время надѣвались душегрѣйки (тѣлогрѣи)—короткія простеганныя на ватѣ кофты; рукава часто украшались манжетами изъ той же матеріи и кружевами. Подъ душегрѣйку надѣвалась теплая выбойчатая юбка или иная цвѣтная съ вышитымъ шелками подоломъ или обшитымъ позументомъ. Женщины любили украшать себя серебряными кольцами и серьгами. Зимней одеждой была обыкновенная овчинная шуба мужскаго покроя съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, обложеннымъ мерлушкою; женскихъ шубъ съ откидными и лежащими по

плечамъ воротниками было мало. Обувь обыкновенная—кожаная башмаки, у иныхъ на деревянныхъ подошвахъ, безъ каблуковъ; домашняя—кожаные коты (обутки).

Въ гости казаки ходили, одѣваясь слишкомъ пестро,—мужчины въ бухарскіе халаты, а женщины въ китайчатые сарафаны. Любили хорошо угощать и угощаться. Почти на каждой свадьбѣ выходило до 20 ведеръ водки. Старики рассказываютъ, что коменданты преслѣдовали попойки. „Пришлетъ комендантъ солдатъ съ обыскомъ—ихъ напоятъ, накормятъ; онъ шлетъ другихъ, и съ тѣми—тоже. Такъ полкараула споятъ, а винюватыхъ не найдутъ“. Гостей усаживали по старшинству родства и лѣтъ: наиболѣе почетные занимали передній (красный) уголъ. За столомъ почти послѣ первой чарки кто нибудь затягивалъ пѣсню. И лилась, и разливалась удалая казачья пѣсня, а за нею являлась и пляска. Умѣли казаки драться на полѣ брани, но умѣли и веселиться буйно, неудержимо: во всемъ и вездѣ сказывалась удалая казачья натура.

Такъ жили и служили въ далекую старину на нашей Оренбургской пограничной линіи. Но бывое время миновало, а вмѣстѣ съ нимъ миновали и славныя дѣянія нашихъ предковъ; уходятъ въ могилу старики, а вмѣстѣ съ ними уходитъ и память о бывлой полной тревогъ и беззавѣтной отваги жизни.

А. Кривошеевъ.

Религіозное міросозерцаніе вотяковъ.

Вотяковъ въ настоящее время болѣе 400 тыс. обоего пола. Главная масса ихъ обитаетъ въ Вятской губерніи (366684 об. п.). Затѣмъ по населенности слѣдуютъ губерніи: Казанская (11521 об. п.), Пермская (8364), Уфимская (6227), Самарская (2951), Томская (224), Оренбургская (70), Тобольская (11) и Енисейская (6). Уѣздовъ, въ которыхъ живутъ вотяки, считается 22; въ томъ числѣ самый населенный вотяками Глазовскій, Вятск. г. (153782), и менѣе всего—Тюменскій (2), Тобольской губерніи. Въ отношеніи языка вотяки распадаются на группы—глазовскую и мамадышскую; эти въ свою очередь имѣютъ массу говоровъ и подговоровъ. Несмотря, однако, на различіе въ языкахъ, вотяки безъ особеннаго труда понимаютъ другъ друга.

Религіозныя различія между вотяками представляются въ такомъ видѣ. Масса исповѣдуетъ православіе (372845 об. п.); язычниковъ считается 16089 об. п., мусульманъ 3493 об. п., и старообрядцевъ 3708 об. п.¹⁾

¹⁾ Какъ эти, такъ и вышеприведенныя цифры заимствованы изъ данныхъ волостныхъ правленій за 1911 г. Въ настоящее время эти цифры, надо полагать, значительно повысились, особенно цифры православныхъ.